Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Марксизм-ленинизм
и наше время

1000 ДНЕЙ РЕВОЛЮЦИИ

Руководители КПЧ об уроках событий в Чили

МАРКСИЗМ-ЛЕНИНИЗМ И НАШЕ ВРЕМЯ

МАРКСИЗМ-ЛЕНИНИЗМ
И НАШЕ ВРЕМЯ

1000 ДНЕЙ РЕВОЛЮЦИИ

Руководители КПЧ об уроках событий в Чили

Международное издательство
«МИР И СОЦИАЛИЗМ»
Прага, 1978 г.

Под общей редакцией К. И. Зародова
Редакторы-составители А. И. Волков, С. Ф. Ярмолюк

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям 7

Р. КАСТИЛЬО
Первый критический анализ 9

В. ТЕЙТЕЛЬБОЙМ
Еще раз о событиях в Чили 41

О. МИЛЬЯС
Этапы борьбы 57

Х. ИНСУНСА
Пути революции 73

Г. МАРИН
Рабочий класс и его политика союзов 90

П. РОДРИГЕС
Проблема защиты народной власти 107

Р. РОХАС
Психологическая война — политическое оружие империализма 121

М. КАНТЕРО
Роль и характер внешних факторов 135

Л. КОРВАЛАН
Невооруженный путь революции: как он сложился в нашей стране 150

К ЧИТАТЕЛЯМ

Семь лет прошло с тех пор, как в Чили волею народа, в результате возросшей активности масс было создано правительство Народного единства во главе с Сальвадором Альенде; четыре года назад контрреволюционный переворот, организованный международной и внутренней реакцией, приостановил чилийский революционный процесс. Однако опыт и уроки чилийских событий продолжают привлекать внимание представителей коммунистического и рабочего движения, национально-освободительных сил, широкой общественности, исследователей разных областей науки об обществе. Особенно пристальный интерес коммунистов и многих других прогрессивных деятелей привлекают опыт мирного прихода народа к власти, а вместе с тем — уроки событий и проблемы, связанные с защитой революционных завоеваний, возможностями и способами противостояния силам международной и внутренней реакции. Свои толкования событиям дают и наши идеологические противники, среди которых появилось немало «советчиков», «доброжелателей» — характерное явление последних лет, — искаженно изображающих то, что произошло в Чили, и подталкивающих к ошибочным выводам.

Предлагаемая читателю книга дает новый богатый аналитический и фактический материал о чилийских событиях, помогает более глубокому и правильному их осмыслению. Книга представляет собой сборник статей, специально подготовленных для журнала «Проблемы мира и социализма» руководящими деятелями Компартии Чили, которая продолжает и углубляет анализ кульминационного периода в истории революционной борьбы народа своей страны. На основе новых фактов, новых знаний, обстоя-

тельных исследований и обсуждений авторы дают ответ на ряд принципиальных вопросов, в том числе ранее недостаточно освещенных, опровергают некоторые искаженные толкования событий. Предпринятый анализ имеет большое значение с точки зрения марксистско-ленинской теории и современной практики коммунистического движения, революционной борьбы трудящихся. Среди актуальных проблем, которые рассматриваются в книге, – соотношение демократического и социалистического этапов чилийской революции; проблемы завоевания власти и опыт мирного развития революционного процесса на этой стадии; роль рабочего класса в чилийской революции, роль коммунистической партии и политика союзов; проблема удержания и реализации власти, причины временного поражения чилийской революции; новые формы сопротивления реакции, «психологическая война» как оружие империализма; внешние факторы временного поражения чилийской революции, международный характер действия реакционных, контрреволюционных сил. Книга завершается статьей Генерального секретаря Компартии Чили тов. Луиса Корвалана, который обобщает результаты проведенного анализа в свете коллективных выводов, сделанных на первом после государственного переворота Пленуме ЦК КПЧ (август 1977 года).

Книга, по мнению ее издателей, привлечет внимание теоретиков и организаторов революционной борьбы в различных странах, специалистов, исследующих рассматриваемые проблемы, широкий круг читателей, интересующихся вопросами коммунистического движения, революционной борьбы рабочего класса и всех трудящихся.

Книга издается на русском, испанском, английском, французском, немецком языках. Отзывы о ней просим направлять по адресу: ЧССР, 166 16 Прага, 6, Тхакурова, 3, международное издательство «Мир и социализм».

ПЕРВЫЙ КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ[1]

Рене КАСТИЛЬО,
член Национального руководства Компартии Чили

ПРОГРЕССИВНОЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО было глубоко потрясено военно-фашистским переворотом 11 сентября 1973 г., свержением народного правительства президента Сальвадора Альенде. Развернувшаяся во всем мире мощная кампания солидарности с чилийским народом — одно из наиболее ярких проявлений интернационализма в истории международного рабочего движения.

Развитие этой кампании ускорялось, несомненно, беспрецедентными по своей жестокости репрессиями, развязанными фашистами. Десятки тысяч убитых и арестованных, сотни тысяч внесенных в «черные списки» — таков итог репрессий, и это возмущает совесть человечества. Голоса всех демократически настроенных людей сливаются в могучий протест.

Но широкий размах солидарности объясняется также и глубоким интересом в мире к чилийскому опыту, успехам рабочего и народного движения, которое одержало победу на выборах 1970 г., сформировало правительство, прокладывало путь к власти без всеобщей вооруженной борьбы.

В успехе революционного процесса в Чили были глубоко заинтересованы международный рабочий класс, миллионы

[1] Эта статья была написана вскоре после контрреволюционного переворота и является одной из первых попыток чилийских коммунистов исследовать достижения и причины временного поражения революции. Последующие материалы, представленные в данной книге, подготовлены в 1977 году. Статья тов. Р. Кастильо печатается с некоторыми сокращениями. — Прим. ред.

людей. Разумеется, чилийский опыт не был и не должен быть образцом для слепого подражания. Тем не менее он доказывал, что в нашу эпоху рабочий класс и народ могут открыть путь к власти в рамках буржуазной государственной системы даже и при реакционном режиме, если мощное революционное движение, способное действовать в союзе с различными социальными слоями, добьется демократизации политической жизни, закрепит демократические свободы и приведет к такому соотношению сил, которое не позволит реакции применить вооруженное насилие, чтобы помешать победе революции.

Чилийский революционный процесс получил широкий отклик среди революционеров и демократов, особенно в Латинской Америке. Именно поэтому империализм стремился обречь его на неудачу, пресечь его. На фоне расширяющейся агрессии монополий янки против Латинской Америки с целью обеспечения господства в регионе, который они называют своим «задним двором», Чили стала объектом особенно яростных нападок. Еще в 1970 г. в Вашингтоне была образована «рабочая группа» Совета национальной безопасности, которая приступила к детальному планированию агрессии против нашего народа.

Империализм решительно поддерживал подготовку путча, вернее, многочисленных попыток переворота, с которыми столкнулось правительство Народного единства. Смысл этой поддержки становится очевидным при анализе активной кампании, поднятой реакционной прессой после свержения народного правительства.

Рупор империализма и крупных монополий газета «Меркурио» не раз подчеркивала международное значение поражения чилийского народа. Выражая сокровенные мысли реакционеров, газета писала: происшедшие здесь события имеют всеобщий характер, ибо в Чили удалось повернуть вспять марксистский революционный процесс, который, как правило, необратим. Коммунизм потерпел поражение... он разгромлен на своем втором стратегическом направлении — 11 сентября в Чили потерпел неудачу легальный путь.

Любопытный аргумент! Пресловутые защитники «законности и порядка» похваляются тем, что они уничтожили демократические институты. Их приводит в восторг устроенная ими кровавая баня. Трагедия принесла им немалые выгоды.

События в Чили – действительно тяжелое, хотя и временное поражение. Поэтому вполне естественно, что возникает ряд вопросов, на которые революционеры должны дать ответ. Что было сделано народом, революционным руководством для предотвращения государственного переворота? Почему фашистская диктатура укрепилась за несколько дней, а вооруженное сопротивление, вполне оправданное и необходимое в это время, не оказалось достаточно сильным? Означает ли поражение Народного единства, что тезис о возможности завоевания власти невооруженным путем недействителен вообще или по крайней мере для Чили? Таковы лишь немногие из вопросов. Дать разъяснения – значит не только проявить готовность взять на себя ответственность за происшедшее (а это непременная обязанность революционеров перед нашим народом и мировым рабочим движением), но и выработать на основе проведенного анализа курс, который позволит достичь основной цели сегодняшнего дня – покончить с фашистской диктатурой и навсегда искоренить фашизм в нашей стране.

Конечно, никакой критический анализ нельзя считать окончательным. Со временем появятся новые факты и точки зрения по ряду вопросов. Поэтому мы не стремимся завершить предлагаемыми материалами дискуссию, которая имеет большое значение для революционного движения.

ПОБЕДА ЧИЛИЙСКОГО НАРОДА в 1970 г. явилась кульминацией напряженного периода массовых сражений на всех фронтах социальной борьбы. Эта победа стала возможной благодаря тому, что народное движение сплотилось на основе правильной политической линии, верно определившей характер чилийской революции. Были точно указаны основные противники: империализм, монополистическая и помещичья олигархия. Это было направление главного удара. Рабочий класс создал социально-политический фронт – Народное единство. Правильная общеполитическая линия позволяла в решающие моменты привлекать к сотрудничеству другие социальные слои, которые совместно с Народным единством выступали против планов реакции. Эта линия дала возможность сформировать правительство, т. е. завоевать часть политической власти, наиболее динамичную и важную. С этой выгодной позиции народное

движение начало революционные преобразования чилийского общества в обстановке острой схватки за власть с прежними господствующими классами.

Преобразования, осуществляемые рабочим классом и народом, были предусмотрены в программе Народного единства в соответствии с характером конкретного этапа революции: речь шла о преодолении отсталости и нищеты, ликвидации иностранного владычества, господства олигархии. Осуществление этих задач требовало самого широкого единства народа и в то же время открывало путь к сотрудничеству с силами, которые не входили в Народное единство, путь к их продвижению вперед. В конце 1970 г. Генеральный секретарь КПЧ Луис Корвалан следующим образом определял открывавшиеся перспективы: «В связи с характером чилийской революции, интересами классов и отдельных слоев населения, необходимостью изоляции реакции, срыва ее подрывных планов, предупреждения иностранного вмешательства, оказания отпора империалистическому давлению и, наконец, организации широкой поддержки правительства — в связи со всем этим нужно крепить единство народа, который может и должен стать действительно непобедимой силой. Таков основной вопрос, который нужно решить в ближайшие дни!»[2].

Такие свершения, как национализация крупных медных рудников, создание сектора общественной собственности на основе национализации крупных монополий, превращение банков в государственные учреждения, резкая активизация аграрной реформы, перераспределение доходов в пользу трудящихся, успехи в решении проблем жилья, здравоохранения и образования, проведение независимой внешней политики и в особенности широчайшее участие народа в решении судеб страны путем укрепления профсоюзов и Единого профцентра трудящихся (КУТ), органов управления предприятиями, советов по снабжению и ценам и т. д., — все это свидетельствует о глубоко национальном, народном и революционном характере правительства, которое возглавлял Сальвадор Альенде. Несмотря на временное поражение, такие достижения являются бесценным наследством чилийского народа. И хотя диктатура ликвиди-

[2] Л. Корвалан. Чили: к власти приходит народ. «Проблемы мира и социализма» № 12, 1970.

ровала эти достижения, они всегда будут служить примером для трудящихся и всего народа, вдохновлять их на борьбу.

Почему же этот процесс, объективно отвечавший чаяниям и интересам большинства населения страны, потерпел поражение?

Прежде всего потому, что для иностранного капитала и местной олигархии, более 150 лет обладавших всеми привилегиями, это означало лишиться навсегда власти и богатства. Они не могли примириться с этим процессом и яростно стремились обречь его на неудачу.

Развитие событий в Чили со всей очевидностью подтверждает марксистскую истину о том, что отживающие классы добровольно не отдают власть. Напротив, они зубами и ногтями цепляются за нее. Завоевание рабочим классом и народом части политической власти путем невооруженной борьбы абсолютно ничего не меняет в этом смысле.

Весьма злободневны ленинские высказывания о действиях реакционеров, потерпевших поражение. «Эксплуататоры на долгое время, — писал В. И. Ленин, — ...сохраняют неизбежно ряд громадных фактических преимуществ: у них остаются деньги... кое-какое движимое имущество, часто значительное, остаются связи, навыки организации и управления, знание всех «тайн» (обычаев, приемов, средств, возможностей) управления... неизмеримо больший навык в военном деле (это очень важно)... международные связи эксплуататоров громадны... И после первого серьезного поражения, свергнутые эксплуататоры, которые не ожидали своего свержения, не верили в него, не допускали мысли о нем, с удесятеренной энергией, с бешеной страстью, с ненавистью, возросшей во сто крат, бросаются в бой за возвращение отнятого «рая»[3].

Это высказывание применимо и к нашей стране. Но осложняющим моментом было то, что реакционеры занимали сильные позиции в государственном аппарате, в парламенте, судебных органах, в системе средств массовой информации.

Пользуясь всем этим, реакция начала войну не на жизнь, а на смерть против народного правительства. Использование ею различных средств борьбы весьма поучительно

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 263, 264

для нашего народа и, мы думаем, для других народов мира. Приведем некоторые примеры.

Реакция выступает против народных сил, особенно против коммунистов и социалистов, под флагом свободы и демократии. Но по мере обострения классовой борьбы реакционеры попирают все формы демократии, когда они противоречат их интересам. Если эти формы позволяют народу взять в свои руки управление страной или завоевать часть политической власти, они становятся объектом ожесточенных нападок со стороны своих пресловутых защитников. Находясь у власти, буржуазия «в принципе» осуждает террор и преступления, но в определенный момент она без колебаний возводит их в ранг своей политики.

Чилийский опыт убедительно показывает, что только рабочий класс и народ в состоянии сохранить и развить демократические институты. В нашу эпоху реальной гарантией политической демократии являются только революционные процессы, движение к социализму. Борьба за демократию неразрывно связана с борьбой за социалистическое развитие.

Когда власть завоевывается невооруженным путем, правящие классы в своей борьбе против революции, разумеется, черпают силы в «законности». Но в то же время эта «законность» делает революционную власть правомерной в глазах значительных общественных слоев, становится фактором, в известной мере содействующим революционным преобразованиям и накоплению сил. Поскольку речь идет о переходном этапе, прежние государственные институты временно сохраняются. Однако революционное движение не может упускать из виду, что содержание демократических институтов, унаследованных от старого строя, является классовым и что развитие демократии неизбежно связано с борьбой за изменение классового характера государства. Такова основная гарантия революционного развития. Враг пытается извлечь выгоду из подобного положения, использовать те звенья государственного управления, где он сохраняет влияние, чтобы ликвидировать институты, уже не способствующие сохранению его классового господства. В этом отношении наше правительство совершило ряд ошибок, которые позволили реакционерам, злоупотреблявшим демократическими свободами, создать условия для уничтожения всякой демократии путем фашистского госу-

дарственного переворота. Отрицательную роль сыграли идеалистическое понимание свободы, подход к решению проблем вне связи с классовой борьбой. Такие концепции проявлялись в терпимости по отношению к выходкам фашистов, содействовали их деятельности.

В обстановке борьбы, связанной с завоеванием части политической власти в рамках буржуазного государственного строя, особое значение приобретает идеологическое противоборство. Идеи отживающих классов довлеют над массами и даже хуже — преобладают среди них. К тому же реакционеры владеют средствами распространения этих идей (печать, радио, телевидение, кино, школа). Все это является сильным оружием буржуазной реставрации. Для достижения успеха народные силы должны суметь нанести поражение врагу и в этой области. Мы не смогли устранить диспропорции между средствами массовой информации, находившимися в руках реакционных и прогрессивных сил. Более того, мы недостаточно использовали имевшиеся у нас возможности. Враг же начал кампанию клеветы, которая помогла ему обмануть широкие слои.

С момента, когда рабочий класс и народ берут на себя управление страной, их деятельность в экономической области приобретает решающее значение для успеха их политики, укрепления и расширения позиций в борьбе за власть.

Утратив политическое господство, реакция отчаянно стремится ввергнуть страну в хаос. Например, монополисты и помещики в Чили без колебаний начали экономический саботаж. Их не останавливал ущерб, который они наносили стране и даже своим собственным интересам (а последние для них, несомненно, важнее, чем интересы родины). Они стремились создать трудности для правительства.

Достающиеся в наследство экономические проблемы (в Чили — это значительный внешний долг, отсталое сельское хозяйство, неразвитая инфраструктура) еще более обостряются маневрами реакции. В результате развития революционного процесса спрос на товары, особенно на предметы первой необходимости, который раньше определялся капиталистическими отношениями и соответствующим распределением дохода, возрастает и в значительнои мере вызывается реальными потребностями общества.

Улучшение условий жизни трудового народа, рост производства и производительности труда, сознательная трудо-

вая дисциплина рабочего класса, освободившегося от эксплуатации, – вот чего должно добиться революционное руководство. Решение этих задач позволит компенсировать ущерб, который наряду с сопротивлением реакции наносит бойкот, саботаж, спекуляция, черный рынок, и – что является решающим – улучшить условия жизни масс.

В такой экономически отсталой стране, как Чили, эти проблемы встают с особой остротой. Мы не смогли решить их должным образом. Внутренняя и внешняя реакция вызвала хаос, острый экономический кризис, усугублявшийся нашими ошибками и слабостями. И этим в значительной мере объясняется наше поражение.

Иными словами, реакция бросила все имевшиеся в ее распоряжении средства против народного правительства. На всех фронтах классовой борьбы, яростной битвы за господствующие позиции четко обозначились два центра противостоящей друг другу власти.

Для того чтобы народ выиграл противоборство, надо было усиливать революционную активность рабочего класса и в то же время развивать его умение действовать в союзе с другими силами. При любой политической конъюнктуре необходимо успешно решить важнейшую задачу – завоевать на свою сторону подавляющее большинство населения, что позволяет изолировать основных врагов. Об этом свидетельствует опыт, накопленный в ходе развития революционного процесса, опыт завоеванных побед.

Успех 1970 г. не следует понимать или объяснять только как победу на выборах. Народное единство фактически получило 36,3 проц. голосов. Это, несомненно, означало, что оно является крупнейшей общественной силой, учитывая ограниченность буржуазной демократии, препятствующей широкому участию рабочего класса и народа в политической жизни. Но в то же время речь шла об относительном большинстве.

Закрепить победу на выборах, обеспечить Сальвадору Альенде, собравшему наибольшее число голосов, вступление на пост президента республики удалось в новых, тяжелых массовых сражениях в сентябре – октябре 1970 года. Опираясь на демократические традиции страны, используя противоречия между различными буржуазными группировками, Народное единство добилось совместных действий с другими демократическими течениями, в частности с хри-

стианской демократией. В этих битвах народному движению удалось изменить соотношение сил в пользу революции, сплотить большинство населения на борьбу с происками основных врагов. Так была сорвана попытка государственного переворота 22 октября 1970 года. В результате этой попытки от руки реакционных заговорщиков погиб командующий армией генерал Шнейдер.

Таким образом, победа 1970 г. стала триумфом большинства населения не только потому, что Народное единство представляло и защищало его интересы (это характерная черта всякого рабочего и народного движения), но и потому, что это большинство отождествляло себя с политическими целями народного движения в конкретной политической ситуации и содействовало их достижению. Без соблюдения этого условия победы не удалось бы добиться.

Завоевать большинство для обеспечения успеха чилийской революции — значит сплотить вокруг рабочего класса самые широкие общественные слои. В любом революционном процессе играл и играет решающую роль рабочекрестьянский союз. И хотя ускорение аграрной реформы привело к весьма значительным успехам в этом смысле, степень прочности союза оставалась недостаточной в обстановке борьбы за власть (в истории классовой борьбы в Чили этот союз всегда был довольно слабым).

В условиях нашей страны было необходимо также объединить вокруг рабочего класса широкие средние слои, привлечь в той или иной форме группы немонополистической буржуазии, в частности средней и мелкой. И когда нам удавалось добиться единства с этими слоями или с их большинством, сплотить их на основе конкретных лозунгов или действий, мы одерживали решающие революционные победы. Первой из них был приход к власти народного правительства.

ОДНАКО УЖЕ В ТУ ПОРУ в народном движении высказывались разноречивые оценки, что мешало правильно руководить движением и в конечном счете стало определяющим фактором поражения 11 сентября 1973 года.

Партии и движения, входящие в Народное единство, единодушно считают, что одной из ключевых причин поражения было отсутствие единого руководства революционным процессом, способного проводить принципиальную политику и избегать опасностей «левых» и правых

оппортунистических отклонений. В этом отношении решающее значение имеет прочное единство социалистов и коммунистов – гарантия монолитной сплоченности рабочего класса и политического фронта в целом.

Единство социалистов и коммунистов существует в Чили уже 20 лет. Оно непрерывно укреплялось и в течение трех лет пребывания у власти народного правительства. Оно сохранилось и стало еще прочнее сегодня. Но совершенно очевидно, что не обходилось и без трудностей, были и бреши. Если до прихода к власти их удавалось заделывать без серьезного ущерба для всего движения, то в огне классовой борьбы, разгоревшейся после победы народа, они начали давать о себе знать с большей силой. Ибо возросли наши обязанности, а враг широко спекулировал на наших разногласиях.

Мы несем взаимную ответственность за недостаточную прочность нашего единства, не скрываем своих недостатков, порока сектантства в наших рядах, главным образом в низовых организациях. Это мешало братскому обсуждению проблем и достижению соглашений по многим вопросам. Классовый характер нашей партии, лучшие организационные возможности возлагают на нас большую ответственность, когда мы сталкиваемся с проявлениями сектантства со стороны наших оппонентов.

Компартия Чили – это партия рабочего класса. Но деятельность по руководству пролетариатом и всем народом, формы осуществления авангардной роли неразрывно связаны с нашим сотрудничеством с социалистической партией, которая также занимает важные позиции среди трудящихся. Это верная общая ориентация. В ней выражена в общих чертах идея единства революционных сил пролетариата и мелкой буржуазии. Правильность такой ориентации подтверждается фактами. Но она не должна была исключать более или менее открытого изложения, по мере необходимости, принципиальных взглядов рабочего класса. Мы вели дискуссию, разъясняли нашу классовую позицию на уровне партийного руководства. Но эта работа велась неудовлетворительно в «низах», среди народа. А ведь она могла бы помешать распространению мелкобуржуазного революционаризма, вредившего единству социалистов и коммунистов, всему революционному процессу.

Одним из факторов обострения проблем единого руко-

водства движением как раз и явилась постоянная подрывная работа против союза социалистов и коммунистов, против Народного единства. Ее вели ультралевацкие элементы. Они стремились создать явно антикоммунистический «революционный полюс», который и должен был стать руководящим центром вместо «реформистского руководства», якобы навязанного нашей партией. Такого рода взгляды нашли известный отзвук среди некоторых членов социалистической партии.

Мелкобуржуазные революционаристские течения выдвигали догматические концепции, из которых следовало, что все, кто не является пролетарием или полупролетарием, – это противники. Вся без исключения буржуазия объединялась в одном понятии – «правящий класс». Игнорировался тот реальный факт, что господствующую роль в чилийском обществе играла крупная монополистическая и аграрная буржуазия, союзница империализма. Она взваливала тяжелое бремя на плечи не только пролетариата, но и определенных групп буржуазии, широких средних слоев города и деревни. Такого рода взгляды не учитывали и не учитывают зависимый характер чилийского капитализма, факт концентрации капитала. А ведь и то, и другое является отличительной чертой эпохи империализма и порождает специфические общественные противоречия, которые непременно должны учитываться рабочим движением при выработке политического курса и определении необходимых и возможных союзников. Ультралевые концепции нанесли серьезный ущерб народному движению.

На основе упомянутых критериев левацкие элементы проводили примитивную политику при нашем правительстве. Повсюду провоцировались столкновения с мелкими и средними предпринимателями. Захватывались предприятия и недвижимость, не имевшие существенного экономического значения. Проявлялось сектантское отношение к промежуточным слоям. В результате такой политики рабочий класс постепенно оказался в изоляции, а эти социальные слои превратились объективно в союзников основных врагов нации. В борьбе за власть сложилось соотношение сил, неблагоприятное для Народного единства.

В политическом плане ультралевацкие взгляды проявлялись в отказе от каких-либо компромиссов или союзов.

Весьма типичным для леваков было искаженное представление о христианско-демократической партии. Это – массовая партия, которая в 1973 г. собрала около 30 проц. голосов избирателей (в голосовании участвовало 85 проц. экономически активного населения). В ХДП представлены многие классы. Ее влиянием охвачены и часть пролетариата и крестьянства, и часть монополистической буржуазии. Сильными позициями партия располагает в средних слоях. Но к ней относились так, словно она представляла собой единую реакционную массу. Подобная политика была весьма на руку реакционным кругам буржуазии во главе с бывшим президентом Фреем, помогала им сплачивать партию, перетаскивать ее на позиции слепого противоборства с народным правительством. И это облегчило деятельность путчистов, с которыми открыто сотрудничали сеньор Фрей и его группа, рассчитывая хотя бы частично вернуть себе власть.

Сектантские концепции давали о себе знать в неизменном отказе ультралеваков от союза народного движения с патриотически настроенными и сохранившими верность конституции военными, что ослабляло их позиции, позволяло фашистам группировать вокруг себя офицеров и в конечном счете блокировать всякое сопротивление путчистам внутри вооруженных сил.

В идеологическом плане догматизм проявлялся в почти полном пренебрежении к завоеваниям народной власти. Правительство Альенде объявлялось реформистским. Речь шла о развязывании массовой борьбы против него. В эту борьбу вовлекалась отсталая часть трудящихся, которых пичкали пестрой смесью банального экономизма и революционаристской фразеологии.

Некоторые вопросы, например, относящиеся к проблеме образования, ставились ошибочно. Это затрудняло отношения между правительством и церковью, наиболее видные представители которой положительно относились к социальным преобразованиям, проводимым народным правительством, стояли на объективных позициях, что является фактом большого исторического значения.

Как это уже бывало в истории, подобные взгляды и действия ультралевых вели к созданию питательной среды для фашизации части мелкой буржуазии, других представителей средних слоев, для усиления среди них оппози-

ционных настроений. Чилийский опыт вновь подтвердил, что ультралевачество приносит огромную выгоду империализму и реакции и они настойчиво, в самых различных формах поощряют его, чтобы наносить поражение народам. В Чили предстала во всей своей наготе, которую узрели даже носители мелкобуржуазного революционаризма, и оппортунистическая сущность «пекинских леваков». Они кончили тем, что протянули руку фашистским узурпаторам.

Недостатки в руководстве движением давали простор не только ультралевачеству, но и проявлениям правого оппортунизма. Зачастую эти идеологические уклоны исходили из одного и того же социально-политического центра.

Одной из наиболее заметных черт правого уклона был экономизм, который пустил корни среди некоторых политически отсталых групп трудящихся. Наш Генеральный секретарь от имени партии указывал, что при народном правительстве интересы трудящихся зависят уже не только и не столько от успеха тех или иных выступлений за осуществление определенных требований, а от судьбы правительства Народного единства, от достижения намеченных целей.

Чтобы размыть социальную базу правительства, буржуазные партии толкали массы на выдвижение несоразмерных требований. Но еще хуже то, что в этом же направлении действовали представители и ультралевацких течений, и некоторые подпавшие под их влияние круги Народного единства. Требования выдвигались в обрамлении революционаристской фразеологии. Преследуя узкопартийные интересы, стремясь к расширению своих позиций, эти круги не задумывались над тем, что они противопоставляют определенные группы трудящихся правительству и тем самым подыгрывают путчистам.

Необходимость подчинения борьбы за удовлетворение экономических требований борьбе за власть не признавалась этими кругами. Как можно было предвидеть, политическую незрелость чаще всего проявляли те рабочие, которые обладали менее значительными традициями борьбы, например трудящиеся ряда мелких и средних предприятий. Таким образом, различные формы экономизма также содействовали отходу промежуточных слоев от народного правительства.

Подобные тенденции проявлялись и в отношении этих групп трудящихся к битве за производство и производительность труда. Народное правительство должно было выиграть это сражение, чтобы укрепить свои позиции и решить в свою пользу вопрос о власти. Но ультралевацкие руководители заявляли, что «крупные капиталисты должны отвечать за рост производства» (!). В атмосфере объявленного ими бойкота и саботажа они предлагали массам отказаться от решения важнейшей задачи, в конечном счете определяющей общественное развитие. Они не желали знать о поставленных целях и, стре мясь к дешевой популярности, льстили массам. Так ультралевачество и правый оппортунизм сливались воедино.

ЧИЛИЙСКОМУ РЕВОЛЮЦИОННОМУ ПРОЦЕССУ наносили ущерб и проявления бюрократизма, пережиток непролетарского представления о государственном аппарате, проявление неверия в народные массы. В той части государственного управления, которая перешла в наши руки после победы 1970 г., дали о себе знать тенденции к ее «ассимиляции», т. е. использованию без всяких изменений, что противоречило усилиям, направленным на ее преобразование, главным образом путем возрастающего участия народных масс в осуществлении функций власти.

До народного правительства ни одно чилийское правительство никогда не предоставляло рабочему классу и народу таких широких возможностей контролировать и планировать жизнь общества. Но говоря о недостатках, мы задаемся вопросом, в какой мере выполнение данной задачи отвечало требованиям революционного процесса и темпам изменения классового содержания государственных институтов.

Буржуазное государство, можно сказать, начинается с бюрократизма и кончается им. Мы, революционеры, обладаем сказочными резервами умножения наших сил и эффективности. Это — привлечение трудящихся к выполнению различных задач по управлению государством, к созданию «чрезвычайно сложной и тонкой сети новых организационных отношений, охватывающих планомерное производство и распределение продуктов, необходимых для существования десятков миллионов людей»[4].

[4] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, стр. 171.

Неукоснительное выполнение этих задач требовало глубокой веры в массы и классовой твердости. В борьбе с бюрократизмом коммунисты стремились к тому, чтобы люди, занимающие государственные посты, не получали привилегий. Нашим ответственным работникам назначалось скромное жалованье, а оставшиеся суммы передавались в казначейство. Мы добивались установления жестких правил, чтобы избежать проявлений коррупции или стремления извлечь выгоду из служебного положения. Сотни рабочих были выдвинуты на руководящие посты и беззаветно боролись за расширение участия рабочего класса и народа в управлении государством.

Однако результаты были неудовлетворительны, и мы допускали ошибки. Возьмем, к примеру, систему участия трудящихся в руководстве предприятиями, действовавшую параллельно с профорганизациями. Она была рождена самими массами, но для выполнения другой и до известной степени противоречивой функции, и замедляла действительное приобщение трудящихся к руководству предприятиями, породила вредную тенденцию в жизни профсоюзов. Их роль сводилась только к выдвижению экономических требований, в руководстве же предприятиями профорганизации не участвовали. Мы начали исправлять эту ошибку, когда она уже нанесла вред.

В конечном счете все разновидности «левого» и правого оппортунизма влияли на народное движение. Но некоторые из них решающим образом содействовали ослаблению позиций, завоеванных в борьбе за власть.

Как говорилось в первом нашем обращении к народу после фашистского переворота, «коммунистическая партия абсолютно уверена в том, что ее позиция безоговорочной защиты правительства Народного единства, ее шаги, направленные на достижение взаимопонимания с другими демократическими кругами, особенно в «низах», ее стремление вселить уверенность в средние слои населения, ее усилия направить главный удар против основных врагов — империализма и внутренней реакции, ее настойчивость в деле укрепления союза коммунистов и социалистов, единства рабочего класса и взаимопонимания между партиями Народного единства, ее борьба за увеличение производства и повышение производительности труда, за рентабельность предприятий государственного сектора,

строгое соблюдение трудовой дисциплины были составными частями полностью правильной общей политики. Однако это не значит, что у нас не было слабостей и ошибок.

Наша политика завоевала широкое признание масс, и значительная часть рабочего класса и народа самоотверженно боролась за выполнение задач революции, но нам не удалось сплотить на этой основе все народное движение.

В конечном итоге Народное единство не смогло избежать изоляции рабочего класса, привлечь на свою сторону большинство населения, кровные интересы которого были неразрывно связаны с успехами народного правительства. Это предопределило развязку и обеспечило победу контрреволюции в борьбе за власть, что означает не только военное, но и политическое поражение (мы потерпели военное поражение главным образом потому, что нас победили в политическом отношении). Наше поражение – следствие изоляции рабочего класса от его союзников.

Наша партия, действуя в тесном контакте с президентом Альенде, последовательно борясь за единство взглядов всех участников Народного единства, прилагала усилия к решению проблемы власти в нашей стране без вооруженной борьбы. Мы исходили из того, что любой путь к власти предполагает активную мобилизацию масс. Успех революционного процесса немыслим без борьбы. Сила масс необходима для подавления сопротивления реакции, которая неизбежно противостоит народу, идущему к своим целям, для предотвращения насилия со стороны реальной или потенциальной системы реакционной власти. Возможность успеха на невооруженном пути (иногда этот путь называют мирным, но это не совсем точное определение) основывается на способности масс схватить за руку тех, кто хочет развязать реакционное вооруженное насилие. Такая возможность появляется при определенных исторических условиях. Она возрастает при более благоприятном для народа соотношении сил и при большей изоляции реакционеров.

Работая в этом направлении, мы добились крупных побед. Как известно, после избрания Альенде империализм и олигархия сначала пытались помешать ему вступить на пост президента. Когда эта попытка потерпела неудачу, они поставили целью свержение его правительства. В течение трех лет народ Чили сорвал заговоры ЦРУ-ИТТ (октябрь 1970 г.), майора Маршалла (март 1971 г.), происки генерала

Каналеса, забастовку транспортников, частных торговцев и представителей свободных профессий (октябрь 1972 г.), попытку переворота, предпринятую полковником Супером (июнь 1973 года). В каждом случае победа народа над заговорщиками оказалась возможной, ибо соотношение социальных сил, созданное в результате действий правительства, партий и народных масс, было благоприятным для Народного единства.

Напротив, переворот 11 сентября свершился потому, что империализм и внутренняя реакция сумели создать широкий фронт, выступавший против народного правительства. **С классовой точки зрения** этот фронт выглядел следующим образом: помимо монополистической буржуазии и аграрной олигархии, составляющих его реакционное ядро, в него входили подавляющее большинство средней и мелкой буржуазии, большинство средних слоев, отсталая часть других социальных слоев. **С политической точки зрения** путчисты привлекли на свою сторону, помимо явно реакционных партий, большинство ХДП во главе с сеньором Фреем и правые элементы, отколовшиеся от радикальной партии. **С военной точки зрения** противник сумел привлечь к участию в перевороте подавляющее большинство вооруженных сил и карабинеров, практически исключить какое-либо их участие в защите демократического строя.

Это стало очевидным через несколько часов после начала путча. Во многих местах поначалу было организовано народное сопротивление. Многие члены нашей партии, других партий Народного единства пали в героической борьбе. Они сражались буквально тем, что было под рукой. Но рабочий класс и народ, руководство революционных партий и президент Альенде, все мы понимали, что было бессмысленно бросать все силы и резервы в неравный бой.

Президент обратился к народу, сообщив о своем решении и взглядах. В этом историческом испытании, сказал он, я заплачу своей жизнью за верность народу. Сила на их стороне, они смогут победить. Но ни преступлением, ни силой нельзя остановить социальные процессы. Народ должен защищаться, но не приносить себя в жертву. Народ не может позволить растоптать, изрешетить себя, но не может позволить и унижать себя. Этот мрачный горький час переживут другие люди. Я уверен, что не напрасно жертвую собой...

Нет нужды подчеркивать достоинство этих слов, звучащую в них революционную самоотверженность. Но важно также понять, что товарищ президент оценил политическую конъюнктуру как крайне неблагоприятную для народных сил.

В этом смысле мы и оцениваем наше поражение прежде всего как политическое, а уже потом как военное. Изоляция рабочего класса от его союзников позволила развязать реакционное насилие и в то же время лишила рабочий класс и народ **возможности** взяться за оружие. Мы официально допускаем такую возможность, но при условии, если это не равнозначно массовому самоубийству.

Трагический исход этого этапа чилийской революции требует также анализа проблемы вооруженных сил и нашей позиции в этой связи. Переворот 11 сентября означает, что путчисты заставили чилийские вооруженные силы порвать с давними традициями невмешательства в политическую жизнь, изменить профессиональному долгу и верности демократическим институтам.

Народное движение опиралось на эти традиции при выборе революционного пути. Уже при народном правительстве мы следовали той же ориентации, стремясь развивать демократические традиции, укреплять институционный характер вооруженных сил, чтобы сорвать попытки фашистских элементов превратить военных в цепных псов реакции.

В своей политике мы делали упор на дух профессионализма в армии и уважение ею избранного правительства, стремились создать возможности для участия вооруженных сил в решении задач экономического строительства без ущерба для их подготовки к обороне страны. В кризисные моменты, основываясь на этих принципах, мы действовали в союзе с верной конституции, патриотической частью армии, что сыграло решающую роль в разгроме выступления заговорщиков в октябре 1972 года. Такой союз мог бы развиваться, если бы этому не препятствовали ультралевацкие концепции.

Между тем путчисты продолжали заговорщическую деятельность. Они сместили с командных постов патриотов, военных, верных народному правительству. Постепенно, предательским образом они занимали ключевые посты. Их успех имеет под собой и объективную основу. Они смогли осуществить свои планы, опираясь на реакционную идеоло-

гию, навязанную вооруженным силам главным образом в результате империалистического проникновения, и на классовый состав офицерства. Значение этих факторов возрастало по мере усиления изоляции рабочего класса от его союзников. Велась длительная подрывная деятельность. Существовал оперативный план, осуществление которого, судя по признаниям Пиночета, началось еще в 1972 году. Все это увенчалось фашистским переворотом.

Со своей стороны мы не смогли создать достаточной опоры среди унтер-офицеров и солдат, которые в силу своего классового происхождения тянулись к народному правительству. В известной степени наблюдалось противоречие между нашим стремлением укреплять профессиональный характер вооруженных сил и работой по разъяснению среди солдат значения правительства Народного единства.

Проявлялись излишние иллюзии в отношении истинной верности вооруженных сил профессиональному долгу и конституции. Как партия мы допустили одну из самых серьезных ошибок, переоценив демократизм государственной системы в Чили, и своевременно не приняли мер к ее преобразованию. Наряду с прочим это относится и к вооруженным силам.

Таковы некоторые уроки трагических событий в нашей стране.

В РЕЗУЛЬТАТЕ ВОЕННОГО ПЕРЕВОРОТА в нашей стране установлена фашистская диктатура. Это крайне правый режим, возврат к прошлому, к господству империализма и монополистической, помещичьей олигархии, господству, не ограниченному конституцией и законами. Это абсолютная, зверская власть, опирающаяся на силу оружия и исполненная реваншистским духом. Политика хунты — выражение ее классового характера и фашистской идеологии[5].

Хунта узурпировала власть, воспользовавшись политическим положением, когда соотношение сил было неблагоприятным для народного движения, когда большинство

[5] Оценка конкретной ситуации в стране дана в статье на время ее написания — лето 1974 г., соответственно сформулированы и задачи коммунистов. В последующих статьях, написанных, как уже указывалось, в 1977 г., анализ положения в стране продолжен и развит, задачи партии уточнены и конкретизированы. — Прим. ред.

населения не было готово защищать законное правительство. Но социальный блок, сформированный главными врагами чилийского народа, начал разваливаться уже через 6 месяцев правления хунты. Ее действия ущемляют интересы большинства чилийцев и отвергаются этим большинством. Ни у кого не осталось иллюзий.

В политической области деятельность хунты проявилась в ликвидации всех форм демократии. Массовые репрессии, непрерывное разнузданное надругательство над элементарными правами человека, уничтожение всех демократических свобод — таковы главные черты этой политики.

Путчисты покончили с правовым государством, создав полицейское государство. Как подчеркивает наша партия, военный переворот уничтожил все институты, оставив только дряхлую судебную систему и марионетку — генерального контролера республики. Они превратились в чисто декоративные учреждения: судьи утверждают решения военных трибуналов, контролер визирует военные приказы как имеющие якобы силу закона.

В культурной и идеологической областях предпринимаются попытки искоренить марксизм, «все доктрины», которые, по выражению идеологов хунты, «служат прикрытием марксизма или подыгрывают ему». Подобную же задачу кое-кто уже ставил перед собой в прошлом, и мы знаем место, уготованное таким людям историей.

Но фашизм не может одним росчерком пера расправиться с демократическими традициями, родившимися в многолетней борьбе рабочего класса и народа. Нельзя убить любовь к свободе, обычаям, ставшим неотъемлемой частью национального характера. Народ, и прежде всего многочисленный, боевой и организованный рабочий класс, не может обходиться без прав. В Чили существуют прочные традиции разнообразных форм организации и волеизъявления масс. В частности, значительное развитие получили профсоюзы, глубоко укоренившиеся политические партии. Ныне это важный фактор единства во имя демократического обновления.

Огромное значение имеет весьма показательная сама по себе позиция церкви по отношению к бесчеловечным репрессиям. Многие прелаты, священники взяли в свои руки защиту преследуемых, создали широко разветвленную

сеть комитетов «ad hoc»[6] для оказания помощи и призывают к участию в них тысяч верующих.

Архиреакционная экономическая политика хунты наносит ущерб огромному большинству чилийцев. Она взваливает на плечи трудящихся и других слоев народа последствия экономического кризиса, вызванного прежде всего бойкотом и саботажем реакции в период пребывания у власти народного правительства и усиливающегося в связи с мировым кризисом капитализма.

Поднялась невиданная волна роста цен. Покупательная способность населения резко падает. Увольнения по политическим мотивам ведут к усилению безработицы, порожденной экономическим кризисом, и так или иначе охватывают широкие средние слои, лиц свободных профессий, мелкую буржуазию.

Эта политика благоприятствует концентрации монополистического капитала. Ускоренное капиталистическое накопление происходит за счет сверхэксплуатации наемного труда, обнищания масс, что ведет к резкому сужению внутреннего рынка. В то же время исчезают «нерентабельные предприятия», за эталон берется уровень производительности в развитых капиталистических странах. В целях стимулирования этого процесса ликвидируется система таможенного протекционизма и, параллельно, резко сокращаются кредиты. Все делается для развития безудержной «свободной конкуренции». Иными словами, страна отдана на милость местного и иностранного монополистического капитала.

Политика хунты тяжело сказывается на положении рабочего класса. Она сочетается с подавлением профсоюзного движения, запретом петиций и забастовок, с попытками ликвидировать сплоченное движение трудящихся и т. д. Она направлена и против крестьянства. У тысяч крестьян отбираются завоеванные земли. Сельскохозяйственные рабочие обрекаются на нищету.

Такая политика бьет и по средним слоям. Снижаются их доходы, увеличиваются налоги, с помощью которых государство финансирует монополистическую экспансию. Наконец, эта политика до крайности обостряет противоречия между немонополистической и монополистической

[6] Ad hoc (лат.) – созданный со специальной целью. – Прим. ред.

буржуазией. «Свободная конкуренция» ведет к разорению большинства средних и мелких собственников. Деятельность хунты не имеет ничего общего даже с буржуазным реформизмом. Не остается никакой экономической основы для проведения популистской политики. Всем овладевают монополии.

Хунта провозгласила себя националистической. Ее «национализм» проявляется, в частности, в типично фашистском преследовании иностранцев (политэмигрантов, интеллигентов, рабочих). Но это не может скрыть антипатриотического подчинения хунты диктату североамериканского империализма. Отличительная черта ее деятельности – денационализация наших богатств. Международный валютный фонд вновь хозяйничает в чилийской экономике. Его наблюдатели распоряжаются, а «националисты» подчиняются.

ПРИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЪЮНКТУРЕ, возникшей после фашистского переворота, основным противоречием попрежнему остается противоречие между чилийским народом и объединенными силами империализма, монополистической и помещичьей олигархии. Основные враги остались прежними. Изменились лишь формы их господства. Стремясь любой ценой вернуть привилегии и позиции, утраченные ими за три года народовластия, они прибегли к фашизму – единственному средству восстановления, реставрации их классового господства.

В сложившихся условиях антиимпериалистический и антиолигархический фронт приобретает форму антифашистского фронта. В него войдут силы, искренне выступающие в защиту достояния чилийской нации, демократических ценностей, которые фашизм стремится уничтожить. Эти силы войдут в антифашистский фронт еще и потому, что их социально-экономические интересы находятся в вопиющем противоречии с политикой, навязанной фашизмом. Конкретные исторические условия ведут к слиянию демократической борьбы с борьбой за революционные преобразования.

Политическую линию революционного народного движения важно строить на основе накопленного опыта, с учетом наших успехов и наших ошибок. Она не может грешить пороками сектантства, которые в недавнем прошлом сузили возможности рабочего класса в его политике союзов.

Более того, быть сектантом в вопросе о путях революционной борьбы – значит лить воду на мельницу фашистов.

Наша партия заявляет, что при нынешнем положении особое значение имеет единство социалистов и коммунистов как основное условие сплоченности рабочего класса, сил Народного единства и наиболее сознательных слоев населения. «Но вместе с тем необходимо двигаться дальше по пути единства действий и сплочения с народными слоями, не ладившими с народным правительством. Раздел между народом и его врагами следует проводить, глядя не в прошлое, а устремив взор в будущее. Решающая линия раздела уже не та, что проходила между правительством и оппозицией до государственного переворота, теперь это линия, отделяющая фашистов и узурпаторов правительственной власти от тех, кому приходится страдать от последствий реакционной политики и кто выступает за демократическое обновление, за прогрессивные общественные перемены, за национальную независимость»[7].

Очевидно, что Народное единство сыграет свою роль, если его участники на основе братского диалога, на принципиальной основе добьются нового уровня взаимопонимания. В этом гарантия единой стратегии и тактики, совместного руководства революционными отрядами и преодоления недостатков прошлого. Таков ключевой вопрос. В Народном единстве проявляется тенденция к более полному взаимопониманию на базе принципиальной политики. Мнения, высказываемые каждой партией в отдельности, свидетельствуют о почти единодушном признании необходимости сконцентрировать усилия на организации, сплочении и борьбе масс. Только это может служить прочной основой развития всего процесса.

Еще один ключевой вопрос в политической области – более активное участие христианских демократов в антифашистском фронте. В ХДП ведутся споры с двух позиций. Одни круги время от времени критикуют политику хунты, но лишь с единственной целью – добиться изменения этой политики по отношению к ХДП, признания партии и ее участия в буржуазном правлении. Но есть и другие, демократи-

[7] Заявление Коммунистической партии Чили, декабрь 1973 года.

ческие, народные круги. Руководствуясь освободительными принципами и пониманием необходимости социальных перемен, они склоняются к взаимопониманию с левыми силами. От самих христианских демократов зависит, кто победит в этом споре.

Внутрипартийные проблемы ХДП непосредственно не касаются нас, но мы должны избегать сектантства, играющего на руку реакционным кругам, и, напротив, проявлять стремление к единству, чтобы ХДП полностью и на основах равенства вошла в состав антифашистского фронта. Этого можно добиться: есть объективная база, ее расширению способствуют действия наших общих врагов.

Роспуск ХДП, объявление ее фашистами вне закона на неопределенный срок, удушение ее газеты с помощью экономических рычагов и цензуры – такова реакция хунты, которая пытается репрессиями подавить недовольство ее политикой среди широких слоев христианских демократов.

В антифашистском фронте могут также участвовать и левые организации, не входящие в Народное единство. Для этого важно прийти к соглашению по вопросам программы и методов борьбы, наладить уважительные и братские взаимоотношения в совместной деятельности.

ВОЗРОЖДЕНИЯ ДЕМОКРАТИИ не добиться без борьбы. Активное сопротивление, которое мы понимаем как действия народных масс и их объединений против диктатуры, уже началось. Оно проявляется в реорганизации рабочего и народного движения, в борьбе отдельных групп рабочего класса за свои права. Разумеется, эти выступления пока слабы и носят спорадический характер, но они имеют большое значение, если учесть общий отлив рабочего движения в связи с переворотом. Сопротивление проявляется также в солидарности с жертвами преследований и в новых связующих нитях, объединяющих народ.

Создание фронта – нелегкая задача. Необходимо уточнить общие взгляды, найти практическое решение существующих проблем. По мере развития антифашистского фронта будет вырабатываться программа правительства всех народных сил. Конечная цель фронта – разгром диктатуры, разрушение созданного ею тоталитарного полицейского государства и создание нового, правового, демократического, антифашистского, национального, народного, представительного государства, которое обеспечит возрождение

демократии, искоренение фашизма, революционные преобразования и национальную независимость.

В документе, обнародованном нашей партией вскоре после переворота, подчеркивается, что «...народ снова вернется к власти и он, разумеется, не будет обязан восстанавливать все существовавшие ранее институты. Народ примет новую конституцию, выработает новые кодексы и законы, издаст новые декреты, учредит новые государственные органы и институты, установит правовое государство более высокого типа, чем то, которое было задушено в результате военного переворота. Это будет такое правовое государство, при котором будет уважаться свобода совести, свобода убеждения, будут соблюдаться все нормы гуманности, но не будет места для законов, под покровом которых возможны фашизм, экономический саботаж или подрывные действия»[8].

Тяжелые дни, переживаемые страной, не пройдут бесследно. Уже выброшены на свалку истории институты, в которые слепо верили многие люди. Кто будет теперь защищать судебную систему вроде существующей или парламент, который уничтожен переворотом из-за его же собственной бездеятельности?

Таким образом, когда мы говорим о демократическом, антифашистском обновлении, мы имеем в виду не просто восстановление положения, существовавшего до 11 сентября, а широкое развитие демократии. Институты нового государства должны действительно обеспечить власть большинства населения, гарантировать искоренение гражданских и военных фашистских элементов и располагать средствами для их подавления, если они вновь осмелятся поднять голову.

Как по своим целям, так и в силу своей социальной структуры государство, которое родится в результате борьбы антифашистского фронта, гарантирует существование многопартийной системы, право нормальной деятельности демократических партий. Мы выступаем за народное многопартийное правительство, еще более представительное, чем правительство Народного единства. Это должна быть сильная революционная власть, обеспечивающая устойчивую демократию и ускоренный социальный прогресс.

[8] Обращение Компартии Чили, октябрь 1973 года.

АНТИФАШИСТСКИЙ ФРОНТ должен решить еще одну важную проблему – изменить коренным образом вооруженные силы и корпус карабинеров. Не решив ее, невозможно добиться создания и укрепления демократического государства, к которому мы стремимся.

Вооруженные силы, огнем и мечом обратившие вспять развитие страны, поставлены на службу империалистической и олигархической реставрации. Генералы и офицеры, содействовавшие вовлечению военных институтов в заговор против Чили и народа, несут страшную ответственность перед историей за жизнь людей, пролитую кровь. Они попрали честь и престиж вооруженных сил в глазах народа, всего мира. Разрушив, растоптав лучшие традиции Чили и превратив вооруженные силы в палача своего народа, они совершили тягчайшее преступление – изменили родине.

Разумеется, ни раньше, ни теперь мы не воспринимали и не воспринимаем социальную борьбу как противоборство между штатскими и военными. Среди тех, кто носит военную форму, есть люди, сознающие свой патриотический долг. Несмотря на демократические настроения, они не смогли помешать развязыванию террора против народа. Более того, немало военных, поднявших голос протеста против фашистского переворота и репрессий, серьезно пострадали, а многих из них казнили после спешного суда или вообще без него. Когда писалась эта статья, перед судом предстали десятки солдат, унтер-офицеров и офицеров. Народное движение начало кампанию солидарности во имя спасения их жизней.

Чили нуждается в таких вооруженных силах, которые никогда более, ни при каких обстоятельствах не выступят против интересов народа и не превратятся в цепных псов олигархии и империализма. В цитировавшемся документе нашей партии говорится: «После того, что случилось, народ Чили имеет право поставить своей целью создание вооруженных сил и полиции нового типа или, по крайней мере, изгнать из армии, полиции и следственных органов фашистские элементы, исключив повторение трагедии, которую переживает в настоящее время народ»[9].

Важно, чтобы к достижению этих целей стремились не

[9] Обращение Компартии Чили, октябрь 1973 года.

только силы народного движения, но и солдаты, офицеры, демократически настроенные и верные профессиональному долгу.

С другой стороны, политическое развитие вооруженных сил и корпуса карабинеров – это фактор, который может решающим образом повлиять на характер и формы антифашистского сопротивления. Путчисты навязали высшим офицерам фашистскую ориентацию и пытаются фашизировать все вооруженные силы. Но демократические, патриотические традиции, попранные переворотом, не умерли, и процесс фашизации наталкивается на возрастающее сопротивление солдат, унтер-офицеров и офицеров. Это происходит в обстановке всеобщего недовольства политикой хунты и неуверенности в завтрашнем дне.

Народное движение заявило о решимости вести максимально широкую работу во имя возрождения демократических и патриотических традиций, энергично противодействовать политике хунты, разоблачать ее. Фашисты отчаянно пытаются укрепить свои позиции, подкупают офицеров увеличением жалованья (оклады военных значительно превышают нормы, установленные для трудящихся, а «состояние внутренней войны» означает дополнительную 15-процентную надбавку). Беспрерывно увеличивается призыв на военную службу, и это ведет к росту налогов на трудящихся. Но мы уверены, что фашисты не возьмут верх над народом.

БОРЬБА ЗА РАСШИРЕНИЕ ДЕМОКРАТИИ, как уже говорилось, переплетается с революционными преобразованиями. Между этими двумя целями не может быть разрыва, когда роль гегемона в антифашистском фронте играет рабочий класс.

Завоевание гегемонии возможно на основе укрепления единства. Хотя весь процесс образования фронта – это процесс объединения и борьбы, победа революции может быть обеспечена лишь в том случае, если рабочий класс неуклонно проводит независимую политику, разъясняя, а не навязывая ее другим общественным слоям. Противоречия внутри фронта – закономерное порождение общественной жизни, но они не должны носить антагонистический характер. Рабочий класс сможет практически играть руководящую роль, если завоюет на свою сторону бóльшую часть общества. Но это предполагает его союзы с широ-

кими социальными слоями. Поэтому фронт может действовать только на основе всаимопонимания. Возможности для этого тем шире, чем сильнее рабочий класс, чем выше его революционная активность.

Быть революционером – значит содействовать углублению общественных противоречий, но не в какой-то абстрактной форме, а с учетом обострения основного противоречия. Действуя таким образом, можно добиться слияния борьбы за демократию и революционные преобразования, за широкие союзы и превращение рабочего класса в центр единства, движущую силу и гарантию глубины революционных изменений.

Решающее значение для достижения этой цели имеет способность рабочего класса использовать в антифашистском сопротивлении лозунги и формы борьбы, позволяющие объединить все демократические силы, способность проводить принципиальную политику, исключающую опасность правого и «левого» оппортунизма.

Революционную ситуацию может выкристаллизовать только такое массовое движение, которое учитывает конкретные проблемы, стоящие перед народом. Формы борьбы рождаются в ходе самого процесса. Революционное руководство организует, обобщает и делает осознаными формы борьбы, не упуская из виду уровень политической зрелости народных масс, реальное соотношение сил и необходимость каждым своим шагом улучшать это соотношение в пользу народа.

Лозунги важно выдвигать в полном соответствии с тактическими целями каждого этапа накопления революционных сил. Их необходимо нести в массы, проводя различие между стратегическими и тактическими, пропагандистскими и агитационными лозунгами, учитывая взаимосвязь между ними, не путая их.

Это значит, что пути индивидуального террора, авантюризма или заговора должны быть отвергнуты народным движением. Опыт минувших месяцев диктатуры показал: фашисты мечтают о том, чтобы народ перешел к действиям такого рода. Это позволило бы оправдать террор, на который опирается их власть. В прошлом террористические и провокационные действия сослужили немалую службу врагам народа. Сейчас, учитывая характер власти, результаты были бы еще более серьезными. Наиболее значитель-

ные силы народного движения, в частности коммунисты и социалисты, уже выразили свое мнение по этому поводу.

С другой стороны, наша партия считает, что мы не должны устанавливать рамки или схемы этапов борьбы против фашизма, за новое правительство. Мы считаем, что пытаться решить данную проблему сегодня – это значит ничем не помочь успеху революционного процесса. И тем не менее мы считаем полезным дать некоторые уточнения в этой связи.

Прежде всего необходимо подчеркнуть, что опыт классовой борьбы в нашей стране, в том числе опыт тяжелого временного поражения, не опровергает, а подтверждает теорию революции, разработанную международным рабочим движением. Возможность завоевания власти невооруженным путем в определенных странах и при определенных исторических условиях не исключается фашистским переворотом в Чили, вопреки тенденциозным утверждениям реакционеров и выступающих вкупе с ними представителей мелкобуржуазного революционаризма. И точно так же временная неудача национального движения, которое прибегло к восстанию или другим формам вооруженной борьбы, не означает, что революцию в этой стране нельзя совершить таким путем.

В Чили возможности завоевания народом политической власти путем невооруженной борьбы, очевидно, значительно уменьшились по сравнению с теми возможностями, которые существовали до 1970 года. Участие в выборах, как одна из форм борьбы за власть, вообще исключено на неопределенный срок после путча.

С другой стороны, фашистское господство увеличивает возможность того, что, в связи с возмущением большинства чилийцев, силы реакции, стремящиеся заковать народ в цепи даже ценой гражданской войны, развяжут эту войну против нарастающего массового движения, добивающегося их отстранения от власти. Сегодняшние действия путчистов, проявляемая ими крайняя жестокость подтверждают такое предположение. При таких обстоятельствах вооруженные действия народа станут обязательными. Формы их могут быть разнообразными, они зависят главным образом от веса рабочего класса в чилийском обществе. Более вероятным, например, может оказаться восстание с боями по всей стране, нежели формы партизанской борьбы.

Однако широкие возможности для политики союзов, открывающиеся перед рабочим классом в связи с самим существованием фашизма, создают предпосылки такого соотношения сил в нашу пользу, при котором реакция не осмелится применить оружие против наступления народа.

Несмотря на ликвидацию демократии в стране, гражданская война не обязательно является единственной формой продвижения народа вперед. Всеобщая политическая забастовка, поддержанная огромным большинством населения, может сковать руки тех, кто хочет развязать реакционное вооруженное насилие. Так было в нашей стране, когда чилийский народ избавился от военной диктатуры в 1931 году.

Иными словами, наша партия стремится избежать вреда, который может нанести процессу накопления революционных сил и демократического обновления какая-либо догматическая оценка. Мы также не хотим, чтобы движению были навязаны схематические формулы мелкобуржуазного революционаризма типа «винтовка рождает власть». Власть рождается силой масс, хотя и винтовки, очевидно, играют свою роль, как это подтверждает наш опыт. Но из этого опыта следует также, что винтовки молчат или стреляют в зависимости от силы народа. Если же они стреляют, когда народ силен, сплочен и готов к борьбе, то он находит средства заставить их замолчать, как это доказывает другой революционный опыт.

Но мы настойчиво подчеркиваем: какой бы путь революции ни был избран, основное — это широкая, полная мобилизация масс, использование всех возможностей борьбы, сражения на всех фронтах и все большая сплоченность всех сил вокруг рабочего класса. Эту задачу легче выполнить, если революционные силы будут крепить взаимосвязь между демократическими целями и социалистической перспективой чилийской революции. Так можно усилить изоляцию фашизма во всех областях. Главное — конкретная, повседневная, терпеливая работа среди тысяч трудящихся, всех граждан, среди женщин и молодежи. Это — ключ к победе в любой борьбе.

Без опоры на силу масс не может увенчаться победой ни один революционный процесс. Насилие присуще любому пути прихода к власти рабочего класса и народных сил, оно может применяться с использованием оружия или без

него. Формы насилия зависят от характера сопротивления, которое оказывает или, вернее, может оказать реакция. Это зависит также от активности пролетариата, от степени изоляции врагов, от процессов внутри вооруженных сил, от международного положения и т. д. Поскольку такие переменные величины не могут быть определены сегодня, строить схемы было бы ошибкой. Они бы наверняка рухнули в ходе развития революционного движения.

ЗА НЕСКОЛЬКО МИНУТ ДО СМЕРТИ, обращаясь в последний раз к чилийскому народу, товарищ президент Сальвадор Альенде выразил глубокую веру в силу рабочего класса и народа, веру, присущую стойкому революционеру. Я убежден, сказал он, что семена, посеянные нами в гордом сознании миллионов чилийцев, нельзя выкорчевать. Продолжайте свое дело, сознавая, что рано или поздно благородные люди вновь откроют себе великий путь к построению лучшего общества.

Мы, коммунисты, убеждены в этом. Нет такой силы, которая могла бы задержать навсегда революционный процесс, несмотря на всю тяжесть временных неудач. Мы глубоко сознаем свою ответственность перед международным рабочим движением. И сегодня, как никогда, благодаря мощной кампании солидарности с нашим народом, проводимой людьми демократических убеждений, мы чувствуем себя обязанными неустанно крепить сотрудничество и единство со всеми революционными течениями, чтобы одержать победу над фашизмом. Наша партия готова отдать борьбе против фашизма всю свою энергию и боеспособность, готова к любым жертвам.

Военная хунта клевещет, извращает факты, пытаясь представить в ложном свете неизменно патриотическую позицию коммунистов. Применяя самые зверские методы, фашисты стремятся сломить находящихся в заключении членов нашей партии, представителей широких народных слоев, заставить их признаться в преступлениях, которых они не совершали.

Это делается для того, чтобы снизить боевой дух рабочего класса и народа. Однако подорвать сопротивление не удалось. Фашисты не смогли скрыть, что приговоренные к смерти коммунисты и под дулами винтовок сохраняют преданность своим идеям. Они умирают с верой в то,

что родина и партия будут жить, убежденные, что дело рабочего класса и народа непобедимо.

Даже самые отъявленные реакционеры в отчаянии вынуждены признать, что им не удалось уничтожить компартию. Для достижения этой цели они требуют усилить репрессии. Но они потерпят крах. Обречены на неудачу и их бредовые попытки утверждать, что наша партия страдает-де от внутреннего раскола. Сплоченность коммунистов становится прочной, как никогда. Перед доносчиками, вражескими лазутчиками, подрывной деятельностью фашистов встает монолитная стена. В эти дни тысячи чилийских коммунистов неутомимо трудятся среди масс, крепят героическую партию, вдохновляемую бессмертным учением марксизма-ленинизма. Ее выковали Рекабаррен, Лаферте, Гало Гонсалес, Фонсека, Неруда и тысячи других борцов, и она стала неуязвимой.

Боевой дух нашей партии ярко выразил Генеральный секретарь тов. Луис Корвалан: «Я твердо убежден, что мы выйдем из этого темного туннеля, восстановим нашу свободу и трудящиеся, наконец, смогут занять то место в истории, которое им принадлежит».

ЕЩЕ РАЗ О СОБЫТИЯХ В ЧИЛИ

Володя ТЕЙТЕЛЬБОЙМ,
член Политкомиссии ЦК Компартии Чили

ЕСЛИ В. И. ЛЕНИН ОСНОВАТЕЛЬНО УЧЕЛ уроки Парижской Коммуны и русской революции 1905–1907 гг., чтобы на их основе выработать стратегию и тактику, которые привели затем к победоносной Октябрьской революции 1917 г., то для чилийцев крайне необходимо, глубоко изучив происходившее в нашей стране на протяжении 1 000 дней правления Народного единства во всем многообразии его типичных и нетипичных факторов и черт, извлечь из этого соответствующие теоретические и практические выводы. Мы имеем ценнейший материал для анализа. На его основе в определенном социальном микромире, в рамках небольшой страны, насчитывающей 10 млн. жителей, мы можем выявить характерные черты политической драмы, имеющей универсальное значение. Мы можем трезво оценить заслуги и просчеты, правильные действия и ошибки, допущенные народным движением. И в то же время на этом материале возможно и необходимо изучить методы и приемы противника, составить подлинный учебник, раскрывающий то, как современная контрреволюция может задушить революцию.

Разумеется, такие учебники в политическом отношении не имеют иной ценности, кроме той, что указывают на специфический пример, подчиняющийся общим законам, со всем своеобразием, связанным с местом и временем, особенностями, которые характеризуют каждую революцию и каждую контрреволюцию.

Таким образом, в свете объективного анализа мы попытаемся самокритично рассмотреть случившееся, предложить поправки к нашей деятельности, выяснить, какова линия открытых и скрытых действий противника, что, несом-

ненно, будет способствовать лучшему выяснению нашей стратегии и тактики, а также стратегии и тактики врага. Это послужит прологом для внесения необходимых коррективов в наши действия, с тем чтобы превратить поражение народа в его победу.

СОБЫТИЯ В ЧИЛИ в конечном итоге доказывают, на наш взгляд, что в определенных обстоятельствах, которые складываются в результате многоплановой и сложной исторической эволюции, кропотливого процесса накопления сил и объединения всех заинтересованных в социальных переменах слоев, путем выборов возможно добиться намного большего, чем обычная и даже значительная победа в избирательной кампании, но и намного меньшего, чем реальная власть. Вместе с тем события в Чили убеждают, что победа на выборах сама по себе не содержит гарантии ее прочности. Эта победа может стать значительным шагом вперед по долгому и, как правило, тернистому пути, изобилующему опасными поворотами и перекрестками, часто скользящему по краю пропасти. Однако если вслед за победой на выборах не развернутся широкие наступательные действия большинства народа, направленные на превращение ее в реальную власть, которую массы были бы готовы и способны удержать и защитить, несмотря на все препятствия, вопреки всем попыткам внутренних и внешних противников не признавать и ликвидировать эту власть, — если это не будет достигнуто, то возможно и даже неизбежно поражение.

Действительно, победа на выборах лишь частично дает власть. Эта победа, как начало нового этапа революционного процесса и завершение предыдущих, не рождается сразу, в одну ночь, а является результатом революционного процесса в целом, развития структурного кризиса в стране, связанного с обострением общего кризиса капитализма. Она, эта победа, возникает как итог накопления предварительных факторов, отражающих созревание различных форм классовой борьбы.

Так складывалась в Чили предреволюционная ситуация. Коммунистическая партия рассматривала выборы как форму действий в борьбе за преобразование общества, для чего необходимо было заручиться поддержкой большинства.

Понятие «политическое большинство» — нечто более

прочное и целостное, чем относительное или абсолютное большинство голосов. **Оно должно в большей степени, чем понятие арифметического (или механического) большинства, отражать существование представительного социального блока большей части населения,** но, кроме того, оно должно иметь и другую характеристику – **быть активным большинством,** не только непрерывно действующим, что свойственно всякому постоянно развивающемуся движению, но и понимающим необходимость всеми возможными средствами защищать достигнутые завоевания.

Между тем **в ходе развития революционного процесса в Чили формам борьбы придавалось практически то же значение, что и ее целям, форма как бы возводилась в категорию сущности, абсолютизировался один путь – и это, несомненно, было ошибкой.** Она сказалась в том, что при изменении конкретной обстановки у масс оказались связанными руки. Если мирное развитие революции отвечало реальным условиям и выражало волю чилийского народного движения, то оно отнюдь не отвечало настроениям врага, готового любой ценой и любыми средствами, включая отнюдь не мирные, пресечь революцию – и это нельзя не учитывать. Для революционеров воинственность и агрессивность противника не должны быть неожиданностью. Он всегда сделает все возможное, чтобы оказать самое отчаянное сопротивление. Он будет стремиться при случае взяться за оружие и направить его против народа.

В свете происшедшего мы считаем, что если в каждом явлении, событии есть диалектика влияния различных факторов, а в конкретной истине всегда есть основные и второстепенные аспекты, то в чилийском случае в живой взаимосвязи политического и военного факторов основная роль, конечно, принадлежала первому; второй же фактор составляет часть первого, но существенную. Отсюда – чрезвычайно важное значение военной политики народного движения. Она состоит не только в выработке определенной позиции по отношению к военным и установлении прочного союза с их потенциально демократической частью, но означает также создание определенной силы, которая по возможности могла бы действовать совместно с верной революции частью армии.

Опыт убеждает в необходимости добиться того, чтобы процесс движения вперед обеспечивался не только поддержкой масс, но и соответствующей военной поддержкой. Предпосылкой же этого, естественно, является творческая и позитивная политика народного движения в данном вопросе (разумеется, при особой ответственности коммунистов).

ЖИЗНЕННО ВАЖНО, таким образом, вернуть революции (в наших представлениях о ней) ее в высшей степени диалектическую природу, постоянно сознавая то, что это процесс, который подвержен изменениям, зависящим от хода борьбы, и который может эволюционировать иногда со стремительной быстротой, вплоть до необходимости перехода к другим формам борьбы, как это произошло в России в 1917 году. Иначе говоря, выбор того или иного пути революции мы не можем абсолютизировать в том смысле, что он окончателен, не подлежит пересмотру, что один и тот же принцип должен неизменно применяться на протяжении длительного исторического периода. Возможно, в других странах переход от одних форм борьбы к другим не будет происходить с той же быстротой, как это было в России в течение нескольких месяцев накануне Октября. Но наш отрицательный опыт убеждает, что неверно вообще приписывать той или иной форме борьбы **неизменный** характер, превращать ее в некую **константу,** позволяющую игнорировать повороты в обстановке, нередко резкие, особенно в период политических кризисов и обострения противоречий.

Мирный путь оправдывает свое название лишь постольку, поскольку исключает гражданскую войну. Однако в силу многочисленных превратностей и перипетий в ходе своего осуществления и он не может обойти закон, гласящий, что насилие — «повивальная бабка» истории. Мы всегда должны были иметь это в виду, учитывать, что сам вопрос смены пути предполагает и «смену коней» для того, чтобы продвигаться вперед. Когда необходимо пересечь реку, сменить коня трудно. Но гораздо труднее, когда такая смена заранее не подготовлена. Независимо от того, насколько ясно представление о ее необходимости, сама возможность и умение осуществить такую замену, безусловно, должны быть обеспечены. Это вопрос, который решается не в мо-

мент изменения, а предполагает длительную предварительную подготовку, занимающую даже годы, — и это то, чего не сделало чилийское народное движение. А для этого надо — не на словах, а на деле — добиться, чтобы революционный авангард, идущий во главе масс, был готов в случае необходимости принять самые энергичные ответные меры против действий реакции.

На деле же в Чили, когда у власти находилось Народное единство, многие рассматривали саму подготовку к возможной смене пути и средств борьбы как нечто абсолютно неприемлемое. Не следует забывать еще об одном уроке, полученном Народным единством: условия легальности, как известно, укрепляют законность, следовательно, прибавляют революционерам силы и в итоге могут способствовать ускоренному продвижению вперед, однако в определенных случаях они могут содействовать и вражеским планам подготовки восстания или переворота. Если не суметь понять это правильно, можно путами самой же законности связать руки народу, еще более затруднив осуществление его права на законную оборону. У народа нет причин чувствовать себя связанным по рукам и ногам, как Гулливер, путами законности; ее следует рассматривать как полезное оружие в защите справедливого дела народа, но ни в коей мере не считать капканом или кляпом.

В Чили, пока реакция и фашизм создавали механизм заговора, они использовали бесконечно повторяемые и нелепые обвинения в адрес правительства Народного единства, что оно якобы вышло за рамки законности. На практике же они шли к тому, чтобы растоптать всякую законность (как бы по-своему развивая известное высказывание Одилона Барро «законность нас убивает»[1], они перешли к практическому осуществлению лозунга «убьем законность»). Так, в частности, закон о контроле над оружием они обратили, как это доказали события, в ловушку

[1] Одилон Барро — консервативный политический деятель времен Второй республики во Франции. Его известные слова «законность нас убивает» отражали намерения представителей французской реакции в конце 1848 — начале 1849 г. спровоцировать народное восстание и, подавив его, восстановить монархию. См. об этом К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 546. — Прим. ред.

для народа, использовали этот закон для его разоружения и дальнейшей расправы над ним.

Все это еще раз подтверждает необходимость соблюдения основного требования: опора на массы. Мы уже говорили, что мирный путь практически осуществим лишь при том непременном условии, что идея революции завоюет сознание большинства народа и побудит его к действию. Если удастся создать подавляющее превосходство сил, поддерживающих процесс преобразований, тогда не будет благоприятных условий для реакционного восстания и тем более для его успеха. Идея большинства, столь важная для В. И. Ленина («большинство народа *за* нас», — говорил он в сентябре 1917 г.[2]), сохраняет свое значение как условие победы при любой форме борьбы.

Следовательно, решающей, на наш взгляд, является проблема соотношения сил. Всегда важно заботиться о том, чтобы фронт сторонников преобразований был сильнее фронта их противников, чтобы это превосходство было значительным как в численном отношении, так и в уровне организации, а также в политической, идеологической, культурной, пропагандистской и во всех других областях деятельности. Этот широкий фронт, таким образом, будет сильнее по качеству, прочности союза, наступательности, эффективности единых действий. В то же время его программа должна быть общим знаменателем всех факторов и составляющих его элементов и сил; на этой основе они должны действовать согласованно, руководствуясь принципами тактического и стратегического единства, нанося совместные удары в одном направлении. Только таким образом, выступая как настоящая коалиция, избегая возникновения противоположных полюсов и разрозненных действий внутри движения, развивая единую программную линию, можно нанести поражение врагу. Сохранение и расширение размаха и силы фронта, укрепление большинства — это тот жизненно важный элемент, который, как показывает опыт, позволяет обеспечить победоносный ход революционного процесса.

Повторяем: противник будет прибегать к насилию до тех пор, пока он в состоянии к нему прибегать. Революция может обойтись без крови, если только большинство спо-

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 239.

собно это навязать, а меньшинство не сможет этому воспрепятствовать. Таким мог бы быть период, который переживала наша страна в течение последних месяцев 1970 г. и частично в 1971 году. Однако враг всегда будет стремиться всеми средствами восстановить свои силы. Следовательно, речь не идет лишь о каком-то одном моменте опасности. Она существует до тех пор, пока существуют реакционные силы, и она возрастает, если реакции удается изменить обстановку в свою пользу.

Следовательно, проблема соотношения сил предполагает учет его непостоянства, возможных изменений. Оно не устанавливается раз и навсегда, за исключением того положения, когда укрепившаяся революция преодолеет это внутреннее противоречие, ликвидирует антагонистические классы, с тем чтобы создать бесклассовое общество.

В Чили на протяжении всего периода деятельности правительства Народного единства существовало своего рода двоевластие, которое, разумеется, не может быть приравнено к положению, сложившемуся в России в 1917 году. С одной стороны, в Чили существовало законное народное правительство, с другой — реакционная власть, опиравшаяся на все слои, которые до того времени господствовали в обществе. Помимо некоторых основных рычагов экономики, финансов и средств массовой информации, эта реакционная власть контролировала значительную часть государственного аппарата. Она также проявила ловкость, использовав просчеты, некомпетентность и наличие различных линий внутри Народного единства, чтобы вовлечь в реализацию своих планов значительную часть мелкой буржуазии — этого широкого слоя, зачастую двойственного, привязанного к своим ценностям, напуганного ужасами, непрерывно нагнетаемыми вражеской «фабрикой» психологического террора. Враг прекрасно понимал, что ему не удастся добиться своего, если он не сможет привлечь на свою сторону промежуточные слои, оказать влияние на пеструю социальную массу, состоящую из людей с различной степенью политического сознания, разнородную как в идеологическом отношении, так и с точки зрения поведения в обстановке истерии, хитро раздуваемой усилиями ЦРУ. Если олигархия в своей стратегии завоевания масс добилась известных результатов, то только потому, что она располагала поддержкой других слоев, не относящихся

к ее классу. И олигархия добилась этого лишь потому, что не было соответствующего ответа с другой стороны – не было такой политики народного движения, которая сохраняла бы связь с его программой и вместе с тем вызывала бы доверие промежуточных социальных слоев, внушала бы им уверенность, что и они найдут свое место в новом обществе.

РЕШАЮЩИМ ФАКТОРОМ, определяющим исход борьбы в пользу народа, несомненно, является правильное руководство народным движением, способное верно ориентировать, постоянно информировать массы, мобилизовать их на те или иные необходимые действия, придать этому политическому большинству зрелое сознание своей ответственности, превращая его в совокупность сознательных и единых сил. Разумеется, в этом деле незаменима роль коммунистической партии, а также других партий народного фронта.

Чилийское народное движение имеет несомненные исторические заслуги. На протяжении того периода, когда Народное единство было у власти, оно развернуло свою творческую инициативу; возникли, хотя и в зародыше, формы демократического правления, которые берут начало в самом народе, стремящемся изменить классовую природу государства, и которые в будущей истории должны быть приняты во внимание как полезные прецеденты подлинно демократической власти, способной контролировать все хаотические явления.

Однако вступление на пост президента республики Сальвадора Альенде не могло само по себе изменить классовую природу государства, характер вооруженных сил, полиции, государственной администрации. И поэтому мы особо подчеркиваем, сколь важную роль во всяком процессе, развивающемся по мирному пути, приобретает задача обеспечить также и соотношение военных сил в пользу развития революции. Речь идет, таким образом, о ключевом вопросе.

Народное единство стояло перед неотложной необходимостью добиться таких изменений, чтобы государственный аппарат находился под организованным давлением народа, вплоть до постепенного перевода его на службу народа. Более того, требовалось развивать активную демократию с участием масс в самом широком смысле слова, лишая

реакционные слои сфер их господства, передавая всю реальную власть в руки трудящихся, прогрессивных слоев общества.

Нельзя сказать, что в течение трех лет не была достигнута активная поддержка массами правительства Народного единства. Однако путаница в целях – демократических, социалистических, внесение иных идей, чуждых его программе или основанных на чистой утопии, – не позволила в каждый данный момент со всей ясностью направлять инициативу масс по правильному пути, обеспечить в решении каждого вопроса такую поддержку большинства, которую получило, например, столь патриотическое и понятное всем мероприятие, как национализация крупных медных рудников.

Подчеркнем, что печальный исход этой главы истории не должен умалять тот очевидный исторический факт, что народное правительство менее чем за трехлетний период добилось огромных свершений, представляющих собой ценные завоевания, которые живы в памяти народа и являются частью нетленного политического достояния (несмотря на то, что позднее эти достижения были уничтожены фашистским режимом). Они стали наследием, которое вновь сыграет свою важную мобилизующую роль тогда, когда страна преодолеет нынешнее состояние. Было бы неправильным недооценивать этот накопленный опыт. Следует серьезным образом рассмотреть огромное положительное значение, богатство творческого вклада народного движения, которое столь трагично было прервано.

Однако вместе с тем мы считаем, что если массы повседневно не проходят школу политических действий и осмысления политической обстановки, то, движимые лишь инстинктом, они не могут подняться до уровня сознания, необходимого, чтобы разбить врага, осознанно участвовать в историческом процессе. В этом смысле на **марксистско-ленинский политический авангард**, на коммунистов, работающих как внутри страны, так и за ее пределами, **ложится ответственность за то, чтобы в любой момент**, даже в тяжелейших условиях фашизма, **обеспечивать рабочему классу и народному движению научное руководство**. При выполнении своей основной миссии коммунистическая партия как руководящая партия, которая наряду с другими партиями, ее союзниками, несет ответст-

венность за развитие революционного процесса, должна решить диалектическое уравнение, состоящее из двух основных частей: **качество ее единства** с другими силами народного движения, не лишенного противоречий, которые иногда могут достигать опасной остроты; и **ее независимая роль** в этом движении как партии, которая ни при каких обстоятельствах, тем более в условиях разброда, не может отказаться от обязанности излагать свою точку зрения перед народом и страной, имея при этом целью укрепить, а не ослабить единство.

НЕСМОТРЯ НА ПОСТЕПЕННОЕ, а затем и совершенно очевидное размывание позиций представителей народного лагеря, что способствовало успеху реакционного переворота, несмотря на недостатки в осуществлении политики союзов рабочего класса и заметное ухудшение в последние месяцы соотношения сил в политической и военной сферах, причина отрицательного эпилога этого периода чилийской революции, как уже отмечалось, вытекала не из воли народа, а из травмирующего насильственного вмешательства, кровавого перелома, происшедшего в результате фашистского путча.

С одной стороны, необходимо, чтобы процесс опирался на поддержку большинства народа, но, с другой стороны, хотя этот элемент и необходим, успех революции еще не обеспечен надежно, ее развитие может быть нарушено, ее завоевания могут быть ликвидированы, если народное движение не в состоянии подкрепить решимость большинства эффективными средствами защиты.

Мы имеем в виду не только оружие. Чтобы добиться результатов в политическом плане, империализм и внутренняя реакция предприняли свое наступление прежде всего в той сфере, в которой они были наиболее сильны и где сделать это им было легче всего: в сфере экономики. Наступление в экономической области сочеталось с индивидуальным террором, ставшим в настоящее время в Латинской Америке широкой и повседневной практикой политических реакционеров. Была создана обстановка чудовищного беспорядка – хаоса, который, как кто-то сказал, был очень хорошо организован. Его организовывало ЦРУ, используя при этом артиллерийскую подготовку пропагандистского наступления, не знавшего границ и колебаний. Возможно, никогда раньше контрреволюция не использо-

вала с такой основательностью, в таком широком масштабе и с такой силой средства массовой информации. Это представляет собой еще одну страницу, заслуживающую самого тщательного изучения. Реализации планов реакции способствовало то, что правительство не приняло единых, согласованных и организованных ответных мер. Осуществлению заговора реакции содействовало наличие двух параллельных политических линий внутри Народного единства. Помимо этого, заговорщики ежеминутно использовали болтовню ультрареволюционеров о вооруженных силах, которых у них не было.

Этим мы хотим сказать, что такая война, в которой не грохочут пушки, требует единой, четкой политики и постоянного разъяснения ее массам. Хотелось бы подчеркнуть, что речь идет не только о том, чтобы хорошо наладить разведку и контрразведку. Речь — о тотальной политической борьбе, направленной на разъединение центральных сил заговора снизу доверху, во всех отношениях — в экономическом и психологическом плане, в открытой и секретной областях и, разумеется, прежде всего в военном отношении.

ВРАГ ЗАОСТРИЛ и вновь сделал актуальным в кровавом свете событий вопрос о роли вооруженных сил. Недооценка его еще раз обернулась трагедией для народа. Мы наблюдали не просто повторение прошлого, не только подтверждение уроков вековой истории. Империализм и его местные союзники сегодня еще в большей степени, чем вчера, стремятся «вытащить» армию из казарм. Это проистекает из подспудного признания того, что степень развития и сила народного движения ныне, как никогда, ставят под угрозу контроль империализма и капитала над обществом и государством. Симптоматично, что речь уже идет не о былых военных выступлениях, которые во множестве происходили на протяжении полуторавековой истории республик Латинской Америки, не о заговоре против какого-либо высокопоставленного авантюриста, не о простой замене стража или властолюбца в правительственном дворце. Как правило, речь идет сейчас о действиях непосредственно против народного движения, предпринимаемых прежде всего в тот момент, когда у реакции нет другого средства предотвратить победу прогрессивных сил или уничтожить их завоевания.

Это заставляет нас переосмыслить военный вопрос, проанализировать его с позиций современности. Невозможно представить себе новую постановку вопроса, если упустить из виду главное: империализм усиленно привлекает на свою сторону местные латиноамериканские армии, на которые стремится оказать влияние как на неотъемлемую часть сил, реализующих глобальную стратегию Пентагона. Согласно импортированной доктрине, взятой на вооружение некоторыми местными военными верхами, в настоящее время главный враг находится не вне страны, а внутри нее: это «внутренняя подрывная деятельность». Если в определенный момент военно-промышленный комплекс США разработал тактический принцип **вьетнамизации войны**, суть которого в том, «чтобы азиаты убивали азиатов», то его нынешний девиз в нашей стране сводится по сути дела к тому, **«чтобы чилийцы убивали чилийцев»**, чтобы вооруженные силы вели войну против собственного народа. Так империалистам будет легче обеспечить свое господство и грабеж Чили. В этом смысле наглой трагикомедией выглядит сделанное Пиночетом в Уругвае заявление, в котором он признает, что действовал в интересах империализма: «Соединенные Штаты, – сказал он, – не сделали ни единого выстрела, чтобы убрать коммунизм из Чили. Это не было Вьетнамом. Не было ни одного убитого». Действительно, не было ни одного убитого солдата США, но были убиты многие тысячи чилийцев. Этих убитых Пиночет в расчет не принимает.

Некоторые из политических и военных стратегов Пентагона заявили, что наилучшая инвестиция, которую они могут сделать, – готовить латиноамериканских офицеров в военных академиях США, прививать им свой склад мышления. Именно это они и сделали. Сенатор. У. Проксмайр сообщал в 1971 г., что США израсходовали 175 млрд. долларов на «обучение 320 000 военнослужащих из 70 независимых стран» за период между 1945 и 1971 годами. В 1965 г. тогдашний директор управления военной помощи Р. Вуд с гордостью отмечал, что «почти все они (офицеры Латинской Америки. – В. Т.) прошли обучение либо в США, либо в зоне Панамского канала»[3].

[3] F. Rivas y E. Reimann. Un caso de penetración imperialista. Ediciones 75, México D. F., pág. 7.

Ныне империалисты пожинают плоды своих действий. В нескольких странах Латинской Америки они установили реакционные военные диктатуры, находящиеся у них на службе. Плетутся нити заговоров, с тем чтобы достичь того же в других странах.

Учась на собственных ошибках, мы, следовательно, должны сделать вывод: для того чтобы обеспечить мирное развитие революции, необходимо помешать реакционным кругам из вооруженных сил превратить их в палача и душителя народного движения. Иначе говоря, надо сделать так, чтобы армия перестала играть роль некоей сверхполиции, не была чем-то вроде местного колониального войска, подчиняющегося приказам Пентагона, либо чем-то вроде страховой компании или преторианской гвардии, оберегающих интересы монополий и латифундий.

Одной из самых больших слабостей чилийского народного движения было то, что вопрос этот ставился плохо, узко и как бы стыдливо, скорее – на уровне личностей, без участия партий, имеющих глубокие корни в народе, без участия масс. В течение длительного времени у руководства армией и полицией оставались люди, уклонявшиеся от исполнения своих обязанностей. Не были достаточно известны умонастроения многих высших военачальников (пример Пиночета является наиболее разительным, но далеко не единственным). Выявился губительный провал в службах информации, в большей части которых действовали заговорщики. Кроме того, отрицательно отразилось на всем процессе отсутствие сплоченности в правительстве в момент, когда речь шла о поддержке кабинета, возглавляемого генералом Пратсом, а также после его отстранения от должности главнокомандующего. Мы искренне считаем, что и мы, коммунисты, также допустили этот исторический просчет, явившийся результатом несостоятельности и слабости нашей военной политики и нашей позиции, занятой по отношению к вооруженным силам.

Как добиться положительного сдвига в армии? Это весьма трудная, но, несомненно, осуществимая задача. Для того чтобы правильнее ответить на этот вопрос, необходимо проанализировать социальную природу армии, ее классовый состав и механизм ее деятельности, изменение ее функций на протяжении истории и нынешнюю роль в обществе – иначе говоря, диалектику ее поведения.

Вооруженные силы стран Латинской Америки – не абстрактные институты, не зловещие организации, вечно и неизбежно предназначенные для кровавого подавления народов. Здесь нет нужды подчеркивать особый характер революционных вооруженных сил Кубы, выросших из победоносной социалистической революции. Но и в армиях тех стран континента, где не было революции, наблюдаются явления, которые не дают права на фаталистическую интерпретацию их роли, на крайний пессимизм. Еще Карл Маркс различал в испанской армии два течения (а исторически – как школа по подготовке и идеологической обработке наличного состава, а также в силу царящей там атмосферы – она имела нечто сходное с армиями стран бывшей Испанской Америки). Он видел две намечавшиеся и проявляющиеся поныне альтернативы ее социально-политической деятельности: тупую реакционность и в то же время, как это доказало восстание Рафаэля Риего, скрытую возможность революционной инициативы. Последнее может проявиться лишь в периоды политического кризиса. В. И. Ленин как раз указывал на живую связь между развертыванием революционного движения и его отражением внутри вооруженных сил, усилением беспокойства внутри армии. Однако надо признать, что не эта черта армии являлась исторической доминантой, а другая: быть вооруженным гарантом строя, основанного на угнетении.

В Чили не было недостатка в приверженцах теории «партикуляризма» армии, утверждавших, что в определенный момент она придерживается политического «нейтралитета». Истины ради следует напомнить, что она всегда действует под решающим влиянием того или иного класса или движения. Было бы утопией думать о политическом «нейтралитете» армии. **Другое дело – в определенной ситуации создать период нейтрализации** как результат борьбы вне вооруженных сил и внутри них, с тем чтобы помешать планам фашистских кругов повести армию на осуществление реакционного переворота. При этом народ может опираться на те круги внутри армии, которые остаются верными конституции; в рамках концепции мирного развития революции подобная **нейтрализация** может иметь на какое-то время определенную действенность.

Весьма важный фактор, который, несомненно, нужно учитывать, – классовое происхождение военнослужащих.

Однако в конечном счете то обстоятельство, что большинство в армии – это выходцы из рабочих и бедных крестьян, открыто, в массовом порядке проявляется лишь под влиянием революционной обстановки и при условии, если в казармах существует организация и там ведется определенная идеологическая работа.

Дело в том, что военным, во всяком случае многим из них, навязывается ложное общественное сознание, ложное понимание общественного долга, и это тем более требует от нас квалифицированной идеологической и политической работы.

Среди изучающих данную проблему общепринято, что внутри чилийской армии до переворота вырисовывались три течения, классифицированные без строгой научной точности следующим образом: 1) патриотически настроенные военнослужащие, «конституционалисты»; 2) военнослужащие, остававшиеся верными своему профессиональному долгу, и 3) военнослужащие – сторонники фашизма. Данная классификация в общих чертах верна как приближение к истине и сохраняет свое значение. Однако мы оказались бы механицистами, если бы не замечали изменений, привнесенных в дальнейшем действием внутренних и внешних факторов. Борьба, в том числе, конечно, идеологическая, ведущаяся в чилийском обществе, несмотря на монополию тоталитарного государства на средства информации, оказывает свое влияние и на вооруженные силы. Антифашистские силы страны, народное и демократическое движение могут и должны внести в нее свой активный вклад.

Для этого имеются объективные предпосылки: глубокий, катастрофический экономический кризис; политический вакуум вокруг хунты; международная изоляция режима; ненависть к нему со стороны громадного большинства населения страны. За время, прошедшее после установления диктатуры, получили развитие также различные субъективные факторы. За последний год усилилась роль рабочего класса. Несмотря на жестокие репрессии, коммунистическая партия продолжает выполнять свою направляющую роль. Ее организации действуют по всей стране. Перестраивают свою структуру на национальном уровне главные народные оппозиционные партии. Усиливаются разногласия внутри правящей группы. Все заметнее

неустойчивость армейских кругов, которые ежедневно являются свидетелями растущего осуждения хунты со стороны населения, полностью убежденного в том, что военная клика не только не решила ни одной из проблем страны, а, напротив, обострила их. В армию проникает, в ней ширится резкое осуждение разнузданного террора, беспрецедентной жестокости хунты и бесчисленных злоупотреблений со стороны службы ДИНА, находящейся в прямой зависимости от Пиночета, со зловещей охотой за людьми и все более многочисленными списками «пропавших без вести», представляющими собой мрачный поименный перечень узников местного гестапо, арест которых отказываются признать.

Мы знаем, что приближение конца сегодняшнего кошмара, страданий народа в большой степени зависит от нас самих, от деятельности Народного единства, всех антифашистских сил. Извлекая многочисленные уроки из чилийского опыта, одни из которых горькие, другие светлые, но все одинаково полезные, мы считаем, что народ, ведя в высшей степени самоотверженную и опасную, но нарастающую и организованную борьбу, откроет путь, который изменит ситуацию. Это позволит в свое время не только возвратить Чили народу, но и внести вклад в разработку некоторых еще нерешенных злободневных теоретических и политических проблем.

ЭТАПЫ БОРЬБЫ

Орландо МИЛЬЯС,
член Политкомиссии ЦК Компартии Чили

ЗАДАЧИ, СТОЯВШИЕ ПЕРЕД ЧИЛИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ, актуальны и поныне. Демократические преобразования, которые намерен был осуществить народ, сейчас еще более необходимы, чем в тот период. С установлением жестокого фашистского режима, повернувшего вспять развитие страны, для огромного большинства чилийцев стало особенно очевидным, что только кардинальное решение серьезных проблем, так и оставшихся нерешенными, отвечает их интересам и устремлениям. Это, однако, не означает, что неизбежный возврат к данным проблемам связан с простым повторением пройденного. Трагедия последних лет была пережита не напрасно.

При фашизме многому научились мы все: как те, кто поддерживал правительство президента Альенде, так и те, кто, имея с ним много общих целей и тоже занимая антифашистские позиции, тем не менее выступал против него. Сейчас все проблемы выглядят в новом свете. Ощущается необходимость создания более широкой коалиции, основанной на более совершенной концепции. Поэтому анализ сделанного, успехов и недостатков революционного процесса в период с 1970 по 1973 г. не уводит нас в прошлое, а может помочь осмыслению вопросов, связанных с настоящим и будущим.

В заявлении, сделанном руководством Компартии Чили в сентябре 1976 г. в Сантьяго, вновь подтверждалось, что борьба за разгром фашизма, восстановление демократии является главной задачей и призвана объединить и мобилизовать весь народ. Вместе с тем отмечалось, что борьба за общественные свободы и демократию находится в центре всей революционной деятельности. Выдвигаемые коммуни-

стами предложения направлены на то, чтобы в целях разгрома фашизма достичь согласованности действий всех патриотических слоев населения. Но вместе с тем и предусмотреть определенные обязательства «создать более демократичный, чем раньше, политический строй, который предоставлял бы больше свобод и в то же время не допустил бы реставрации фашизма»[1].

ЖИЗНЬ ПОДТВЕРДИЛА, что коммунисты были правы, отвергнув нигилистические позиции в отношении демократии. Ленинские положения о важности борьбы рабочего класса и народа за демократию приобретают ныне особую актуальность. Для нас демократические задачи и социалистические цели чилийской революции выступают в диалектическом единстве, их решение мы рассматриваем как единый процесс, имеющий свои политические и социально-экономические этапы.

Понятие «народная революция» лучше всего определяет наш процесс. Еще в начале 50-х годов при выработке своей программы, одобренной X Национальным съездом, Компартия Чили отказалась от термина «буржуазно-демократическая революция», считая, что в новых условиях, когда с появлением в стране финансовой олигархии и укреплением роли империализма придается четкий реакционный смысл преобладающей в буржуазном лагере политике, такой термин может внести некоторую путаницу. Однако партия не пошла на упрощение анализа социальных противоречий. Она отметила, что существуют противоречия между интересами финансовой олигархии, связанной с империализмом, и других слоев буржуазии. Партия высказала мнение, что стремление отрицать расслоение внутри буржуазии и преждевременно придавать процессу непосредственно социалистический характер не только не способствует последовательному выполнению задач, с решением которых открывается путь к социализму, а, наоборот, лишь затрудняет его.

Классически в революционном процессе различаются демократический и социалистический этапы. Сами их названия не означают противопоставления данных этапов, а, напротив, подчеркивают их взаимосвязь. Действительно, хотя на

[1] Partido Comunista de Chile. Boletín del exterior. No. 20, 1976 pág. 8.

первом из них еще не ставятся социалистические задачи, на этом этапе, однако, идет решение демократических задач, которые затем углубляются, получают качественно новое содержание, и происходит становление демократии, способной служить формой и инструментом социалистической революции.

Мы рассматриваем антиимпериалистическую, антиолигархическую и аграрную революцию как демократический этап на пути к социалистической революции. Тезис партии, характеризующий рабочий класс как «центр и двигатель революционных изменений», – что определяется прежде всего самим характером нашей эпохи, эпохи перехода от капитализма к социализму и коммунизму в мировом масштабе, – стал лозунгом рабочего класса для сплочения масс в борьбе за достижение целей, выражающих интересы всего народа. В итоге возникло могучее антиимпериалистическое движение, возглавляемое рабочим классом; парламентские формы борьбы и другие политические акции соединились с выступлениями масс. Сам этот процесс происходил на фоне международных противоречий и тех условий, в которых развивались эти противоречия. При этом более четко выявилась роль демократических требований в деле приближения к социалистической революции. Частично был изменен характер буржуазной законности и буржуазных институтов, которые стали использоваться в интересах народа.

Все это неотделимо от того факта, что Компартия Чили рассматривала невооруженный путь революции как возможность применения и насильственных средств борьбы против империализма и реакции, большого разнообразия форм борьбы, делая упор на развитие революционной сознательности масс, на их единство и организованность, на их союзнические связи. Это теоретическое положение коммунистов было подтверждено практическим осуществлением мирного перехода, в результате которого были поставлены в повестку дня и воплощены в реальность крупные демократические революционные преобразования.

Существенная сторона революционного процесса состояла в том, что рабочий класс и народ Чили получили боевую закалку в условиях суровой классовой борьбы. Они полностью осознали свою силу, расширили свой политический кругозор, укрепили свою волю, проложили себе путь к

власти, завоевали ее и в течение трехлет правили страной, подавив целый ряд заговоров и осуществив такие глубокие преобразования, как национализация крупнейших медных и железных рудников, передача в руки государства селитряных и каменноугольных копей, создание государственного сектора экономики на основе обобществления банковских учреждений, крупных промышленных предприятий, входивших в монополистический сектор, и основных объединений внешней и внутренней торговли. Они провели аграрную реформу, покончившую с латифундиями и позволившую передать землю крестьянам для кооперативного пользования ею, осуществили перераспределение национального дохода в пользу трудящихся, проводили независимую внешнюю политику. Был дан могучий импульс участию народа в управлении страной.

У народной революции в нашу эпоху есть как могущественные союзники, так и опасные и агрессивные враги. Выполнение задач демократического этапа революции вызывает у империализма подозрительность, ненависть и агрессивную враждебность. Пример Чили драматическим образом подтверждает это. Руководство фашистским заговором в открытую осуществлялось межнациональными предприятиями, затронутыми национализацией, при непосредственном участии ЦРУ и Пентагона. Внутренняя реакция была активизирована империализмом США, разработавшим зловещий план «дестабилизации» чилийского правительства Народного единства, разгрома демократии в Чили и установления фашистской тирании в лице откровенной террористической диктатуры наиболее агрессивных кругов.

Основные союзники всякой народной революции – Советский Союз и другие социалистические страны, рабочее движение и все антимонополистические силы в развитых капиталистических странах, а также национально-освободительное движение. Революционный процесс встречает симпатию, поддержку и солидарность народов. Правительство президента Альенде нашло понимание и щедрую помощь у Советского Союза, социалистической Кубы, Германской Демократической Республики и других социалистических стран. Кроме того, оно поддерживало сердечные отношения с большинством латиноамериканских правительств, развивало связи с участниками Андского пакта, заключило в высшей степени позитивные соглашения с

различными странами Западной Европы и устанавливало связи со странами Азии и Африки. В новой международной обстановке, когда возросло влияние сил мира и прокладывает себе дорогу разрядка напряженности, создались более благоприятные условия для народной революции. Однако она станет невозможной, если делать уступки антисоветизму и изолироваться от общего потока прогрессивных сил человечества.

Перед лицом временного поражения чилийские революционные силы не пали духом. Напротив, они верны своим принципиальным позициям. Еще в первом после путча заявлении Компартии Чили в октябре 1973 г. отмечалось: «Коммунистическая партия абсолютно уверена в том, что ее позиция безоговорочной защиты правительства Народного единства, ее шаги, направленные на достижение взаимопонимания с другими демократическими кругами, особенно в «низах», ее стремление вселить уверенность в средние слои населения, ее усилия направить главный удар против основных врагов — империализма и внутренней реакции, ее настойчивость в деле укрепления союза коммунистов и социалистов, единства рабочего класса и взаимопонимания между партиями Народного единства, ее борьба за увеличение производства и повышение производительности труда, за рентабельность предприятий государственного сектора, строгое соблюдение трудовой дисциплины были составными частями полностью правильной общей политики. Однако это не исключает ошибок и слабых сторон в ее деятельности»[2].

ПРОДВИЖЕНИЕ РЕВОЛЮЦИИ вперед на демократическом этапе, с перспективой социализма, выражается во все более сложном взаимодействии политической, идеологической, социальной и экономической деятельности. Это может быть обеспечено при условии гегемонии рабочего класса который, как уже отмечалось, является решающим фактором боевого объединения всех демократических сил в широкий и прочный союз.

Коммунистическая партия Чили понимала, что в унитарном движении ей надлежало выдерживать свою независимую, классовую линию, направленную именно на сплоче-

[2] Desde Chile hablan los comunistas! Ediciones Colo-Colo, 1976, págs. 28–29.

ние всех революционных сил, на борьбу со всякого рода уклонами и на защиту будущего нашего революционного процесса. Отсюда и особая ответственность партии за недостатки и слабые стороны в проведении такой линии.

Диалектика многопартийности и единого твердого руководства приобрела в Чили своеобразные черты. Сложилось широкое и гибкое единство, которое предполагало сплоченность самого рабочего класса, его союз с остальными слоями трудящихся, его взаимопонимание с другими демократическими силами. В своеобразных условиях революционного процесса такое единство основывалось на существовании сильной и влиятельной коммунистической партии, на имевшем первостепенное значение единстве коммунистов и социалистов, на действенности блока Народного единства, в который входили Коммунистическая партия, Партия левых христиан, Движение единого народного действия (МАПУ), Рабоче-крестьянская партия МАПУ, Радикальная партия, Социалистическая партия и партия Независимое народное действие. Это единство базировалось также на временных соглашениях с другими политическими организациями, в частности на соглашении с христианско-демократической партией, имевшем целью обеспечить избрание президента Альенде всем конгрессом на основе конституционных реформ, касающихся так называемых «демократических гарантий» и национализации крупных медных рудников. Вместе с тем были установлены дружественные связи с католической церковью и представителями других религий. В октябре 1972 г. на основе программы Народного единства было достигнуто соглашение с командованием вооруженных сил, занимавшим демократические позиции и поддерживавшим конституцию, что нашло свое выражение в создании кабинета, возглавлявшегося с ноября 1972 по март 1973 г. генералом Карлосом Пратсом, в его известном политическом заявлении и проекте создания государственного сектора экономики.

Мы, революционеры, не можем совершать революцию в одиночку, необходимое условие успеха – вовлечение в революционное русло тех слоев, которые объективно заинтересованы в революции, но традиционно являются колеблющимися. Исторический опыт показывает, что этот вопрос решался в самых различных формах. Одна из таких форм – многопартийность – стала в Чили средством консолидации

сил в ходе совместных действий в серьезных политических схватках и в разработке общей программы при уважении независимости всех участников союза.

Однако в ходе революционного процесса общественные классы и слои постоянно сталкиваются с новыми проблемами и новыми задачами, на них действуют его законы. Жизнь вносит свои поправки в разработанные программы, тем более когда революционная деятельность, словно мощный локомотив, ускоряет ход истории. Отсюда вытекает необходимость того, чтобы многопартийная коалиция в подобных обстоятельствах имела в достаточной степени единое, твердое и сплоченное руководство, способное творчески развить свою собственную программу, закрепить успехи, защитить завоевания и разбить реакцию. В противном случае революция окажется под угрозой.

Революционная фразеология, искушение выдвинуть на передний план «конкуренцию» в привлечении сил, уловки правых и «левых» оппортунистов, создание «полюсов», раскалывающих лагерь передовых сил, — все это может привести народное правительство к губительному его ослаблению. В этом отношении опыт Чили преподал очень суровые уроки. Однако очевидно и то, что единство революционных сил успешно выдержало испытание временным поражением. Это свидетельство прочности фундамента единства. Сегодня единство коммунистов и социалистов отличается большей, чем вчера, глубиной, коалиция Народного единства нашла путь более полного взаимопонимания, получило развитие на основе совместных действий еще более широкое единство всех антифашистских сил, включая христианско-демократическую партию. И все же очевидно, что необходим еще более углубленный анализ этой проблемы и всего, что произошло, с тем чтобы антифашистская борьба стала еще эффективнее и достигла поставленных целей.

НА ПРОТЯЖЕНИИ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ ВЕКА в Чили наблюдался большой рост и централизация капитала. В этот период сама жизнь подтолкнула средние слои к выдвижению демократических требований, отвечающих их интересам и противоположных интересам империалистов и монополий. Создание правительства президента Альенде стало возможным в результате непрерывной борьбы — как ее кульминационный пункт, — на протяжении которой

крупная местная буржуазия и империализм ставили под угрозу демократические свободы, права и институты, подвергая их постоянным нападкам, а рабочий класс, Коммунистическая партия Чили и ее союзники, напротив, выступали за удовлетворение требований, отвечавших интересам нации и прогресса.

В результате борьбы рабочего класса и народа в Чили сложилось относительно современное демократическое государство, в рамках которого, несмотря на его буржуазный характер, особенно в период с 1970 по 1973 г., велась длительная борьба за власть; в этом государстве его прежнее антидемократическое классовое содержание, определяемое интересами эксплуататоров, сосуществовало с привнесенными в него демократическими завоеваниями. Закрепить эти завоевания и выдвинуть в качестве цели достижение социализма можно было, лишь углубляя революцию и разрушая старую антидемократическую структуру.

Этой проблемы, на наш взгляд, не может избежать любая революция. Некоторые в Чили думали, что они могут ее обойти, произнося общие свободолюбивые фразы, провозглашая анархистские лозунги и призывы, скрывающие их слабость в конкретной борьбе с реакцией. Однако опыт подтвердил и подтверждает, что такого рода оппортунизм, который из-за «честных» мотивов выдвигает абстрактное на первый план, скрывая конкретное в угоду минутным интересам, превращается в самый опасный вид оппортунизма, от которого предостерегал Ленин[3].

Взаимосвязь двух этапов революционного процесса проявляется и в связи соответствующих каждому из них классовых компонентов. Демократическому этапу, в частности, наряду с определенным классовым составом его движущих сил соответствует широта их союзов. Продвижение к социалистическому этапу не обязательно означает сужение или уменьшение таких союзов. Напротив, революция интегрирует силы. Побеждает тот, кто соберет больше сил. Рабочему классу необходимо добиться, чтобы блок сил, консолидирующихся с целью революционных изменений, был сильнее блока, находящегося под покровительством империализма.

Как показали события в Чили, борьба за демократию

[3] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 143, 145.

и социализм требует постоянной блительности, ибо любой временный перевес сил используется врагами демократии для нанесения контрударов. Именно поэтому необходимо, чтобы вопросы, имеющие решающее значение, обсуждались и разъяснялись массам задолго до того, как они могут встать в повестку дня.

Опыт убеждает, в частности, что неустойчивость средних слоев можно было предвидеть. Огромное значение имело проведение по отношению к ним ясной, твердой, но достаточно гибкой политики, т. е. принципиальной политики, которая не позволила бы империализму и реакции превратить средние слои в социальную базу фашистского мятежа. (Немаловажную роль сыграли в этом родственные связи и социальное происхождение большинства офицеров вооруженных сил — выходцев из средних слоев).

Классовая борьба усиливается в ходе выполнения задач демократического этапа революции, начинают обретать силу требования, связанные с продвижением к социализму. В таких условиях невозможно игнорировать вопрос о том, какой класс правит обществом, каким образом ему удается мобилизовать активное большинство и какова его способность защищать и осуществлять свою власть. Расширение социальной базы революционного процесса по мере его продвижения на демократической фазе ставит перед авангардом пролетариата более высокие задачи, и если его организационный и политический рост отстает от темпов развития народного движения, то он может оказаться в обозе событий, когда созреют новые объективные условия.

Антимонополистические и антиимпериалистические демократические революционные задачи подчинены в основном разрешению противоречий данного режима. Однако общественно-экономическая формация — целостный диалектический комплекс. Отсюда следует, что сложное диалектическое соотношение социальных противоречий не позволяет ни перескакивать через этапы, ни считать, что между ними существует дистанция огромного размера.

Чилийская революция стала реальным опровержением той узкой концепции, согласно которой на одну доску в качестве главного врага ставились господствующие классы в целом, не делались различия между помещиками, богатыми и средними землевладельцами, монополистической олигархией, разными прослойками национальной буржуа-

зии и средними слоями. Представители ультралевых, разделявшие эту концепцию, обвиняли чилийскую революцию в реформизме; однако показательно, что подобные нападки широко предпринимались и превозносились и средствами массовой информации, принявшими активное участие в усилиях по «дестабилизации» народного правительства и подготовке фашистского путча.

Империализм и реакция, конечно, понимали, что демократическая, антиимпериалистическая, антимонополистическая и антилатифундистская революция открывает путь к социализму. Опыт 1970—1973 гг. действительно убеждает, что последовательные демократические меры переплетаются с ростками социализма. В самом деле: в результате осуществленных преобразований развитие чилийской экономики в преобладающей мере стало носить некапиталистический характер. Определяющий сектор экономики перестал служить целям капиталистического накопления. В этих условиях процесс воспроизводства объективно требовал замены прежней производственной дисциплины, навязанной монополиями, новой дисциплиной, обусловленной гегемонией рабочего класса. Необходимо было установить более широкий рабочий контроль над производством, ввести планирование всей экономики и осуществлять руководство на основе эффективного функционирования государственного сектора и сектора аграрной реформы.

Опыт показал, что если не укреплять завоеванные позиции и допускать слабости в работе по углублению революционного процесса, то может возникнуть опасность отступления по всему фронту. Контрреволюция не только стремится преградить путь перехода к социализму, но и выступает против всех демократических гарантий. Поэтому в самокритичном анализе чилийских событий большое значение мы придаем рассмотрению того, почему в ходе революционного процесса с нашей стороны не были приняты соответствующие меры в ответ на обострение объективных противоречий, которое можно было предвидеть, ибо это закономерность любой революции.

ЕСЛИ СТАЛО ВОЗМОЖНЫМ создание народного правительства, признание победы президента Альенде на выборах и осуществление демократических преобразований, то это объяснялось силой единства рабочего класса в отно-

шении основных вопросов и действий, его правильной ориентацией, широтой его союзнических связей, благодаря чему оказались возможными организационные формы, соответствовавшие задачам того момента. Но в дальнейшем обстановка стала более сложной, возросло сопротивление сил противника, и рабочему классу и его союзникам из демократического лагеря потребовалось укрепить свои силы. Дело в том, что буржуазия, включая слои, пострадавшие от господства монополий и получившие определенные выгоды в результате мер народного правительства, в ходе углубления революционного процесса была все более склонна руководствоваться прежде всего чувством противоположности своих интересов интересам рабочего класса. Такая тенденция, кроме того, стимулировалась абстрактными разглагольствованиями о социалистической перспективе в отрыве от реальных задач текущего момента. Однако самым разрушительным и негативным фактором стало то, что рабочий класс так и не добился эффективной гегемонии, а вместо этого господствовала двойственность в политике и делались уступки как правым, так и «левым» оппортунистам.

В апреле 1972 г. компартия предупредила о надвигавшейся опасности и в целях решительного продвижения вперед указала на необходимость повысить роль рабочего класса, установить единое и строгое руководство экономикой, закрепить достигнутые успехи и изолировать главных врагов. Однако дальнейшее развитие событий со всей очевидностью показывает, что борьба за эти позиции не велась со всей решительностью. Не случайно уже после поражения справедливо отмечалось: «Мы вели дискуссию, разъясняли нашу классовую позицию на уровне партийного руководства. Но эта работа велась неудовлетворительно в «низах», среди народа. А ведь она могла бы помешать распространению мелкобуржуазного революционаризма, вредившего единству социалистов и коммунистов, всему революционному процессу»[4].

Раскол единого, целостного мобилизующего руководства стал одним из факторов поражения. Оппортунизм получил распространение в двух взаимосвязанных течениях. С одной стороны, ультралевые, не признавая революцион-

[4] Desde Chile hablan los comunistas, pág. 88.

ность происходящего процесса, пытались навязать массам свои представления о его развитии, а по сути дела разлагали его изнутри. С другой стороны, реформисты переоценивали мирные особенности процесса, возводили в культ антидемократические институты, не отвечавшие новым, более высоким задачам, которые жизнь ставила в повестку дня. Парадоксально, но вполне объяснимо и то, что представители обеих этих разновидностей оппортунизма постоянно оказывали поддержку друг другу, руководствуясь имевшимися у тех и других предубеждениями по отношению к коммунистам.

АНАЛИЗИРУЯ ИТОГИ тех лет, мы не можем не отметить, что чилийская революция смогла создать демократические институты нового типа, развить более высокие формы демократии. В некоторых отраслях начало осуществляться соединение государственной администрации с народным самоуправлением. Широкое развитие получили советы по снабжению и контролю над ценами (ХАП), которыми руководила замечательная революционерка Марта Угарте. Усилили свою работу жилищные советы и комитеты матерей. В промышленности появились производственные комитеты и комитеты обороны. Профсоюзы начали брать на себя руководящие функции в социальной сфере. Постепенно преобразовывалось руководство промышленностью и торговлей, стала утверждаться система народных инспекторов, выбираемых профсоюзами и советами по снабжению. Их коммунальные конторы действовали совместно с массовыми организациями. Единый профцентр трудящихся (КУТ) способствовал созданию своих советов промышленных поясов. При участии масс, – что стало реальностью на предприятиях, вошедших в государственный сектор, и в зоне, где была проведена аграрная реформа, – разрабатывался национальный экономический план 1974 года. Был подписан целый ряд договоров между министерством экономики и трудящимися определенных предприятий относительно масштабов производства, уровня производительности труда, заготовок сырья, условий кредита, уровня заработной платы, цен и капиталовложений. Рабочий класс при огромной поддержке со стороны молодежи и интеллигенции сумел сохранить порядок в стране во время забастовок предпринимателей в октябре 1972 г. и в августе 1973 года.

Однако в ходе чилийской революции не удалось создать собственно переходную ситуацию, т. е. полностью осуществить демократические и антиимпериалистические цели и открыть путь социализму. Для этого были необходимы более полная демократизация, отмена всех привилегий империалистических монополий и финансовой олигархии, ликвидация их политической власти. Вместе с тем это требовало создания новой системы руководства обществом, что с научной точки зрения можно было бы определить как диктатуру рабочего класса и народных масс города и деревни, т. е. народную власть.

События в Чили показывают, сколь опасно не доводить демократизацию до конца и сколь важно осуществить ее как можно раньше. Несомненно, это включает в себя защиту демократических прав народа перед лицом контрреволюции путем подавления контрреволюционной, антидемократической деятельности. Компартия Чили и Народное единство понимали, что господство местных и империалистических монополий обусловливает не только некоторые основные аспекты власти в парламентской сфере, но определяет и другие, не менее важные процессы в промышленной и военной сферах. В связи с этим понятно часто повторяемое Луисом Корваланом высказывание о том, что успехи на выборах — не самое главное в продвижении народных сил, что это является лишь частью сложного развития более широкой социальной борьбы. Исходя из этого, партия постоянно предупреждала об опасности триумфалистских настроений тех, кто считал, что выборами в сентябре 1970 г. уже гарантировано становление социалистической общественно-экономической формации. В условиях, когда мы завоевали лишь часть власти, необходимо было осуществить демократизацию во всех областях: провести глубокую демократизацию руководства экономикой, распространить демократию на судебный и контролирующий аппараты, добиться соотношения сил в пользу демократии среди военных, добиться, чтобы вся административная система соответствовала действительно демократическим нормам. В этом отношении мы остановились на полпути. Народному правительству фактически не удалось достичь эффективности демократии в решающих сферах. Его достижения и успехи, хотя они и впечатляющи и заслуживают высокой оценки, были явно недостаточными.

Тем не менее огромные успехи, достигнутые на этом пути, развеяли в сознании миллионов чилийцев распространяемые реакцией измышления о революции, и каждый из них на собственном опыте убедился, что революционный процесс предоставляет народу большую свободу, повышает степень его участия в общественной жизни и открывает невиданные возможности для роста культурного уровня при уважении на деле религиозных верований, обычаев и традиций всех слоев народа.

Все это имеет значение и сегодня. Позиция церкви и взаимопонимание беспартийных католиков и христианских демократов с Народным единством в деле защиты прав человека основаны прежде всего на их собственном наблюдении, как относились к христианским массам правительство, коммунисты, социалисты, радикалы, левые христиане. С другой стороны, большинство чилийцев в определенный момент утратило свои иллюзии, связанные с «независимостью судебной власти» и с «нейтралитетом вооруженных сил». Самое главное заключается в том, что повысился уровень сознательности рабочего класса. Это сказывается, в частности, в его решимости настаивать на том, чтобы даже в условиях фашистского террора продолжали действовать его единые и независимые профсоюзы. Рабочий класс — а вместе с ним и большинство народа — стал теперь понимать государство, функционирующее в условиях общества классового антагонизма, как продукт непримиримости классовых противоречий.

АНТИДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР решающих звеньев старой системы управления стал особенно очевидным, когда был уже осуществлен ряд демократических революционных преобразований. Тогда первостепенное значение приобрели сила народного правительства, его способность защитить демократические преобразования, его деятельность, направленная на продолжение преобразований и на защиту того, что уже завоевано народом. Карл Маркс отмечал, что «социальные реформы никогда не бывают обусловлены слабостью сильных; они должны быть и будут вызваны к жизни силой слабых»[5].

Способность защищать революцию — требование всякого подлинно революционного процесса, независимо от

[5] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, стр. 256.

того, каким путем он развивается. Демократическая фаза революции требует своего укрепления, что неразрывно связано с защитой революции. Следует защищать конкретную революцию на том этапе, на котором она находится, и это единственно возможная форма защиты перспективы ее продвижения к следующей, более высокой фазе. Чилийский опыт ясно показал диалектическое переплетение и взаимозависимость между действиями, направленными на свержение власти господствующих классов, на борьбу с контрреволюцией, и действиями, мобилизующими массы на построение нового общества. Все это имело место в процессе сложнейшей классовой борьбы и в ходе социально-экономических преобразований.

Защита революционных завоеваний не есть заговор или дело небольших, оторванных от масс групп. Она базируется на стремлении народного правительства выражать интересы и чаяния широких масс, на его способности объединить их и мобилизовать на борьбу, на его динамичной и правильной творческой деятельности. Однако всего этого недостаточно, если массы не способны укрепить демократическое правительство и государство как выразителя интересов прогрессивных сил. Речь идет о дальнейшем непрерывном видоизменении системы институтов и учреждений, с тем чтобы заставить все пружины власти действовать в интересах рабочего класса, народа и нации.

Мы, чилийские коммунисты, поняли на собственном опыте, какой вред наносит революции и народу любая слабость перед лицом реакционного насилия. Мы пришли к выводу, что первостепенный долг революционных сил в деле последовательного решения задач демократического этапа состоит в том, чтобы быть непреклонными в нашей решимости нанести сокрушительные удары всем, кто прибегает к контрреволюционному насилию. Мобилизация активного большинства народа должна быть поддержана соответствующей массовой организацией, которая располагала бы необходимыми средствами и члены которой получили бы нужное воспитание и подготовку.

Вместе с тем для перехода от демократического этапа к социалистическому необходимо, чтобы народные силы занимали наступательные позиции, что неравнозначно лишь непрестанному расширению радиуса действий в области экспроприации или стремлению выявить как можно боль-

шее число врагов. Гораздо важнее иное: дальнейшее последовательное развитие демократии во всех сферах, о чем говорилось выше, упрочение единства боевых действий рабочего класса, укрепление боеспособности партии и ее союзников, все более эффективная деятельность народного правительства и изоляция контрреволюции.

Почему это не удалось революционному руководству Чили? Был, как уже говорилось, момент, когда в осуществлении власти и в мобилизации сил для защиты своих позиций все стало определяться тем, сколь решительно, сколь действенно оно проводит свою политику. Важно было реализовать демократическую власть, авторитет народного правительства. Но именно потому, что проблемы не ставились с абсолютной уверенностью и не велась с необходимой оперативностью работа по решению связанных с ними вопросов, намеченная политика не получила достаточно мобилизующего характера.

Народная власть по существу и по форме должна была соответствовать каждому данному этапу и стоящим на нем задачам. Она воплощалась в синтезе народного правительства и силы народа. Слабости в ее развитии привели к тому, что многие оказались сбитыми с толку пропагандой реформистских и анархистских концепций власти, ведущейся соответственно теми, кто превозносил старую систему управления, и теми, кто требовал «народной власти», противоположной правительству Народного единства.

Итак, временное поражение чилийской революции подтверждает диалектическую связь между демократическими задачами и социалистической перспективой, а также диалектику революционных путей, требующую выработки способности и готовности в нужный момент перейти от одного пути к другому в соответствии с требованиями обстановки. Фашистский путч 11 сентября 1973 г. доказал, что даже если мы и забываем об этих объективных законах, то враг о них напомнит всегда.

ПУТИ РЕВОЛЮЦИИ

Хорхе ИНСУНСА,
член Политкомиссии ЦК Компартии Чили

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПРОЦЕСС В ЧИЛИ – первый продолжительный опыт мирного развития революции. Международное коммунистическое движение расценило его как событие, анализ которого имеет большое значение с точки зрения совершенствования революционной стратегии и тактики. Изучение классовой борьбы в этот период позволяет сделать выводы, обогащающие теорию развития революции мирным путем, уточняющие его границы и показывающие актуальность марксистско-ленинского положения об умении использовать все формы борьбы.

Для нас, чилийских коммунистов, точная оценка процесса в целом, с анализом достижений и просчетов, представляет собой необходимое условие успешного ведения нашей сегодняшней и завтрашней борьбы. Эта задача, на которую было обращено внимание сразу после переворота, остается важнейшей и сегодня.

НАШ ОПЫТ ПОДТВЕРЖДАЕТ, что пути революции – мирный и немирный – не могут и не должны рассматриваться как взаимоисключающие. Их абсолютное противопоставление чревато серьезной опасностью для успеха революционного процесса.

Еще Маркс, выступая от имени революционных рабочих, предупреждал реакционеров: «...Мы будем действовать против вас мирно там, где это окажется для нас возможным, оружием – когда это станет необходимым»[1]. Так он определил общие принципы тактики, не утратившие своего значения и поныне. Ярким примером такого подхода к развитию революционного процесса, когда различные пути

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 17, стр. 649.

прихода к власти и ее укрепления рассматриваются в диалектическом единстве, была концепция В. И. Ленина, осуществленная на практике в 1917 г.: в апреле он указывает на мозможность мирного развития революции; после июльских событий говорит о необходимости подготовки к вооруженному восстанию; в сентябре вновь считает возможным мирное развитие и призывает бороться за реализацию такой возможности; наконец, немного позже делает вывод о необходимости вооруженного восстания, которое и привело к победе Октября.

Наша партия, давно изучавшая проблемы мирного развития революции, в 60-е годы углубила свою разработку этих проблем, использовав выводы из прошлого опыта для творческого применения положений о мирном переходе к социализму. Концепция практической реализации такого пути в Чили постепенно совершенствовалась с учетом общих законов революции и национальных особенностей страны. Коммунисты предложили объединить вокруг рабочего класса большинство населения Чили, все антиимпериалистические и антиолигархические силы, чтобы создать правительство, способное проводить революционные преобразования, необходимость которых была продиктована назревающим кризисом чилийского общества. Речь шла об осуществлении антиимпериалистической, антимонополистической и аграрной революции, перспективной целью которой было продвижение к социализму. Выделив два стратегических этапа революции, мы намеревались осуществлять их как один неразрывный, развивающийся процесс. Такая возможность определялась объективной взаимосвязанностью задач обоих этапов, а также руководящей ролью рабочего класса, которую он мог и должен был взять на себя в широком союзе с заинтересованными в переменах силами. Наша партия указала на очевидность наметившегося революционного кризиса и вместе с тем отметила сочетание объективных, субъективных, национальных и интернациональных факторов, которое позволяло народу Чили прийти к власти без применения вооруженного насилия как главного средства борьбы. Это дало сильный толчок развитию массового движения, расширило возможности объединения большинства населения страны вокруг рабочего класса.

Партии пришлось разъяснять свои положения, защищать

их от многочисленных нападок и преодолевать непонимание. Революционный характер данного пути был доказан и теоретически, и практически. Было уточнено само содержание термина «мирный», чтобы не возникало недоразумений: развитие процесса в таком русле не означало, что борьба народного движения должна протекать только в рамках легальных буржуазных форм, оно не связывалось обязательно, а тем более исключительно с борьбой в избирательных кампаниях. Мирный путь (мы называли его также «невооруженным») не означал и не мог означать отказа от насилия при отстранении от власти реакционных классов. Революция, как мы убеждены, – это всегда насилие и социальное принуждение, хотя оно и не всегда принимает вооруженные формы.

Во всех документах нашей партии отмечалось, что выбор пути не зависит лишь от субъективного решения революционеров, – необходимо предвидеть изменения обстановки и соответственно к ним готовиться. Эта мысль четко выражена в программе нашей партии 1969 года. Если прежде упор делался на возможность мирного развития революции, то теперь, как говорил тов. Луис Корвалан на XIV Национальном съезде Компартии Чили, «новый текст программы определяет, что «революция является сложным процессом, соединяющим в себе все виды борьбы, которую ведет наш народ, и что **ее пути определяются в соответствии с исторической обстановкой, однако неизменно должны основываться на активности масс**».

В силу этого революционный выход не обязательно должен быть связан с заранее определенным путем»[2].

Такая оценка не была связана с каким-либо изменением тактики, которой мы придерживались, а представляла собой итог лучшей ее разработки.

В свете нашего опыта видно, что необходимо более глубокое изучение самих понятий «мирный» и «вооруженный» путь, что важно освободить эти понятия от двусмысленности, осознать, что они принадлежат не к области стратегии, а к области тактики, меняющейся при изменении обстоятельств; необходимо проанализировать и проследить политическую линию с точки зрения взаимосвязанности и

[2] L. Corvalán. Camino de Victoria. Santiago de Chile, septiembre 1971, pág. 331.

диалектического единства составляющих ее компонентов. Наша точка зрения относительно такой диалектики, как отмечалось, была уточнена. Однако продолжала существовать определенная тенденция к абсолютизации мирного пути. Говоря о нем, мы использовали такие термины, как «естественное русло», и потому правильное положение о необходимости в определенный период проводить «лишь одну линию» воспринималось многими как отождествление нашей линии именно с тем путем, которым мы шли в данный момент.

Как известно, В. И. Ленин требовал от революционной партии умения владеть всеми формами борьбы. Однако он подчеркивал, что нельзя смешивать «*принципиальное* признание всех средств борьбы, всех планов и приемов, лишь бы они были целесообразны, – с требованием *в данный политический момент* руководиться неуклонно проводимым планом...»[3].

В ходе борьбы не всегда легко решить, как достичь этого практически. Важно учитывать, какие формы борьбы диктует сама объективная ситуация, – это отмечалось в свое время Лениным, и это наглядно проявилось в чилийских событиях.

«Всякая форма борьбы требует соответственной техники и соответственного аппарата, – подчеркивал В. И. Ленин. – Когда главной формой борьбы в силу объективных условий становится парламентская борьба, в партии неизбежно усиливаются черты аппарата для парламентской борьбы»[4]. Усиление таких черт опасно в том смысле, что может помешать умелому изменению тактики, если оно будет продиктовано ходом событий, и такую опасность возможно уменьшить только при очень внимательной и вдумчивой деятельности руководства и всей партии. Подобную деятельность мы вели, но она оказалась недостаточной.

Несмотря на некоторые упущения, основные теоретические положения стратегического и частично тактического характера, разработанные партией, способствовали мобилизации широких масс на борьбу за достижение революционных целей. Условия для созревания развивающейся революционной ситуации создавались в основном с помощью

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 47.
[4] Там же, т. 14, стр. 162.

невооруженных средств. Практика показала, что политическая линия, правильно определявшая главных врагов и направление главного удара, делавшая основной упор на развитие массовой борьбы и ориентированная на использование предвыборной конъюнктуры, способна привести к победе. Проведение этой линии в ходе упорных классовых сражений во всех сферах социальной деятельности привело к завоеванию Народным единством поста президента республики. Победа 1970 г. сделала возможным доступ к власти (точнее, к частичной власти) революционного правительства при помощи буржуазного избирательного механизма и законов буржуазной демократии. Таким образом, положение ленинской теории революции воплотилось в реальность.

Значит ли это, что последовавшие затем поражения опровергают возможность осуществления революции мирным путем (о чем говорят теперь идеологи крупной и мелкой буржуазии)? Подлинно научный анализ отнюдь не приводит к такому выводу. Вместе с тем в ходе его становится очевидным, какие шаги необходимо было сделать, но они не были сделаны или же были сделаны, но недостаточно энергично и решительно, чтобы способствовать развитию уже достигнутых завоеваний теми же мирными средствами.

Правомерно сделать и следующий более общий вывод: мирное развитие революции — это процесс, который завершается тогда, когда окончательно решен вопрос о власти, ликвидированы возможности реставрации господства свергнутых классов, утверждены новая демократия и новое руководство обществом. В этом процессе можно выделить свои фазы. Приход сил народного движения к власти (вначале неполной) завершает первый этап. Он открывает период решения задач «второго дня» — утверждения революционных завоеваний и консолидации сил, когда в повестке дня остается вопрос: кто кого? Существуют общие для завершения той и другой фаз предпосылки победы, однако различен уровень требований, которым должно отвечать революционное движение на каждом из этих этапов. И может случиться так, что ожесточенная реакция навяжет необходимость революционного вооруженного насилия. В этой ситуации революционный процесс во второй своей фазе должен будет развиваться по пути, отличному от того, по которому шло его развитие на первом этапе.

Но, с одной стороны, этим не отменяется первый шаг, первая победа, а с другой — именно после этой первой победы возможности реакции спровоцировать гражданскую войну уменьшаются, если революционеры работают хорошо.

Опыт чилийских событий до 1970 г. и некоторое время спустя позволяет утверждать, что развитие революционного процесса мирным путем наиболее приемлемо, если для этого есть возможности, и, естественно, лишь до тех пор, пока они существуют. При революционной ситуации только отсутствие условий для развития революции мирным путем или истощение таких возможностей обусловливает и обязывает направить ее по вооруженному пути.

ВОЗМОЖНОСТИ РАЗВИТИЯ РЕВОЛЮЦИИ мирным путем в современных условиях тесно связаны с существенными изменениями, происшедшими в мире после победы Великой Октябрьской социалистической революции. С возрастанием веса стран социализма такие возможности становятся все более реальными. Империализму все труднее осуществлять экспорт контрреволюции, прямое вооруженное вмешательство, при котором становится необходимым вооруженное революционное насилие. Победа вьетнамской революции, нанесшей серьезный удар по экспорту контрреволюции, — символ нашего времени. Это относится и к победе Кубы, показавшей, помимо всего прочего, что империализм не способен в определенных условиях осуществить интервенцию своими вооруженными силами. И хотя обе революции являются результатом ожесточенной вооруженной борьбы, тем не менее они подтверждают, что наличие международных предпосылок делает возможным мирный ход революции там, где эти интернациональные факторы сочетаются с соответствующими национальными факторами.

Чилийские события вновь подтвердили и то, что воздействие интернациональных факторов во многом зависит от позиции политических руководителей революционного процесса, от их способности опереться на эти факторы, их отношения к той поддержке, которую страны социализма готовы оказать прогрессивному движению, не выдвигая при этом условий.

Некоторые круги подчеркивают трудности мирного перехода, обусловленные господством империализма в Латинской Америке. Они обращают внимание на то ожесточе-

ние, с каким империализм защищает свой «стратегический резерв», при этом добавляют, что географическое положение является фактором политического значения. Несомненно, речь идет о реальных фактах, но они могут быть компенсированы – и более чем компенсированы – при решительной ориентации революционных движений на поддержку сил реального социализма и пролетарскую солидарность. Это чрезвычайно важный принципиальный и практический вопрос. Не изолированность от стран социализма, а, напротив, укрепление связей с ними увеличивает вероятность успеха на мирном пути революции, как и вообще успеха революции, какими бы путями она ни развивалась.

Новая международная обстановка – это один из факторов, на которых основано то общее утверждение, что возможности мирного развития революции в наше время увеличиваются. Однако изменение соотношения сил на мировой арене в лучшую сторону не ведет к выводу об обязательности и универсальности такого пути. Речь идет лишь об определенном увеличении реальных возможностей успеха на этом пути – возможностей, которые в прошлом рассматривались как крайне редкие[5].

С другой стороны, опыт Чили показывает, что империализм приспособил свою тактику к новым мировым условиям, выработав альтернативу (и соответствующие ей средства) прямому вооруженному вторжению в целях разгрома революционного процесса. Имеются в виду действия в области экономики, международных отношений, идеологии, в вооруженных силах и т. д. Чили дает богатый материал для изучения этих методов. Их детальный анализ не является задачей данной статьи, однако надо отметить, что успех противостоящей этим методам деятельности революционеров непосредственно связан с вопросом их тесного сотрудничества с социалистическими странами, опорой на международную солидарность – чего мы в достаточной степени не сделали.

ПРИ ТЕСНОЙ СВЯЗИ интернациональных и национальных факторов решающее значение для успеха революционного процесса, несомненно, имеют внутренние факторы. В основе революции в условиях Чили было завоевание прочного большинства, объединенного вокруг рабочего класса.

[5] См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 135.

Известно, что победа на выборах 1970 г., позволившая создать правительство Народного единства, была достигнута благодаря поддержке не абсолютного большинства, а лишь 36 проц. избирателей. Правительство приступило к исполнению своих обязанностей после ожесточенной классовой борьбы в течение двух следующих месяцев. В ходе этой борьбы Народное единство сумело пресечь первую скрытую операцию империализма, завершившуюся попыткой государственного переворота, сумело привлечь на свою сторону большинство народа и вынудить классового врага перейти к обороне. Без этого было бы невозможно внушить уважение к результатам выборов, одержать победу в борьбе за власть.

Таким образом, руководствуясь фактами, мы рассматриваем победу на выборах как шаг, который имел большое значение, однако не был достаточной гарантией того, что олигархия и империализм, сохраняющие господствующие позиции в обществе, будут уважать результаты выражения народной воли; мы считаем, что завоевания Народного единства определила не просто победа на выборах сама по себе, а борьба перед выборами и после них.

Если основным условием первоначальной победы было создание испытанного и действенного большинства для достижения целей данного момента, то решающим условием развития процесса вплоть до его завершения было уже расширение этого большинства, его укрепление и его активность. Нужно было действовать, чтобы непрочное, неокончательное соотношение сил изменилось в пользу народа, стало окончательным, действовать, используя завоеванные позиции власти, уже с этих позиций осуществляя необходимые в данных целях правительственные мероприятия. Таково было необходимое условие укрепления реальной народной власти, победного завершения демократической революции и незамедлительного перехода к революции социалистической. Это было главным обстоятельством, которое делало возможным осуществление революционных целей мирными средствами, позволяло противостоять развязыванию реакционного насилия.

Несомненно, ключевой проблемой, как отмечалось, было достижение монолитного единства рабочего класса и создание вокруг него и во главе с ним прочного союза промежуточных слоев населения, в первую очередь крестьян, а

также широких средних городских слоев, обладающих в Чили значительным социальным весом, при нейтрализации национальной буржуазии. Промежуточные слои, как известно, находятся между двумя полюсами, революционным и контрреволюционным, и имеют тенденцию – прежде всего экономически, а потому и политически и идеологически – к колебанию между этими полюсами. Контрреволюционный полюс чилийского общества представлен финансовой и помещичьей олигархиями и империализмом, и, чтобы обеспечить свою победу, рабочий класс должен был всячески способствовать их изоляции. Круг его необходимых и возможных союзников был очень широк. Однако эта возможность не была использована максимально. Напротив, в процессе революции произошла заметная изоляция рабочего класса, особенно в момент переворота, что и явилось главным фактором поражения. Это не опровергает того факта, что рабочему классу удалось приобрести влиятельных союзников, однако он далеко не охватил необходимый их круг, что могло бы обеспечить его победу.

Вокруг этого ключевого вопроса на протяжении трех лет деятельности народного правительства разгорались серьезные сражения. Крайне отрицательную роль с точки зрения интересов рабочего класса сыграли левацкие элементы. Их неправильные действия, вытекавшие из неверных представлений о характере чилийской революции и широко использованные империализмом и реакцией, вызвали сначала беспокойство, а затем панику среди широких промежуточных слоев.

Очевидно, что завоевать большинство народа возможно лишь тогда, когда выдвигаются задачи, действительно назревшие на данном этапе революции, в данной политической ситуации. Поэтому, чтобы добиться успеха, важно правильно определить сущность каждого этапа и со всей ответственностью придерживаться сделанных выводов. Рабочий класс вместе с тем может стать центром единства и распространить свое влияние на промежуточные слои, если при проведении общей политической линии будет способен взять на себя защиту не только своих интересов, но и насущных интересов этих социальных слоев и развить собственную революционную силу. Именно на этих принципах должна была основываться политика правительства и сил Народного единства, чтобы завоевать союзников, укрепить

союзы и в то же время помешать реакции оказывать влияние на те слои, за которые шла борьба.

При анализе событий под таким углом зрения наряду со значительными, поистине историческими достижениями чилийского революционного процесса – такими, как национализация крупных медных рудников, аграрная реформа, создание государственного сектора экономики и т. д., – со всей ясностью проступают и его слабые стороны. Многообразные и сложные задачи приходилось решать в необычных условиях, вызванных экономической блокадой империализма, поэтому и осуществленные на практике революционные преобразования не удалось использовать в той мере, в какой этого требовала обстановка. Отсутствие единства в руководстве политическим блоком способствовало появлению правых и «левых» уклонов. Имелись недостатки и в процессе реальной демократизации, которая должна была содействовать объединению сил, объективно заинтересованных в переменах. Не всегда решительно пресекались происки реакции, им, напротив, содействовали печатные органы, в подавляющем большинстве находившиеся под контролем реакции, с их помощью с небывалым для Чили ожесточением велась атака реакции против правительства и народного движения. Каждый из этих факторов затруднил консолидацию большинства.

Однако только завоевать большинство было недостаточно. Требовалось, опираясь на это большинство, обеспечить средства, позволяющие одержать верх над противником во всех областях. «. . .В революционное время, – писал В. И. Ленин, – недостаточно выявить «волю большинства», – нет, надо *оказаться сильнее* в решающий момент в решающем месте, надо *победить*»[6]. Революция должна уметь себя защищать. Главным орудием такой защиты является новое государство, которое должна создать революция. В связи с этой задачей в условиях мирного перехода встают очень сложные проблемы, вновь обнаруживающие диалектическое единство возможных путей революции.

Развитие чилийского революционного процесса по мирному пути, как уже отмечалось, дало народному движению часть власти. Этот успех, с одной стороны, стал доказательством силы народного движения, а с другой – доказатель-

[6] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 40.

ством его неспособности в тот момент завоевать всю полноту государственной власти. Нет основания думать, что такая ситуация должна повторяться в каждой революции, развивающейся по мирному пути. В принципе возможно в «первый же день» завоевать все командные высоты, по крайней мере все гражданские руководящие звенья государственного аппарата (исполнительные и законодательные). Однако это будет старый государственный аппарат и, вероятно, внутри него и наверняка вне его будут существовать органы власти, не контролируемые революцией. Весь этот аппарат, как показывает опыт, с большим трудом идет на проведение преобразований и применение необходимого в таких случаях принуждения до тех пор, пока не произведены существенные изменения в его содержании и форме. Решающим фактором является глубокая демократизация государственного аппарата путем создания механизмов, обеспечивающих непосредственный народный контроль над функционированием государства и передачу возможно большего числа его полномочий самим народным массам. Позитивный опыт, накопленный в этой области, например в сфере контроля над снабжением, над распределением основных продуктов и их ценами, убедительно выявляет открывающиеся в этом плане возможности. Контроль «снизу», со стороны масс позволяет им на деле осуществлять власть и извне способствовать существенным изменениям в государственном аппарате, проводимым при содействии революционного руководства изнутри.

Один из аспектов этой проблемы был связан с соблюдением буржуазной законности, с помощью которой были завоеваны позиции власти. Эта проблема по-особому стояла в Чили именно потому, что народное движение завоевало лишь исполнительную власть, в то время как его противники сохраняли сильные позиции в других органах государственной власти: парламенте, судебных, контрольно-ревизионных органах и т. д. Такая своеобразная обстановка затрудняла изменения в действующем законодательстве, принятие новых законов, позволяющих юридически закрепить реальную демократизацию и прогресс в проведении революционных преобразований. Однако на основе собственного опыта мы можем сделать вывод, что благодаря демократическим завоеваниям, которых рабочий класс и народ смогли добиться в ходе всей предшествовавшей борьбы и которые

являются одним из важнейших факторов, обеспечивающих мирное развитие революции, революционеры, опираясь на свои позиции в органах власти, могут весьма успешно использовать действующее законодательство. Разумеется, использование правовых механизмов должно сочетаться с активной борьбой масс. Доказательством существования таких возможностей была национализация крупных монополий.

В то же время наш опыт показывает, что борьба масс, даже при народном правительстве, не может ограничиваться тесными рамками прежней законности, ибо в них не укладывается вся необходимая революционная деятельность.

Это подводит к выводу, что нужна объединяющая организация, которая воплотила бы в себе народную власть, родившуюся «снизу». Более или менее стихийно в Чили эту проблему начали решать. От опыта создания советов по снабжению и ценам мы перешли к созданию других органов, объединявших представителей народных масс. Однако этот процесс не нашел своего завершения в формировании новых органов власти. Мы вместе с тем не считаем, что обязательно нужно стремиться к созданию особой организации. Вероятно, во многих странах необходимым органом власти может стать какая-либо из существующих организаций. Как отмечал в свое время В. И. Ленин, «к этой своеобразной задаче пролетариат подошел и будет подходить разными путями». «В одних местностях России февральско-мартовская революция дает ему почти полную власть в руки, — писал Ленин, анализируя конкретную обстановку тех лет, — в других он, может быть, «захватным» путем станет создавать и расширять пролетарскую милицию, — в-третьих, он будет, вероятно, добиваться немедленных выборов на основе всеобщего и т. д. избирательного права в городские думы и земства, чтобы создать из них революционные центры...»[7].

Главное, таким образом, — создать условия для того, чтобы народ мог выражать свою волю и эффективно осуществлять власть «снизу», чтобы он непосредственно участвовал в строительстве новой демократии. Без этого «власть наверху» не сможет выполнить революционные

[7] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 46.

задачи, встречающие ожесточенное сопротивление реакции.

В Чили в этом отношении были допущены ошибки. Среди революционеров не было достаточной ясности и единства в определении типа государства, которое предстояло создать, а также формы и содержания демократии. Неопределенность привела к колебаниям, выражавшимся как в отрицании необходимости всякой диктатуры (что неизбежно вело к упущениям в борьбе за преобразование буржуазного государства), так и в стремлении немедленно установить диктатуру пролетариата, для чего в тот момент не было соответствующих условий и что означало бы прыжок в пустоту, вело к изоляции рабочего класса. Такая неопределенность вызвала известную степень анархии: слабость революционной теории — это слабость субъективного фактора, его направляющего воздействия на борьбу масс за укрепление народной власти.

УСПЕШНОЕ ЗАВЕРШЕНИЕ любого революционного пути непременно связано с решением такой специфической проблемы, как создание благоприятного соотношения военных сил. Общеизвестны элементы тактики, разработанные Марксом, Энгельсом, Лениным. Речь идет об их высказываниях, относящихся в основном к процессу, протекающему по пути вооруженной борьбы. Однако, не вдаваясь в детальный анализ, можно сказать, что все они не могут не учитываться и при выработке концепции развития революции по мирному пути. При таком развитии не предполагается вооруженное восстание или гражданская война, но забота о выгодном для революции соотношении сил необходима, и именно для того, чтобы не дать реакции развязать вооруженные действия.

Ясно, что одним из важнейших факторов является обстановка внутри вооруженных сил и сил общественного порядка. Как мы подходили к этому вопросу в Чили?

На первом этапе, вплоть до его победного завершения в 1970 г., мы стремились добиться, чтобы вооруженные силы не выступали против народного движения, а тем самым создать условия, при которых стал бы невозможен реакционный переворот. Мы опирались при этом на традицию невмешательства вооруженных сил в политику партий (которого они более или менее придерживались около 40 лет) и на те силы внутри армии, которые были верны конституции,

ориентировались на признание достигнутой путем выборов народной победы.

Мы подчеркивали тот факт, что чилийские вооруженные силы не были **непосредственно** связаны с крупными монополиями, что офицерские кадры происходили главным образом из средних слоев, испытывавших на себе последствия кризиса, что младшие офицеры, сержанты и солдаты были выходцами из рабочего класса или крестьянства, из наиболее бедных слоев населения. Мы говорили, что вооруженные силы поэтому не могут оставаться безучастными к процессу преобразований.

В то же время мы отмечали, что углубление кризиса создавало новую обстановку: «Стало, например, реальностью, что вооруженные силы представляют новый фактор в национальной политике. Можно сказать, что период неучастия вооруженных сил в политической жизни, неучастия, которое никогда не было абсолютным, завершился или близок к завершению»[8]. И добавляли: «Конечно, нельзя не учитывать условий, в которых формировались вооруженные силы, и особенно того факта, что в последние десятилетия их профессиональная подготовка велась под влиянием Пентагона»[9].

Можно, думается, утверждать, что основная ориентация на достижение в первую очередь невмешательства вооруженных сил, того, что мы называли «нейтрализацией», была правильной, равно как были правильными и опора на некоторые существовавшие демократические традиции, учет классового состава вооруженных сил. Однако, как мы ясно видим теперь, этого было совершенно недостаточно, к тому же наша политика в этой области основывалась на некоторых ложных в теоретическом отношении предположениях.

Например, мы рассматривали «профессионализм» военных как ценность, на которую мы могли бы опереться, стремясь не допустить антинародных выступлений. В действительности же он отнюдь не содействует укреплению прогрессивных позиций внутри вооруженных сил, а, напротив, ведет к усилению их изолированности от народа и его проблем. Его поощрение порождает такой склад мышления,

[8] L. Corvalán. Camino de Victoria, pág. 315.
[9] Там же, стр. 425.

при котором профессионализм ставится превыше всего, подменяет классовые взгляды, определяющиеся социальным происхождением солдат.

Чилийский опыт показывает, что если «нейтрализация» была необходимым и достаточным условием для первого шага, для прихода к власти правительства Народного единства, то завершение революционного процесса выдвигает качественно иные требования. Нейтрализация – временное, преходящее явление. По своей сути она и не может быть ничем другим. Со временем противоречие разрешится в ту или иную сторону, в пользу революции или контрреволюции. Стало быть, в ходе процесса должен обязательно решаться вопрос о привлечении вооруженных сил на сторону народа путем их глубокой демократизации, и достижение этой цели может быть лишь итогом очень ожесточенной борьбы на всех фронтах.

Здесь с максимальной ясностью проявляется раскрытая Марксом диалектика революции и контрреволюции. Требования, которые должна выполнить революция, возрастают по мере ее продвижения, ибо революция продвигается вперед вплоть до того момента, когда она становится необратимой, и по мере своего укрепления она вызывает все более ярое сопротивление контрреволюционных сил. И, следовательно, то, что было достаточным на первом этапе, оказывается недостаточным на следующем.

Опыт показывает, что необходимо настойчиво добиваться преобразования вооруженных сил, используя приемлемые для этого средства. Главный путь, повторяем, – в их глубокой демократизации с помощью возрастающего воздействия на вооруженные силы рабочего класса и народа. В этом направлении определенные шаги были сделаны. В некоторой степени получил развитие процесс вовлечения военных в борьбу за преобразования в стране, что способствовало более тесному их контакту с народом и проникновению в его проблемы. Некоторые патриотически настроенные кадровые военные проявили себя в государственном аппарате; в сложной обстановке, например, во время контрреволюционного выступления в октябре 1972 г. именно союз народного движения с патриотическими кругами вооруженных сил обеспечил народу победу. Причем надо сказать, что недоработки в этой области деятельности не были вызваны какими-то ограничениями конституционного характера, а

явились следствием политических упущений сил революции. И в этом отношении отрицательную роль сыграло левацкое сектантство. Нанесли нам ущерб и наши собственные просчеты.

В тот период мы утверждали: «Действительно, в военных институтах необходимы изменения, однако эти изменения не могут быть им навязаны. Они должны возникнуть внутри них самих, по их собственному убеждению». Такое утверждение явно не учитывает всех аспектов проблемы. Чтобы добиться изменений, недостаточно действовать лишь внутри армии. Необходима борьба за вооруженные силы также извне. Такую борьбу важно вести, используя подходящие формы, как в условиях вооруженных революционных действий, так и в условиях мирного развития революции. Как говорил вьетнамский военный стратег Во Нгуен Зиап, главное содержание закона о революционном насилии состоит в сочетании политических сил с вооруженными силами. Это применимо к любому революционному пути.

Как мы уже сказали, некоторые успехи в этом отношении у нас были, однако то, что мы сделали, не отвечало нашим потребностям и было ниже наших возможностей. Нам не удалось ни привлечь армию на сторону народа, ни обеспечить другими средствами благоприятное соотношение военных сил. И это положение в момент, когда было нарушено соотношение политических сил, привело к кризису.

Если принимать во внимание лишь **результат** нашего опыта, то можно, как это делают некоторые, утверждать, что речь идет о неразрешимой проблеме, что вооруженное столкновение всегда неизбежно. Однако если мы обратимся к развитию нашей революции **в целом**, то вывод будет другим: данную проблему возможно решить и в условиях, когда революционный процесс протекает в основном по мирному пути, и это тем более вероятно, чем лучше революционное движение будет подготовлено для защиты своих завоеваний в любой области.

ЧИЛИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ потерпела временное поражение. Однако это не означает, что вычеркнуты успехи, достигнутые благодаря народному правительству – великому историческому детищу нашего народа. Усилия реакции в этом смысле безрезультатны. Контраст между днем вчерашним и сегодняшним столь разителен, что многие из тех, кто еще вчера стоял в стороне от народного движения или

даже выступал против него, сегодня все более утверждаются в необходимости единства с народным движением. Критический анализ чилийских событий и справедливая оценка огромных успехов народных масс, достигнутых в тот период, также способствуют единству. Идет процесс вызревания политики партии на основе глубокого усвоения уроков прошлого, что позволит ей преодолеть сегодняшние трудности и в ближайшем будущем уверенно проложить путь дальнейшей борьбе.

РАБОЧИЙ КЛАСС И ЕГО ПОЛИТИКА СОЮЗОВ

Гладис МАРИН,
член Политкомиссии ЦК Компартии Чили

ПРИХОД К ВЛАСТИ В ЧИЛИ правительства Народного единства не был делом случая или следствием промахов в действиях реакции, как полагали некоторые. Эта победа явилась результатом единства действий широких народных масс, в котором руководящую роль играл рабочий класс, результатом их борьбы, развивавшейся многие десятилетия и в 50—60-е годы достигшей очень высокого подъема.

В этот период укрепляется союз социалистов и коммунистов, организуется Единый профцентр трудящихся, под руководством которого проходит волна крупных забастовок с выдвижением не только экономических, но и политических требований. Развертывается активная, организованная борьба крестьян за землю, жителей города — за жилье, получает развитие мощное, широкое движение студентов и преподавателей за университетскую реформу. Используя новые формы, в борьбу, цели которой определяла необходимость революционных изменений, включается с присущей ей смелостью молодежь. Характерно, что в эти годы расширяются политические свободы, демократизируется жизнь в стране, становится более зрелым политическое сознание широких масс. В его формировании большую роль сыграла политическая борьба в ходе президентских выборов 1958 и 1964 гг., когда кандидатом от народных сил был выдвинут Сальвадор Альенде.

Благодаря правильной политике нашей партии в условиях существования христианско-демократического правительства, проводимой под лозунгом объединения всех прогрессивных и демократических сил, находившихся и в оппозиции, и в правительстве, против всех реакционных сил, существовавших как в правительстве, так и в оппозиции, мы смогли

показать широким массам народа, что заявления правительства о реформах обманчивы, и выдвинуть в центр внимания самые острые политические и социальные проблемы. Такими проблемами, глубоко волновавшими самые разные слои населения страны, были возвращение Чили ее природных богатств, прежде всего крупных медных рудников; реформа права собственности; ликвидация латифундий путем проведения коренной аграрной реформы; изыскание новых источников трудоустройства; ликвидация отсталости, обеспечение независимого, суверенного развития страны.

В конечном итоге убежденность в том, что Чили необходимы глубокие экономические, социальные и политические перемены, стала частью общественного сознания большинства населения страны. Эта убежденность отражалась не только в политике партий, которые потом вошли в Народное единство, но и в настроениях самых широких слоев христианских демократов и независимых.

В этой бурлящей среде в конце 1969 г. возник политический блок Народного единства. Его программа отвечала интересам большинства населения страны и ставила в повестку дня вопрос о необходимости глубоких преобразований в чилийском обществе.

В создании Народного единства главную роль сыграла коммунистическая партия, которая благодаря целенаправленности своей политики смогла дать характеристику переживаемого этапа, определить главных врагов и прийти к выводу о необходимости широкого союза прогрессивных сил, с тем чтобы изолировать реакцию.

Решающий вклад в формирование Народного единства внесли социалистическая, радикальная партии и та часть христианско-демократической партии, которая вышла из ее состава и образовала партию МАПУ.

Победа, одержанная 4 сентября 1970 г., была прежде всего завоеванием рабочего класса и наиболее передовых слоев крестьянства в союзе с революционными силами городской мелкой буржуазии и значительной частью средних слоев населения. Для того чтобы продолжать движение вперед, необходимо было еще более укрепить этот союз, усиливая, с одной стороны, руководящую роль пролетариата и, с другой, — расширяя ряды его союзников за счет новых слоев населения.

Наша политика союзов основывалась на глубоком изуче-

нии конкретной реальности. Империалистическое господство, существование монополистической и землевладельческой олигархии, чьи интересы противоположны интересам огромного большинства населения, явились причинами главных противоречий, которые необходимо было разрешить в Чили. Перед рабочим классом стояла задача найти взаимопонимание со всеми слоями общества, интересы которых ущемлялись господством империализма и внутренней олигархии (или по крайней мере в отдельных случаях нейтрализовать те или иные слои). Для достижения этой цели чилийские народные силы располагали определенным опытом, заметно обогатившимся благодаря союзу представителей различных идеологических течений — марксистских, христианских, рационалистических — при избрании на пост президента страны Сальвадора Альенде. Союз этих сил быстро развивался благодаря неустанным поискам точек соприкосновения, когда в центр внимания ставилось все то, что объединяло в борьбе с общим противником и содействовало активизации масс. Во время избирательной кампании было образовано около 15 тыс. первичных комитетов, т. е. был организован большой политический отряд, представлявший огромную потенциальную силу для осуществления революционных перемен.

В этих условиях необходимо было двигаться вперед, неизменно руководствуясь ленинским указанием о том, что «победить более могущественного противника можно только при величайшем напряжении сил и при *обязательном*, самом тщательном, заботливом, осторожном, умелом использовании как всякой, хотя бы малейшей, «трещины» между врагами... так и всякой, хотя бы малейшей, возможности получить себе массового союзника, пусть даже временного, шаткого, непрочного, ненадежного, условного»[1].

ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ ЕДИНОЙ ПОЛИТИКИ, предусматривающей, что рабочий класс должен стать центром и движущей силой революционных изменений, требовалось прежде всего укрепить единство самого пролетариата, а затем всех работающих по найму, что в свою очередь должно было способствовать развитию вокруг рабочего класса широкого национального объединения народных сил. В политическом

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 55.

смысле оно основывалось на совместных действиях социалистов и коммунистов. В профсоюзном движении объединению сил способствовало создание Единого профцентра трудящихся (КУТ). Насколько велико было влияние революционных сил на трудящихся, показали итоги прямого голосования во время организации КУТ и избрания его руководства в 1972 г.: широкую поддержку получили профсоюзные руководители-коммунисты (32,5 проц.), а также представители социалистической (26 проц.), радикальной партий и партии МАПУ.

Вместе с тем итоги голосования показали, что большое влияние на трудящихся имела христианско-демократическая партия (25,9 процента). Выяснилось также, что, хотя процесс организации получил сильный импульс, значительное число рабочих и служащих продолжали оставаться неорганизованными. Нельзя не принимать во внимание тот факт, что в стране насчитывалось значительное число мелких промышленных предприятий и кустарных производственных мастерских, на которых работало, согласно статистическим данным за 1967—1968 гг., 39 проц. общего числа занятых в промышленности. В то же время сказывался быстрый рост числа лиц наемного труда, объяснявшийся притоком рабочей силы из других социальных слоев, главным образом крестьянства, а также притоком молодежи, только начинающей производственную жизнь. Лишь за 5 лет (1966—1971 гг.) численность рабочей силы увеличилась в стране на 16 процентов. Оба эти фактора побуждали усилить консолидацию сил внутри профсоюзного движения и вместе с тем вести постоянную работу по классовому воспитанию людей, вливающихся в ряды пролетариата.

Завоевать на свою сторону в происходящем процессе преобразований большинство трудящихся было нелегкой задачей. В самом подходе к ее решению проявилось немало ошибок. Например, в экономическом плане. Просчеты в политике Народного единства породили, в частности, тенденции к увеличению непродуктивных затрат, не соответствовавших реальным возможностям страны; проведение политики стабильных цен столкнулось с неумеренными экономическими требованиями, которые вступали в противоречие с намеченной народным правительством и профсоюзными организациями программой роста заработной платы. Если планировалось в 1971 г. увеличить заработную плату

на 40 проц. (что превосходило повышение цен), то на практике ее средний рост превысил 50 процентов. Многие предприятия вопреки выработанной правительством политике увеличили заработную плату на 100, 200, и даже 500 проц. по отношению к плановому показателю. Как и следовало ожидать, наши упущения в этом плане использовала реакция в интересах своей политики дестабилизации. Даже те круги, которые всегда были противниками требований трудящихся, превратились в решительных защитников самых крайних требований.

Несомненно, сказалось и то, что некоторые профсоюзные круги, поддерживавшие правительство, не смогли понять качественное изменение обстановки и продолжали действовать под старыми лозунгами забастовочных требований, используя в своих интересах внимание, с каким теперь руководство страны относилось к запросам трудящихся, а также ослабление прежнего произвола хозяев.

Опыт показывает, что требование улучшить экономическое положение и другие специфические требования, которые обычно являются выражением борьбы трудящихся против господствующих классов, сами эти классы могут использовать в своих целях, если рабочие и служащие теряют видение общего положения в момент, когда формируется народное правительство.

Чилийские события показывают также, что в таких случаях может происходить объективное смыкание правого и «левого» оппортунизма. Мы считаем, что этот факт ни в коей мере не случаен, а весьма характерен и способен повторяться в критические моменты. Конкуренция между ультралевыми и правыми течениями внутри рабочего класса и вне его за выдвижение самых крайних лозунгов еще раз доказала необходимость вести решительную борьбу против оппортунизма.

Наш опыт подтверждает, что такая борьба не только не ослабляет единство действий и сплоченность трудящихся, а, наоборот, является необходимым условием их сплочения, способствуя тому, чтобы попавшие под влияние оппортунизма смогли включиться в единое движение. В планы заговорщиков, готовивших переворот, всегда входило использование оппортунизма в своих целях – они использовали его, в частности, для поддержки забастовок предпринимателей в октябре 1972 г. и в июле – августе 1973

года. Базой оппортунистических течений служили факторы, о которых уже говорилось: сама структура наемной рабочей силы в чилийском обществе, наличие дезорганизованных и аполитичных ячеек внутри этой структуры, приток новой рабочей силы со своей собственной идеологией. К этому добавлялись и ошибки, допущенные революционными силами в работе с трудящимися. Правый оппортунизм и ультралевачество получили известную поддержку масс, не столь многочисленных, но имевших определенную силу.

ДЛЯ РАЗВИТИЯ РЕВОЛЮЦИОННОГО ПРОЦЕССА наряду с постоянной идеологической борьбой против чуждых рабочему классу влияний необходимо было самое широкое участие трудящихся в управлении экономикой, в работе государственной администрации, во всех социальных секторах. В связи с этим наша партия неоднократно ставила вопрос о политике рабочего класса в процессе преобразования экономики Чили. С этой точки зрения важно, на наш взгляд, познакомиться с конкретной постановкой компартией данного вопроса и с теми тезисами, в которых он формулировался. «Битва за производство не будет битвой, если нет конкретных планов, точных целей и подлинного участия трудящихся. Когда мы говорим о планах, мы не имеем в виду предположительные расчеты и формулировку предвидений, как это обычно делают в условиях капитализма. Мы предлагаем планы, которые включали бы строго определенные задачи и расчетные данные в отношении производства, сбыта, инвестиций, финансов, рабочей силы, производительности труда, среднего уровня заработной платы, экспорта, импорта, мер, направленных на социальные и культурные нужды, и использования излишков. Без таких планов нельзя добиться стабильности, которая будет способствовать росту производительности и обеспечит рентабельность предприятий общественного сектора. Формулировка и выполнение этих планов не должны пониматься как нечто бюрократическое, это должен быть творческий процесс, в котором ориентирующие показатели, подготовленные на научной базе, явятся основой для принятия решений при самом широком участии трудящихся. Эти решения должны быть ежемесячными, доведены до каждого подразделения и поняты каждым рабочим и специалистом, с тем чтобы они могли проверять их выполнение. Административные советы должны ежемесячно отчитываться перед

общими собраниями трудящихся о ходе выполнения планов. Вместо старого произвола хозяев и прежней системы, когда рабочие подавали хозяевам списки со своими требованиями, необходимо открыть в общественном и смешанном секторах возможности для демократических договоров о планах производства и заработной плате, в выработке которых будут участвовать профсоюзы, выражающие волю рабочего класса в его новой роли руководящей силы страны с вытекающей отсюда революционной и патриотической ответственностью»[2].

Наша политика была не только сформулирована в общем плане. Была проделана большая работа по ее практическому воплощению. Бесспорные успехи были достигнуты на заводах «Ярур» «Текстил прогресо» «Мадеко» «Сокора» «Инмар» и других предприятиях, где осуществлялось правильное административное руководство, исходившее из общих установок правительства, где участие трудящихся в управлении стало реальным фактом, что способствовало лучшей организации производства, росту его эффективности и увеличению прибылей предприятий. Заслуживают также внимания усилия, предпринятые в отношении организации машинных парков, планирования производства и материального стимулирования путем заключения соответствующих соглашений, планирования использования валюты на промышленных предприятиях общественного и смешанного секторов.

Правительство Сальвадора Альенде сделало исторические шаги в этой области, если рассматривать их применительно к существовавшей тогда в Чили ситуации. Но если подходить к ним с сегодняшних позиций, обнаруживается ограниченность предпринятых мер.

Правительству удалось вовлечь трудящихся в действенное управление на многих предприятиях; были созданы новые каналы распределения; профсоюзные организации высказывали свое мнение по решению крупных национальных проблем, которое принималось во внимание. Это имело существенное значение не только для прогресса страны, но и для развития сознания трудящихся, выработки новых форм трудовой дисциплины, позволявших покончить с дис-

[2] Orlando Millas. La clase obrera en el Gobierno Popular. Cuadernillo de Propaganda, No. 4, págs. 14–15.

циплиной, основанной на капиталистической эксплуатации. В своей деятельности правительство добилось успехов прежде всего как раз на тех предприятиях, где трудящиеся взяли на себя большую ответственность в руководстве производством. Там же, где этого не произошло, правительство сталкивалось с проявлением анархии, наносившей вред производству и, что еще более опасно, престижу правительства. Это не позволяло использовать на благо народа преимущества первых структурных изменений, происходивших в стране. Свои отрицательные последствия имело создание новых институтов участия трудящихся в управлении производством вне рамок профсоюзов: это замедляло действительное приобщение трудящихся к управлению, способствуя утверждению искаженных представлений, будто профсоюзы не должны быть причастны к руководству предприятиями и их роль сводится лишь к выдвижению экономических требований.

Однако наряду с явлениями, ослаблявшими участие рабочего класса и всех трудящихся в управлении производством, развивались многие другие тенденции, содействовавшие их сплоченности и мобилизованности. Чилийский опыт подтвердил уже доказанный революционной практикой вывод о том, как стремительно эти изменения могут развивать сознание народа. Рабочий класс сыграл решающую роль во многие очень трудные для правительства моменты. Так, во время забастовки предпринимателей в октябре 1972 г., пытавшихся парализовать деятельность предприятий, рабочие заняли предприятия и очень быстро возобновили их работу. Несмотря на трудности, перед революционным движением открывались новые перспективы. Факты наглядно убеждали трудящихся, что они сами, непосредственно могут управлять производством. Характерно, что образование сектора общественной собственности явилось результатом крупных массовых действий трудящихся. И, напротив: в некоторых случаях, когда правительство считало возможным включить отдельные предприятия в сектор общественной собственности, это оказывалось невозможным, как правило, именно потому, что здесь не удавалось прийти к соглашению с работниками данных предприятий.

Надо отметить, что участие промышленных рабочих в управлении производством имело более четкие формы на

национализированных предприятиях; найти соответствующие формы для развития такого участия в частном секторе не удалось, хотя там и создавались организации типа комитетов по контролю за производством, следивших за тем, чтобы действия владельцев предприятий не шли вразрез с национальными интересами.

Известно также, что наиболее важным условием успеха было взаимопонимание между социалистами и коммунистами и совместные действия Народного единства, однако отсутствие единого руководства ослабляло революционную силу трудящихся и способствовало распространению в рабочем движении чуждых ему тенденций.

ЧТОБЫ ВЫПОЛНИТЬ СВОЮ РОЛЬ центра создаваемого единства и движущей силы революционных преобразований, рабочий класс должен был выражать и отстаивать не только свои классовые интересы, но и интересы тех классов и слоев, которые необходимо было объединить вокруг него. В первую очередь требовалось укрепить союз рабочего класса с крестьянством, учитывая, что пока он был недостаточно прочным, несмотря на возросший в 60-е годы уровень организации сельского населения и подъем борьбы в деревне. Происшедшие перемены были весьма значительными. Если в 1960 г. состоялось лишь 3 забастовки сельскохозяйственных рабочих, то в 1964 г. их число возросло до 39, в 1967 г. — до 693, а в 1970 г. — до 1580. После того как был принят закон об аграрной реформе, наиболее передовые слои деревни поняли, что глубина этого процесса будет зависеть от степени развертывания их собственных действий. В 1970 г. главным образом в результате борьбы, проходившей под лозунгом проведения аграрной реформы, 368 поместий перешло в руки тех, кто там трудился.

Столь же заметный скачок произошел и в деле организации сельского населения. Число членов крестьянских профсоюзных конфедераций увеличилось со 103 664 в 1969 г. до 277 895 в 1972 году. Особенно возросла численность тех организаций, которыми руководили коммунисты и социалисты. В результате во время парламентских выборов 1973 г. влияние сил Народного единства, и прежде всего коммунистов, в сельских районах существенно выросло.

Несомненно, за годы, когда у власти было Народное

единство (а также за тот период, когда при администрации Фрея начался процесс аграрной реформы), союз рабочего класса и крестьянства значительно укрепился, а вместе с тем возросло участие сельского населения во всей жизни страны. Правительство, и прежде всего коммунисты, принимали много конкретных мер для оказания помощи деревне, особенно в 1973 году. Крайне важное значение имела борьба за полное осуществление аграрной реформы, направленная в первую очередь против латифундистов, ибо итоги этой борьбы сказывались на всем процессе демократического развития. Латифундии были тормозом и для развития сельского хозяйства, и для развития страны в целом.

Вместе с тем, несмотря на масштабность достигнутых успехов, которые, несомненно, скажутся в будущем, в политике народного правительства в отношении деревни также были просчеты. На практике не все слои сельского населения, о которых говорилось в программе, принимались во внимание. В основном только сельскохозяйственные рабочие и полупролетарские слои получили пользу от аграрной реформы. Это, конечно, хорошо, но этого недостаточно. Наряду с ними должны были получить свои выгоды и мелкие крестьяне, а также те полупролетарии, которые имели несколько большие участки земли. Очевидно, что необходимо было принять во внимание интересы всей совокупности слоев, которые могли получить известные выгоды от народного правительства и в итоге стать на его сторону. «Более 200 000 собственников имеют участки менее установленных 40 гектаров орошаемой земли, на которых трудятся сотни тысяч чилийцев, – говорил Луис Корвалан в своем докладе на пленуме ЦК, собравшемся в августе 1972 г. для рассмотрения аграрных вопросов. – Мы не сможем удовлетворить потребности страны, если откажемся от их продукции. Народное правительство расширило для них свою помощь кредитами, но этого недостаточно. Необходимо помочь им организоваться в кооперативы, предоставить им кредиты, эффективно расширить возможности закупки государством сельскохозяйственных продуктов и прежде всего на деле гарантировать безопасность владения землей.

Мелкие и средние землевладельцы должны превратиться в союзников исторического процесса, переживаемого страной, и контрреволюционером является тот, кто своими

неумелыми действиями толкает их в противоположную сторону»[3].

Итоги, которые можно подвести в настоящее время, показывают, что недостатки были исправлены далеко не полностью. Обстановка усугублялась настроениями неуверенности, которая у многих собственников нарастала в результате провоцируемых ультралевыми действий по захвату земель, не подлежавших аграрной реформе, и реакция использовала это в пропаганде. Правительство не всегда надлежащим образом отвечало на такие действия.

Негативные последствия как в политическом, так и в экономическом отношении имело и то, что в процессе аграрной реформы в Чили зачастую действовали без учета мнения крестьян, пытаясь навязать им сверху организационные формы хозяйствования, «перескакивая» через определенные стадии процесса сельскохозяйственного кооперирования. В августе 1972 г. компартия четко разъяснила положение дел: «Из опыта, накопленного в этой области, можно сделать некоторые выводы. Ни асентамьентос, созданные христианской демократией, ни центры аграрной реформы, созданные при нынешнем правительстве, не удовлетворяют полностью крестьян... Мы считаем, что главное состоит в том, чтобы незамедлительно пересмотреть все эти организационные формы и обязательно учесть мнение и интересы крестьян, что является единственным способом располагать их поддержкой при выполнении больших задач, которые стоят перед нами в деревне»[4].

Такова была одна из проблем, которую не удалось решить должным образом. Другим недостатком было то, что в процессе поиска новых форм организации производства и собственности все внимание концентрировалось на секторе, где уже была осуществлена аграрная реформа. Не делалось серьезных попыток стимулировать, как намечалось в основной программе правительства Народного единства, развитие кооперативных форм использования земли мелкими собственниками. Этими просчетами воспользовались ультралевые. В некоторых их действиях нашли от-

[3] Boletín Informativo del Comité Central del Partido Comunista de Chile. Santiago-Chile, 1972, Boletín No. 8, pág. 37.
[4] Boletín Informativo del Comité Central del Partido Comunista de Chile. Santiago-Chile, 1972, Boletín No. 8, pág. 33.

ражение реальные проблемы различных слоев сельского населения, но предлагаемые решения данных проблем были ошибочными. «Земельный голод», охватывающий значительную часть сельского населения, требует поисков новых форм осуществления аграрной реформы с учетом интересов всех слоев.

В ЧИЛИ, КАК И В РЯДЕ ДРУГИХ СТРАН ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ, в политике союзов, проводимой рабочим классом, постепенно все большее значение приобретало установление его взаимопонимания со средними городскими слоями. Играла свою роль их численность и, что еще более важно, их возрастающая значимость в политической жизни страны.

Городское население Чили постоянно увеличивалось за счет сельского. В 1970 г. активное сельскохозяйственное население составляло лишь 23,9 процента. По своему численному составу средние слои занимают второе место после пролетариата (по отношению ко всему населению). Они очень неоднородны, ибо одни из них образовались в результате сохранения докапиталистических форм производства, другие получили развитие при капиталистическом способе производства.

В 1968 г. 94 проц. всех промышленных предприятий страны составляли кустарные мастерские или мелкие промышленные предприятия, на каждом из которых было занято до 49 рабочих. Эта часть средних слоев — ремесленники, часть мелких промышленников — подвергалась эксплуатации со стороны монополистических групп и финансовой олигархии. Преобразования, проводимые правительством Народного единства, освобождали их от этой эксплуатации, и, следовательно, они должны были бы или приветствовать их, или по крайней мере оставаться нейтральными. Все первые мероприятия, направленные на осуществление структурных изменений, проводились в условиях благоприятного соотношения сил. Чтобы закрепить такое положение, необходимо было не только превратить развивающийся сектор общественной собственности в самый динамичный сектор экономики, но и установить отношения нового типа с частными предприятиями, с которыми каждое предприятие общественного сектора уже было связано, особенно когда многие из них стали зависеть от первых в снабжении сырьем.

Мелкие и средние предприниматели повысили уровень своих доходов, но они не рассматривали это как следствие происшедших в стране перемен. Напротив, многие из них оказались вовлеченными в спекулятивную деятельность и черный рынок (развитию данных явлений способствовала политика дестабилизации, проводившаяся реакцией). В ограничительных мерах, принятых против этого, они увидели лишь доказательство ограничения «свободы» их деятельности. Опыт Чили подтвердил ленинскую мысль о неустойчивости этих слоев, которые колеблются между стремлением освободиться от пут крупного капитала и страхом перед революционными преобразованиями.

Революционные силы в нашей стране, несмотря на все возможности, создавшиеся для их развития и деятельности, не сумели доказать, что достигнутые успехи были результатом проводимых преобразований, они не смогли создать устойчивые отношения нового типа между государством, общественным сектором экономики и частными предпринимателями. Отсутствие взаимопонимания, кроме того, было обусловлено издержками при создании сектора общественной собственности. Значительная часть мелкой буржуазии и ремесленников была вовлечена в забастовки предпринимателей, привлеченная лозунгами «защиты собственности» и требованием «свобод», демагогически выдвигавшимися реакцией, в то время как истинной целью тех, кто провоцировал эти забастовки, было создать условия для государственного переворота. При фашистском режиме, ликвидирующем в массовом порядке мелких, средних и даже крупных предпринимателей (немонополистов), стало очевидно, что их подлинные интересы соблюдались только при народном правительстве.

Новые средние городские слои в Чили, находящиеся в состоянии развития, играют более активную политическую роль (в сравнении с другими средними городскими слоями). Возрастает также общественная значимость студенчества, лиц свободных профессий, интеллигенции, части офицеров вооруженных сил, которые могут быть включены в эти средние слои.

Исторически уже сложился прочный союз рабочего класса и студенчества, отношения между которыми углубились, когда у власти было народное правительство. Студенческое движение в целом самыми различными способами

оказывало ему поддержку, однако это происходило в условиях сложного процесса, когда одновременно все более и более агрессивными становились студенческие группы, поддерживавшие силы оппозиции. У значительной части интеллигенции преобладали прогрессивные взгляды. Ее творческая мысль нашла конкретное воплощение в этот период в самых разнообразных формах. Другая обстановка царила в организациях, объединявших лиц свободных профессий. Некоторые из них стали орудием наиболее реакционных сил. В армии среди офицеров существовало демократическое течение, которое по мере ухудшения общей обстановки утрачивало почву и не углубляло своих отношений с силами, поддерживавшими правительство.

Характерно, что борьба между революционерами и контрреволюционерами за создание благоприятного для себя соотношения сил в значительной степени сосредоточилась на завоевании средних слоев. Однако рабочий класс не сумел, используя позиции, завоеванные в правительстве, повести решительную борьбу за удовлетворение требований этих слоев.

Опыт говорит, сколь важно было учитывать характер преобразований, имевших место в Чили и присущих демократической революции, дабы не было попыток перескочить через этапы; сколь важно было внимательно проанализировать вклад, который могли внести слои, на положении которых тяжело сказывались господствовавшие в стране противоречия, и тщательно изучить возможности дальнейшего продвижения революционного процесса к высшим его этапам совместно с большинством этих слоев.

ПРАВИЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОЮЗОВ предполагала необходимость найти взаимопонимание Народного единства с христианско-демократической партией, которая была многоклассовой, имела крепкие позиции в средних слоях и пользовалась значительным влиянием среди лиц наемного труда. Эта партия проголосовала за утверждение обеими палатами конгресса на пост президента республики Сальвадора Альенде, а также за национализацию крупных медных рудников, единодушно одобренную в парламенте.

С точки зрения народного правительства, найти такое взаимопонимание — значило пойти на компромисс, для чего были приложены определенные усилия, но они не увен-

чались успехом из-за оппозиции как внутри ХДП, так и внутри Народного единства. С одной стороны, оппозицию составляли буржуазные и мелкобуржуазные слои, которыми руководил прежде всего страх перед укреплением позиций пролетариата. С другой стороны, в оппозиции были левые силы, которые любой компромисс понимали как отступление, исходя из ошибочной концепции о необходимости ускорить проведение непосредственно социалистических преобразований, для чего не было необходимых политических и экономических условий. Впрочем, речь идет об оппозиции, которую вполне можно предвидеть и которая могла быть устранена путем активной и терпеливой работы в массах.

В Чили, как показал опыт, достижение взаимопонимания позволяло продвинуться вперед. Успех работы по созданию широкого фронта демократических сил в немалой степени зависел и от широты подхода к этому вопросу тех сил, которые не входили в Народное единство, от характера тенденций, получающих развитие внутри масс, включая, разумеется, и христианских демократов. Руководство компартии, отмечая возможность и необходимость совместных с христианскими демократами действий, указывало:

«Конечно, есть много того, что разделяло и продолжает разделять марксистов и христианских демократов, но у нас есть также общие интересы, а история нашей родины говорит со всей ясностью: каждый раз, когда нам удавалось осуществлять совместные действия и добиваться единства в главном, страна и народ получали конкретные выгоды...

Такова одна сторона медали. Есть также другая сторона, поскольку ХДП является неоднородной в классовом отношении и в рядах ее часто сталкиваются противоположные интересы. Поэтому, когда в руководстве ХДП брали верх сектантские круги, связанные с монополиями и находившие неоценимую поддержку в проявлениях сектантства среди левых сил, возникали раскол и даже конфронтация, из чего извлекали пользу реакционные элементы»[5].

Как видим, компартия ясно указывает, что необходима борьба за единство со всеми антифашистскими силами. Одновременно она подчеркивает особое значение, которое

[5] Desde Chile hablan los Comunistas! Ediciones Colo-Colo, 1976, pág. 145.

приобретает при этом идеологическая борьба, направленная против тех, кто затрудняет унитарный процесс или выступает против него. Борьба за единство, в которой существенную роль играет компартия, не предполагает отказа от идеологической борьбы и забвения центральной задачи – способствовать сближению позиций путем усиления или расширения возможностей союза.

Нет такой причины, по которой различия, существующие между христианско-демократической партией и Народным единством, могли приобрести антагонистический характер, тем более, если рассматривать этот вопрос с точки зрения классового состава данной партии. Те, кто выступал против политики союзов, проводимой рабочим классом, утверждали, что рабочий класс тем самым откажется от своей роли гегемона, не сможет действовать независимо. Внимание, таким образом, концентрировалось на надуманном, несуществующем противоречии. Ведь не с помощью какого-либо декрета, а именно в результате взаимопонимания с другими классами и слоями рабочий класс может стать гегемоном. Это зависит от того, насколько активно он развернет свою деятельность и насколько интересы этих классов и слоев станут его собственными. Все это не только не противоречит независимой деятельности пролетарской партии, но и требует от нее такой независимости. Единство внутри союза непременно сочетается с борьбой, тем более, когда речь идет о союзе самых широких сил.

Укрепление компартии, утверждение ее влияния, а также широкое распространение марксизма-ленинизма – все это задачи, решение которых гарантирует укрепление и расширение союза. Сказанное не означает сектантского подхода к делу, не предполагает нашей исключительности, не отрицает роста других партий единого фронта. Укрепление компартии – не эгоистическая самоцель, а объективная необходимость социального прогресса. Следовательно, развитие единства непосредственно связано с ростом влияния коммунистов, ибо не только благодаря своей политике и идеологии, но и силой своей организации они завоевывают союзников.

Это делает еще более необходимым для партии пролетариата как сохранение своей классовой независимости внутри общего фронта, так и расширение влияния своей идеологии. Анализируемый нами период подтверждает,

что этого можно достигнуть, лишь неизменно опираясь на массы, говоря правду трудящимся и способствуя тому, чтобы они справились с трудностями и пришли к правильным решениям. Это то, чему нас учит наш собственный опыт.

Выдвижение единого кандидата от народных сил в 1970 г., разработка унитарной программы, определение основных норм деятельности народного правительства – все это делалось при активном участии народа, что сыграло решающую роль в преодолении возникавших трудностей. Однако в практической деятельности народного правительства этому следовали не всегда. Многие из решающих дебатов относительно правильности руководства революционным процессом велись лишь в «верхах» или в очень узком кругу. В результате усугублялись трудности, возникавшие из-за отсутствия единого руководства, что не раз находило проявление в раскольнических и анархистских действиях и порой парализовало правительство. Каждый же раз, когда оно обращалось к массам, трудящиеся проявляли большую способность мобилизоваться.

Говоря об особом значении массовых действий, мы, разумеется, не хотим принизить важность работы среди руководителей. Не на пользу дела проводить искусственное разделение между работой в массах и работой с руководителями.

ИЗ ВСЕГО СКАЗАННОГО можно сделать вывод: одной из главных проблем чилийского революционного процесса было то, что не удалось создать прочное, однородное революционное руководство; вместе с тем достигнутые успехи в большой мере связаны с утверждением, становлением такого руководства. Основная роль в его становлении и развитии уже в силу характера революционного процесса принадлежала рабочему классу, и в той мере, в какой ему не удалось выполнить эту роль, был облегчен путь врагам.

Характерно также, что по мере углубления революционной ситуации и обострения борьбы за власть возрастала роль компартии.

Мы, коммунисты, самокритично рассматриваем как успехи, так и недостатки чилийского революционного процесса, с тем чтобы извлечь необходимые уроки – непременное условие превращения вчерашнего поражения в победу завтрашнего дня.

ПРОБЛЕМА ЗАЩИТЫ НАРОДНОЙ ВЛАСТИ

Педро РОДРИГЕС,
член Национального руководства Компартии Чили

СОБЫТИЯ В ЧИЛИ, все, что произошло с правительством Сальвадора Альенде, побуждает глубже осмыслить такой аспект вопроса о власти – основного вопроса всякой революции – как ее защита и удержание. Необходимо полнее выявить и правильно понять характер исторических и политических обстоятельств, в которых формировался наш революционный опыт правления (со всеми его достижениями и ошибками), поскольку именно знание этих условий – ключ к извлечению уроков, связанных с интересующей нас проблемой. В нашем случае это вопрос возникновения сектора революционной народной власти на уровне правительства в результате завоевания соответствующей **части государственного аппарата**, вопрос о способности этого сектора наилучшим образом **соединить** собственную деятельность с размахом революционной деятельности масс и направить ее на осуществление задач революционно-демократического характера с целью продвижения к социализму.

В опыте Чили нашли отражение – в большей или меньшей степени – практически все проблемы марксистско-ленинской теории революции, вопросы завоевания и защиты власти: диалектика использования материальной силы власти и демократии, диалектика народно-демократических задач и социалистических целей, объективного и субъективного факторов революции, национальных особенностей и общих закономерностей, национального и интернационального и т. д. Словом, все проблемы, постоянно требующие от коммунистов, революционеров самого пристального внимания.

ОПЫТ НАШЕЙ РЕВОЛЮЦИИ ясно показал, что законы,

регулирующие переход от старого общества к новому, действуют независимо от путей перехода. Независимо от того, что на определенном этапе возможна эволюционная преемственность формы правления, т. е. сохранение в течение какого-то времени прежней формы при развитии в ее оболочке нового содержания, преобразование старого государства неизбежно, но это не происходит автоматически.

Когда в руках рабочего класса и его союзников оказывается определенный сектор власти, особенно если завоевана исполнительная власть, что и случилось в условиях Чили, то это можно рассматривать как своеобразный парадокс: народное движение получило возможность концентрации своих классовых сил **с помощью** (!) старой государственной машины. Вместе с тем совершенно ясно, что этой новой централизующей силе, чтобы стать действенной и способной влиять на ход событий **в нужном направлении**, были необходимы новые средства и методы, новый государственный аппарат.

Будучи авангардом, пролетариат не может останавливаться на полпути, откладывать решение этой задачи, он обязан распространить свое классовое влияние, влияние народного движения на весь государственный аппарат, естественная функция которого – осуществление всей полноты власти и защита ее, и установить над ним контроль. Иначе народные силы будут скованы в проведении эффективных революционных преобразований. В Чили народное движение, располагавшее лишь правительством, было связано властью буржуазии, распространявшейся на остальные институты государственного аппарата. Большинство их оставалось в руках буржуазии (законодательная власть, судебная власть, органы административно-юридического контроля и их главная опора – вооруженные силы и средства массовой информации). Как показали события, мы недостаточно учли то обстоятельство, что создавшаяся ситуация с самого начала была невыгодна и опасна для монополий и империализма, которые не могли с помощью старых буржуазно-демократических институтов и классическими политическими методами сдержать развертывающееся народное движение, обладающее революционной программой и преисполненное решимости осуществить ее до конца. Ведь именно сама крупная местная буржуазия

и империализм были вынуждены отбросить **старую форму** правления, поскольку она перестала служить их классовым стратегическим замыслам.

Создание правительства Народного единства явилось важнейшим завоеванием народного движения. Именно с ним, с его деятельностью и его защитой, с перспективами намеченных им неотложных революционных преобразований было связано развитие активности масс. Оно было одним из решающих факторов развития революционной ситуации и создания социально-политических условий, позволявших внести полную ясность в вопрос о народной власти. Народное правительство выступало как важнейший рычаг коренных преобразований в экономике, эффективного развития демократии, расширения народного союза, развития организованности и революционной сознательности масс.

Сама динамика борьбы пролетариата и народного правительства за проведение революционных преобразований, с одной стороны, и борьбы крупной буржуазии и империализма за то, чтобы любой ценой сдержать революцию и вернуть утраченные позиции, – с другой, ставила в повестку дня задачу расширения завоеванного сектора государственной власти и превращения его в демократическое народное государство нового типа. Удержание власти, защита завоеваний революции требовали в этих условиях не просто сохранения статус-кво, а дальнейшего развития революционного процесса, укрепления народной власти, предполагали конкретные шаги в этом направлении.

Продвижение вперед может осуществляться только поэтапно, через определенные фазы. Среди них в нашей революции можно выделить, во-первых, фазу, в которой рабочий класс и его союзники, завоевав часть государственной власти, начинают работать в государственном аппарате и создают правительство. Во-вторых, фазу, когда народное правительство осуществляет свою власть, но не порывает в то же время с теми институтами государственного аппарата, которые находятся в руках крупной буржуазии, действуя в рамках буржуазно-демократической конституционности. Это фаза первых демократических преобразований, когда на фоне подъема борьбы масс и временного оцепенения реакции общественно-политическая обстановка позволяет использовать конституционные формы, обусловившие появление такой обстановки. Третья

фаза – в Чили она была особенно острой и взрывоопасной – фаза нарастающих открытых столкновений и конфликтов между органами государственной власти, находившимися в руках реакции, и частью государственных органов, принадлежавших народу. Очевидное столкновение этих двух противоборствующих полюсов власти, в сущности двух диктатур (причем диктатура народного движения находилась в зачаточном состоянии), обнаруживает в этот период все более явную тенденцию «выйти» за пределы сферы государственных институтов. В определенный момент народное движение в целях самосохранения и доведения до конца начатых преобразований само стало превращаться в своего рода центр государственной деятельности революционных масс, т. е. становиться властью, опирающейся «прямо на революционный захват, на непосредственный почин народных масс снизу, *не на закон*, изданный централизованной государственной властью»[1].

Наконец, очевидно, что за этим должна следовать фаза, когда народная власть прямо ставит задачу построения нового демократического государства на основе сочетания ее собственной государственной деятельности с действиями самых широких масс трудящихся, большей части народа. Эту фазу от предыдущей могут отделять месяцы, а могут и часы, и тогда приходится почти одновременно решать задачи и той, и другой фаз. Как показывает опыт правления Народного единства, оно не сумело успешно справиться с кругом этих задач. «**Говоря конкретно**, – уже отмечали наши товарищи, – **враг сделал свое дело, а мы своего не сделали**»[2].

В результате проведенного анализа нам стало ясно, что все указанные фазы, каждую из которых характеризует свое политическое содержание, определенное соотношение сил и столь же определенный уровень развития назревающей революционной ситуации, могли иметь место в Чили скорее всего уже в первой половине 1971 года. Это был период невиданного подъема борьбы масс, время, когда империализму и крупной национальной буржуазии объективно трудно было объединиться и ответить на революцию от-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 145.
[2] Entrevistas. «Boletín Informativo». Comité Chileno de Solidaridad – La Habana – Cuba, No. 97, 1976, pág. 4.

крытыми массовыми действиями, когда значительная часть средних слоев склонялась на сторону народного правительства и соотношение сил в Латинской Америке в целом было явно благоприятным для развития демократии и социального прогресса в стране.

Подобных благоприятных ситуаций было немало и в дальнейшем: забастовка в октябре 1972 г., «танкасо» (мятеж в танковых частях) в июне 1973 г. и т. д. Однако с каждым разом они становились все более взрывоопасными, что теперь уже начинало в определенном смысле угрожать самому делу революции. Из этого мы сделали для себя вывод, что авангардная партия должна уметь их предвидеть, эти считанные минуты, когда успех революции, как говорят вьетнамские товарищи, подобен тонне, висящей на волоске. Партия должна предвидеть их еще до того, как народное движение завладеет частью государственной власти; она должна уметь пользоваться моментом, когда враг наиболее ослаблен и ему требуется передышка для восстановления временно парализованных в результате победы народа сил, когда из-за внутреннего раскола он менее всего способен выступить единым контрреволюционным фронтом и спланировать свои действия. Другими словами, партия должна уметь выбирать «такой *переломный пункт* в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее *колебания* в рядах врагов и *в рядах слабых половинчатых нерешительных друзей революции*»[3]. Ибо только решение всего этого последовательного ряда задач позволит не утратить завоеванные позиции, обеспечить власть союзу прогрессивных сил и вступить в фазу, которую В. И. Ленин четко определил как период перехода к социализму.

На основе собственного опыта мы пришли к выводу, что стратегия власти должна строиться на рассмотрении задач революционного движения в их единстве, учитывать необходимость их одновременного решения, направлять главные удары в действиях масс как против базиса, так и против надстройки старого общества. Лишь такой подход к осуществлению власти обеспечивает успех решения проблем экономики и демократии.

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 242–243.

КПЧ с научной точностью определила концепцию революции: «Мы понимаем чилийскую революцию как движение рабочего класса и организованного народа, которое посредством борьбы масс отстраняет от власти нынешние правящие классы, ликвидирует старый государственный аппарат, производственные отношения, тормозящие развитие производительных сил, и проводит глубокие преобразования в экономической, социальной и политической структуре страны, открывая путь к социализму»[4].

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ДИНАМИКИ революционного процесса, необходимого перехода от одной его фазы к другой, стирания граней между ними и полного успеха политики Народного единства было очень важно, чтобы борьба народных масс нарастала неуклонно, а в решающие моменты принимала общенациональные масштабы. Было важно, чтобы деятельность народной власти, нашедшей воплощение в правительстве Народного единства, сочеталась с политическим движением огромного социального большинства, осознавшего необходимость революционных преобразований, и была поддержана им. Это возможно лишь при наличии национального революционного кризиса, возникающего на основе созревания революционной ситуации.

Исследуя проблему удержания власти, как и подготовки условий для овладения всей полнотой власти, мы убедились в глубине и актуальности ленинской концепции революции, согласно которой партия коммунистов призвана проявить себя как главная творческая сила, способная руководить массами в обстановке развивающейся революционной ситуации. Разумеется, революционная ситуация есть своего рода совокупность прежде всего объективных изменений в обществе. Но не из всякой революционной ситуации возникает революция, писал В. И. Ленин, а лишь из такой ситуации, когда к объективным факторам присоединяется субъективная деятельность. Необходимо, чтобы революционные силы использовали революционную ситуацию: «Тут идет речь о самой бесспорной и самой основной обязанности всех социалистов: обязанности вскрывать перед массами наличность революционной ситуации,

[4] Programa del Partido Comunista de Chile. Santiago, «Horizonte», 1969, pág. 14.

разъяснять ее ширину и глубину, будить революционное сознание и революционную решимость пролетариата, помогать ему переходить к революционным действиям и создавать соответствующие революционной ситуации организации для работы в этом направлении»[5].

Еще на своем X съезде, состоявшемся в 1956 г., Компартия Чили указала на существование реальной возможности прийти к правлению страной. Прямая заслуга Генерального секретаря партии тов. Луиса Корвалана состояла в том, что он нацелил тогда партию и движение революционных масс на эту перспективу, на завоевание власти. И благодаря этому – хотя в начале 60-х годов КПЧ была еще относительно малочисленна – она оказалась способной привлечь на сторону программных положений, стратегии и тактики, лежащих в основе народной победы 1970 г., большинство трудящихся и все левые силы страны. Это неоспоримая заслуга и вклад нашей партии в чилийскую революцию. Внутренняя связность, целенаправленность положений программы Народного единства, в которой воплотилась наша политическая линия, сознательная опора на нее в тех условиях позволили народному правительству обрести свое лицо и придать четкость его первым, наиболее существенным революционным мероприятиям. Однако ввиду того, что своевременно не были поняты масштаб и природа последующих процессов в их связи с революционной ситуацией и ее перерастанием в общенациональный кризис, а также в результате абсолютизации определенных форм борьбы, недостаточной готовности к любым альтернативам[6] указанная линия была сужена и возможности удержания и укрепления того сектора власти, который находился в руках народных сил, ограничены, не были созданы условия, при которых массы могли бы осуществить завоевание всей полноты власти.

С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СОЦИАЛЬНОГО СОДЕРЖАНИЯ всякая революция всегда насильственна. Созданное Марксом и Энгельсом и развитое Лениным учение о государстве подтверждает это. В. И. Ленин отмечал, что рассуждение Энгельса о государстве – «настоящий панегирик насильствен-

[5] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 221.

[6] См. Entrevistas. «Boletín Informativo». Comité Chileno de Solidaridad – La Habana – Cuba, No. 97, 1976, pág. 4.

ной революции»[7], подчеркивал, что цель марксизма – воспитание самых широких слоев общества именно на идее такой революции.

Отживший класс, стоящий у власти, никогда не отказывается от нее, не оказав рано или поздно самого яростного сопротивления по всем направлениям, с использованием всех возможных средств и методов. Но и революционный пролетариат, начавший революцию, остановить уже невозможно. Таково действие этого неумолимого закона истории, подтверждаемого событиями в Чили.

По своему содержанию общественное насилие есть, как известно, не что иное, как борьба противостоящих, антагонистических сил, находящая выражение в самых различных формах классовой борьбы. Поэтому любая из них, даже самая мирная, всегда **по существу** насильственна. Опыт чилийской революции подтверждает и эти истины.

В соответствии с этим широким подходом первостепенное значение приобретает постоянная забота коммунистов, всех революционеров о подготовке действительных условий и предпосылок для создания благоприятного военного соотношения сил. Это вопрос стратегического порядка. Проявится же или нет это соотношение в определенный момент в **форме** классовой вооруженной схватки, это уже вопрос обстоятельств и соответствующей тактики. Следовательно задача удержания завоеванной части государственной власти и ее развития, продвижения к социализму без гражданской войны предполагает и в этом отношении большую гибкость. И не только из-за естественной нестабильности обстановки. Требуется добиться на всех участках противоборства такого соотношения сил, при котором реакция была бы не в состоянии развязать широкую вооруженную борьбу против народного правительства.

Опыт Чили подтверждает, что завоевание частичной государственной власти, создание и сохранение правительства возможно и тогда, когда еще не сложилось благоприятное для революции военное соотношение сил. Однако, как показал в **конечном** итоге опыт правления Народного единства, **удержать** и расширить эту частично завоеванную власть можно лишь при условии, если подъем массовой борьбы и общий революционный кризис создадут указанное

[7] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, стр. 20.

соотношение, а это, помимо прочего, зависит не только от объективной разобщенности сил буржуазии, но прежде всего от эффективной работы революционеров.

В ЧИЛИ НАБЛЮДАЛОСЬ примечательное явление: в период правления Народного единства на определенном этапе борьбы противоборствующие классы, понимая, что на карту в конечном счете поставлены их исторические интересы — неважно, объективного характера или идеологические миражи[8], — поднялись над сиюминутными экономическими интересами.

Для удержания власти необходимо было вести широкую разъяснительную работу и идеологическую борьбу, чтобы массы более глубоко осознали историческое значение революции и ее экономических достижений. Как мы поняли, эту деятельность нужно вести до тех пор, пока массы на собственном опыте не убедятся, что революционные экономические достижения закреплены и государственные рычаги из рук реакции полностью перешли в руки Народного единства. Но, разумеется, при этом первостепенное внимание требовалось уделить самим экономическим преобразованиям в интересах народа. Они являются важным стимулом последовательной борьбы и свидетельствуют о готовности правительства выполнить свои обещания, способствуют укреплению и развитию народного союза и изоляции противников социального прогресса.

Правительство Народного единства, решая эти задачи, вынуждено было действовать в необычайно сложной экономической обстановке. Финансовая и земельная олигархия сохраняла очень большое влияние на развитие экономики, контролировала огромную массу денежных ресурсов, значительная часть которых предназначалась для спекулятивной деятельности. В ее руках находились многие экономические рычаги. Она сохраняла значительное влияние среди государственной бюрократии. С другой стороны, оппозиционное большинство в парламенте затрудняло, а во многих случаях делало просто невозможным принятие необходимых для исправления существующего положения

[8] Последнее было характерно, например, для некоторых промежуточных слоев общества, завоеванных реакцией на свою сторону, хотя они получили реальные экономические выгоды при правительстве Народного единства.

законов. По этой причине, в частности, не был принят закон даже о наказании за преступления экономического характера. Вместе с тем необходимо было в корне изменить и отношения внешней экономической зависимости. Это предполагало не только возвращение стране основных ресурсов, находившихся в руках североамериканских монополий, но и ликвидацию господства этих монополий во всех отраслях экономики, прежде всего в самых динамичных, изменение исторически сложившейся географической структуры внешней торговли, установление новых международных финансовых отношений и т. д. Именно в этих сложных условиях нужно было суметь осуществить глубокие преобразования, предусмотренные правительственной программой, развить общественный сектор экономики, расширить производство и повысить производительность труда, сформировать основные принципы планирования и централизованного руководства, а также вовлечь народные массы, особенно трудящихся, в подлинное управление экономикой.

Империализм сделал в Чили все от него зависящее, чтобы «дестабилизировать» народное правительство. В экономической области он прибег к финансовой (и технологической) блокаде, оказал отчаянное сопротивление внутри страны, комбинируя свои действия с маневрами финансовых кланов Чили, бойкотируя производство, вызывая утечку валюты за рубеж, спекулируя капиталом. Эти свои действия империалисты, реакционные силы сочетали с психологической войной, дабы устрашить различные, особенно средние, слои населения, создать черный рынок, вызвать искусственные перебои в снабжении, общий хаос и анархию в экономике. Политика империализма и реакции была направлена на то, чтобы затруднить установление благоприятного для народного правительства соотношения сил и добиться изоляции последнего. Стратеги империализма понимали политическую и экономическую роль слоев, связанных с розничной торговлей и транспортом, делали ставку на то, что они способны парализовать экономику страны, вызвать в результате предпринимаемых монополиями экономических манипуляций сильное недовольство народным правительством у значительных слоев населения.

Из того, что произошло в Чили, коммунисты сделали для себя выводы: необходимо предвидеть неизбежные экономи-

ческие проблемы и находить пути их решения; необходимо постоянно вести идеологическую борьбу вокруг этих проблем, объяснять массам, что в такие моменты они должны уметь ставить свои обязанности выше своих прав, идти на определенные материальные жертвы во имя революции, чтобы с ее помощью окончательно преодолеть отсталость и эксплуатацию. Важно правильно сочетать идеологическую борьбу с практическими действиями для достижения целей революции, необходимы организованные действия масс и государственные акции правительства, направленные на предотвращение дезорганизации экономики. Коммунисты на деле должны доказать свою способность решать экономические проблемы, опираясь на своих союзников, на народные массы, на всестороннюю помощь социалистических стран и международную солидарность и, конечно же, в первую очередь на собственную экономическую работу внутри страны.

С этим же тесно связан и еще один вывод, который мы делаем для себя, основываясь на своем опыте: способность коммунистов и их союзников защищать и укреплять народную власть, найти, в частности, правильный подход к решению экономических проблем, в немалой степени зависит от того, насколько обоснована и отвечает жизненным требованиям их экономическая программа, насколько ясное представление коммунисты имеют об этапах революции, широте и глубине стоящих на каждом этапе социально-экономических задач, общих темпах преобразований. Революцию, конечно, нельзя привязать к каким-либо твердо установленным датам. Темпы преобразований определяются, как мы убедились, не просто волей революционеров, но конкретными обстоятельствами, внутренними и внешними, которые революционеры должны предвидеть.

ПРАВИТЕЛЬСТВО САЛЬВАДОРА АЛЬЕНДЕ было самым демократическим правительством в истории Чили. Оно опиралось на поддержку огромного большинства народа, было связано с его нелегкой и упорной борьбой, отражало горячее стремление чилийцев к переменам. Это правительство развило демократические завоевания народа и качественно углубило их содержание; оно отводило именно народу все более решающую роль в жизни страны, было глубоко патриотическим по своему характеру.

Народное правительство предоставило полную свободу

самовыражения всем слоям общества. Это обстоятельство особенно важно отметить в связи с наметившимся более глубоким обсуждением проблем демократии, ее классового характера и конкретного содержания. Проблема демократии, развития завоеванных в результате борьбы трудящихся позитивных ценностей и институтов занимала центральное место в идеологической и практической деятельности народного движения. В то же время отношение империализма к свободе и демократии, выраженное им на первых порах «согласие» с решением и волей народа, как свидетельствуют факты, были абсолютно лицемерны. Показателен такой пример: после того как в результате всеобщих выборов было образовано народное правительство, враждебно воспринявшие революционный процесс классы поначалу не вели против него открытой подрывной деятельности, показывая, что они соблюдают «правила игры». Между тем достоверно известно, что тайная подготовка заговора империализма шла полным ходом еще до прихода к власти правительства Народного единства.

Природа демократии и свободы, их **классовая сущность** на начальном этапе революции были скрыты под внешней оболочкой господствовавших юридических форм, маскировавших уровень и содержание классовой борьбы. Поначалу эти формы настолько сковывали ее развитие, что народное движение вынуждено было в какой-то мере идти на признание правил буржуазной игры в демократию, в рамках которых оно развивалось, чтобы обосновать законность своего правительства в глазах определенной части общества и армии. Но правительство сразу же начало использовать возможности существующих институтов для проведения в жизнь ряда коренных преобразований в интересах народа.

Такое положение, с другой стороны, вынуждало поначалу и крупную буржуазию, и империализм формально признать народное правительство. Однако это не мешало им использовать в то же время институты государственной власти для блокирования и создания разного рода препон его деятельности.

И все же это относительное равновесие было благоприятным на первых порах для народного правительства, поскольку не лишало его инициативы на подходе к наиболее радикальным преобразованиям. Однако вследствие сопро-

тивления буржуазии революционным переменам равновесие нарушилось и началось открытое столкновение враждующих сил. Противостояние, юридически регулировавшееся поначалу господствующими классами, сменилось столкновением, не регулирующимся уже ни одним из существовавших ранее законов. И эта борьба, это столкновение, как показывает практика, продолжаются до тех пор, пока новое демократическое развитие, определяемое народными силами, не приводит к установлению нового общественного порядка либо, – как это произошло в Чили, в результате установления фашизма, отрицающего всякую демократию, представляющего собой открытое террористическое выражение господства крупного национального и империалистического финансового капитала над **всеми** другими классами, – не прекращается всякая «игра» классовых сил. Фашизм есть сведение счетов с рабочим классом посредством террора[9] со стороны капитала тогда, когда его государственная и экономическая власть неспособна уже состязаться с рабочим классом, даже прибегая к игре краплеными картами буржуазной демократии.

Опыт нашей революции со всей очевидностью продемонстрировал нам, что с точки зрения удержания власти и защиты революции решающее значение имеют проблемы, связанные как с новыми масштабами и новой сущностью демократии, так и с весом, силой новой власти и ее государственных механизмов. «Что касается развития общества, – отмечал тов. Л. Корвалан на митинге в Москве в январе 1977 г., – мы занимаем определенную позицию. В обществе, состоящем из антагонистических классов, всякая форма правления представляет собой вид диктатуры господствующего класса, причем диктатура пролетариата более демократична, чем любая форма правления буржуазии. Об этом свидетельствует международный опыт. В свете того, что случилось в Чили, сегодня возникает необходимость привести к власти народное правительство, способное противостоять всем заговорам и попыткам переворотов, готовящихся империализмом, внутренней реакцией и фашизмом. Сегодня не стоит вопрос об установлении в стране диктатуры пролетариата, но в определенный момент ее

[9] См. Г. Димитров. Избранные статьи и речи. Москва, 1972, стр. 114.

истории он со всей необходимостью возникнет и сделает более реальными демократические завоевания»[10].

Продвижение к социализму без вооруженной классовой борьбы предполагает широкую и бурную поляризацию социальных сил. При этом естественно, что одни силы, противостоящие революции, ставят себя объективно вне ценностей реальной демократии; другие же, хотя и остаются в рамках этой демократии, не входят в лагерь революции. Народное движение ведет политическую и идеологическую борьбу за привлечение новых сил на свою сторону, в защиту целей революции, за дискуссию в рамках политической и философской концепций нового общества. Отношения с этими силами и их партиями, как и политическая и идеологическая борьба, приобретают различные формы, в том числе и форму сотрудничества на основе единства и сопоставления взглядов. Но очевидно одно, самое главное: **демократия должна служить народу, а не создавать свободу для действий контрреволюционных сил.** Это, как научила нас жизнь, одно из непременных условий успешной защиты революционных завоеваний.

ОПЫТ НАРОДНОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА еще раз подтверждает, что правильный курс революции и массовый характер борьбы могут быть гарантированы лишь при условии руководящей роли рабочего класса, его классовой самостоятельсти. Он показал нам, что необходимость широкого фронта нельзя подменять таким «плюралистическим» подходом, при котором ведущая роль рабочего класса утрачивается или ослабевает. Рабочий класс и его партия должны вести идеологическую борьбу против анархистского и авантюристического уклонов, против правого оппортунизма, стремящегося выйти из создавшегося положения путем соглашения с реакцией. Все это возлагает на компартию и ее союзников большую ответственность и указывает на необходимость теоретической работы по обобщению опыта других революций, но в первую очередь уроков борьбы своего народа, выявления его творческих потенций и обогащения опытом союзников по борьбе.

[10] «Правда» 5 января 1977 года.

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА – ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ ИМПЕРИАЛИЗМА

Родриго РОХАС,
кандидат в члены Политкомиссии ЦК Компартии Чили

САМ ФАКТ, что Чили живет в условиях фашизма, убедительно свидетельствует: империализм не брезгует никакими средствами, чтобы отвратить угрозу своим интересам. Чилийский опыт, побуждая к тщательному и творческому изучению проблем революции, вместе с тем подводит к выводу о необходимости столь же тщательно изучать политический арсенал империализма, сил реакции.

В данной статье мы попытаемся проанализировать только один аспект темы – психологическая война как политическое оружие империализма, под этим углом зрения рассмотреть то, что произошло в Чили.

КАК ИЗВЕСТНО, для развития классовой борьбы большое значение имеет вопрос об общественных свободах и демократических правах. Рабочий класс твердо выступает за демократическое развитие. Само существование демократических прав народа в капиталистических странах и обусловливается в нашу эпоху завоеваниями, которых он добивается в борьбе против империализма, теми уступками, которые правящие круги вынуждены делать рабочему классу и его союзникам. Когда же в повестку дня встает вопрос о революционном преобразовании общества, весь арсенал средств, имеющихся у реакции, обращается против этих завоеванных демократических прав.

Так, в Чили возникла ситуация, когда сохранить и расширить демократические права подавляющего большинства народа стало невозможно, не пресекая злоупотребления этими правами со стороны реакционного меньшинства. Силы, поставившие целью установить фашизм, с помощью средств массовой информации развязали кампанию психологического террора, подготавливая тем самым террор

военный. По мере развертывания этой кампании и развития фашистского заговора пропагандистский и физический террор объединились в единое целое. И то, что обе эти формы террора не были своевременно пресечены, было, как показали события, нашей слабостью.

В открытом письме Генерального секретаря Компартии Чили Л. Корвалана президенту республики С. Альенде от 29 августа 1972 г. позиция коммунистов излагалась следующим образом: «Признание прав за оппозицией не должно привести нас к примирению со всевозможными эксцессами и преступлениями. Некоторые представители оппозиции полагают, что из закона можно веревки вить. Имеются оппозиционные газеты и радиостанции, которые ложь, оскорбления, клевету, надуманные и панические сообщения сделали своим хлебом насущным... Надеть смирительную рубашку на тех, кто хочет ввергнуть Чили в кровавую бойню, — вот наша первая и основная обязанность по отношению к народу и стране. Задача поддержать и обеспечить развитие свободы и демократии накладывает на нас обязательство применять закон против тех, кто прибегает к преступлениям во имя свержения правительства и установления фашистской диктатуры»[1].

Жизнь подтвердила справедливость этой позиции. Тем более что новые данные свидетельствуют: реакционный пропагандистский аппарат в Чили преследовал не просто пропагандистские цели, а действовал именно в русле психологической войны, используемой для подготовки вооруженной борьбы против народа.

Чилийский опыт также показывает, что империализм, экспортируя методы и технические приемы ведения такой войны, пытается в каждом конкретном случае представить дело таким образом, будто это явления исключительно национального, местного порядка. Между тем очевидно, что средства массовой информации, контролировавшиеся реакционными силами, исполняли свою партию по нотам, написанным экспертами ЦРУ и других подрывных служб империализма США. Основы этой «нотной партии» мы находим в наставлении военного ведомства США, озаглавленном «Психологические операции».

Утверждая, что ныне мир «является продолжением вой-

[1] «El Siglo», 31 de agosto de 1972, pág. 6.

ны невоенными средствами», авторы наставления называют главным таким средством, употребляемым в современных условиях, «психологическую пропаганду или психологические операции»; они планируются и приводятся в исполнение, чтобы оказать влияние на чувства, поступки и поведение людей из других стран в духе, «благоприятном для достижения политических целей Соединенных Штатов». Их назначение, как отмечается в наставлении, – создать атмосферу уныния, пораженчества и апатии, поощрять людей к тому, чтобы свои личные интересы они ставили выше общественных, усиливать их интерес к частной жизни, дабы уменьшить их участие в решении коллективных и национальных задач, распространять скептические настроения в отношении политических целей и идеологии местных или центральных властей (если они не отвечают целям США), раздувать разногласия и раздоры, вносить дезорганизацию и сумятицу в поведение людей, поощрять их на решительные антиобщественные действия, с тем чтобы подорвать политическую структуру страны, поддерживать движения сопротивления властям[2].

Подобные наставления и «рекомендации» были самым ревностным образом применены в Чили. Психологическая война служила тому, чтобы обострить серьезные экономические проблемы страны, настроить средние слои общества против рабочего движения, оформить союз этих слоев и крупной буржуазии на базе политики империализма, установив гегемонию финансового капитала в политическом руководстве контрреволюцией. С помощью «психологического давления» реакция стремилась вбить клин между правительством и определенными силами в народном движении, поощрять в нем разногласия, пропагандируя провокационные и объективно контрреволюционные концепции и действия ультралевых. Вместе с тем ставилась цель, используя классовую природу армии и то, что в ее рядах усилилось влияние империализма, создать в ней и вне ее такое соотношение сил, которое позволило бы отдалить армию от народного правительства, отмести пресловутый профессионализм и «аполитичность» военных, уважение

[2] Здесь и далее выдержки из наставления «Психологические операции» даются по авторскому оригиналу данной статьи. – Прим. ред.

ими гражданской власти и вовлечь их в грязное дело государственного переворота и преступлений против народа.

Эта политика сочеталась – не без противоречий между различными группами господствующих классов – с деятельностью всех остававшихся в их руках центров власти, что вело к подлинной институционной осаде правительства Народного единства, становилось препятствием в управлении страной.

Как показал чилийский опыт, в целях «психологического давления» используются как традиционные в таких случаях средства – кино, телевидение, радио, печать, так и самые неприглядные – сплетни, слухи, злые козни. Расчет делается на то, что в период социальных потрясений слухи и сплетни приобретают, если можно так сказать, собственную жизнь, собственную динамику; распространяясь по телу социального организма наподобие раковой опухоли, они стимулируют в массах иррациональное поведение и создают ситуацию, чреватую взрывом.

В КАЧЕСТВЕ ГЛАВНОГО «ПРИЛОЖЕНИЯ» К ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ОБРАБОТКЕ реакция использовала террор. Политика запугивания не является всемогущей и безотказной, тем не менее империализму и его союзникам удалось использовать ее с успехом, вызвать в определенных слоях населения страх и ненависть, направив их против народного движения и созданного им правительства. Вполне понятно, что в обстановке насилия, естественного в условиях революции, многие подвержены чувству страха. Оно движет, в частности, отстраненными от власти господствующими классами. Империализм ловко использует эту классовую ситуацию, оперируя прежде всего антикоммунистическими предрассудками, насаждавшимися из поколения в поколение. Он начинает, таким образом, применять политику запугивания прежде всего по отношению к собственным союзникам, видя в ней средство обострить классовые чувства, вызвать волнение в рядах буржуазии и содействовать ее консолидации. То есть, цель политики запугивания на первом ее этапе – вызвать к жизни определенные формы защиты классовых интересов, чтобы позднее, когда страх превратится в ненависть, перейти к прямой антикоммунистической агрессии.

Вместе с тем политика запугивания применяется против пролетариата и его самых надежных союзников. Созна-

вая, что с ее помощью не изменить идеологические позиции политически зрелых масс (это уже доказано путем многочисленных экспериментов), империализм стремится сосредоточить главные усилия на мерах тормозящего характера, цель которых – принизить боевой дух трудового народа, подорвать его доверие к его руководителям. Психологическое давление должно было вызвать разногласия и разобщение среди рабочих, расколоть их единство, привить им пассивность. Опыт показал, что при этом в качестве объективного фактора ловко использовались ошибки и слабости самого народного движения. Например, акции чилийских ультралевых против мелких и средних собственников, против народного правительства, их несостоятельные призывы к вооруженным силам, так же как и левацкая фразеология, – все это нашло применение в ходе психологической войны (независимо от того, какими были намерения руководителей левацких групп).

Главной же мишенью политики запугивания – с классовой точки зрения – стали средние слои и группы общества, в частности группы мелкой собственнической буржуазии. Империализм применял психологический террор для того, чтобы создать неспокойную обстановку в обществе и использовать в своих целях врожденные, самые атавистические чувства людей.

Психологическому давлению подверглись и те институты общества, которые до того времени еще не были «запятнаны» традиционной буржуазной политикой, в частности семья. Разумеется, речь шла о колеблющихся слоях населения, о тех, кто не поддержал программу Народного единства и мог стать на сторону оппозиции. Им внушалась мысль о том, что каждая семья в отдельности должна стать ядром антинародной агитации и организации, а все вместе они должны объединиться на платформе классовой антикоммунистической и агрессивной политики. Речь шла о том, чтобы женщина из буржуазных кругов не только не препятствовала, как бывает, участию мужчин в политической деятельности, но и сама была включена в эту деятельность, стала одним из наиболее рьяных проводников буржуазной политики.

В итоге политическая позиция определенных кругов буржуазии и средних слоев по отношению к семье, женщине, детям изменилась на 180 градусов. Была изобретена

организация «Женская власть» как выражение псевдофеминистской политики. Опыт кубинских женщин из буржуазных кругов, которые в знак протеста против Революционного правительства Ф. Кастро дефилировали в трауре, так же как опыт «кастрюльных походов» женщин-буржуа против Ж. Гуларта в Бразилии, был экспортирован в Чили и стал одним из главных проявлений «гражданского неповиновения» правительству Альенде. Реакционная пропаганда и слухи пытались показать женщин более храбрыми и решительными, чем мужчины, подталкивая тем самым и мужчин к более активной антикоммунистической деятельности.

Кратчайшим к сердцу женщины был путь, связанный с естественным стремлением матери выучить своих детей, позаботиться об их здоровье и безопасности, — и на этом реакция бессовестно спекулировала. Представители Народного единства и марксисты изображались людьми, противопоставляющими детей родителям. Например, газета «Меркурио»[3] в рекламном объявлении поместила фотографию одного студента, а рядом — изображение того же человека в живописной одежде «партизана», с оружием в руках. Заголовок: «Ваш сын... или ваш враг?». И комментарий для усиления той же идеи: «В социалистических странах детей заставляют шпионить за родителями». В другом рекламном объявлении изображался момент казни. Заголовок: «Это — коммунизм». Ниже, заглавными буквами: «Хотите вы этого для Чили? Спасите Чили от коммунизма!». То же самое преподносило радио: звуки автоматной очереди, крик женщины — «Коммунисты убили моего сына!»; голос диктора — «Это могло бы произойти в Чили, если бы Чили стала коммунистической». Провозглашались призывы оберегать, защищать детей: «Не позволяйте им играть на улице!», «Идите за ними в колледжи!».

Вместе с тем реакция открыто перешла к сочетанию психологического террора с действенной классовой орга-

[3] Газета, принадлежащая одной из крупнейших групп чилийской финансовой олигархии, клану Эдвардса, принимавшая активное участие — при соответствующей финансовой поддержке — в кампании монополистического капитала США против народного правительства Чили.

низацией. Лозунг «Чилийцы, накапливайте ненависть!» стал главным лозунгом того периода, повторявшимся с назойливой настойчивостью. Значительную часть средних слоев и крупной буржуазии подстрекали к созданию таких организаций, которые содействовали бы экономическому хаосу и усилению террора, обострению социальной анархии.

Для этого прибегали к «испытанным» средствам. С помощью нескончаемых телефонных звонков, письменных извещений и слухов, передававшихся от семьи к семье, подстрекали к массовой скупке продуктов и использованию черного рынка, угрожая, что тот или иной продукт вскоре изчезнет или цены на него возрастут. Искусственно провоцировали возниковение очередей. Припрятывали продукты первой необходимости или товары широкого потребления. Доходило даже до того, что выбрасывали в мусорные ящики и реки большое количество продуктов питания, предназначенных для грудных детей, молоко, лекарства и прочее. Разумеется, все это вызывало в народе недовольство. Ответственными же за возникновение подобной ситуации объявлялись правительство и революция. Уже цитировавшееся наставление «Психологические операции» как раз и рекомендует в этой связи «взваливать вину на тех, кто находится у власти». Пропаганда, указывают его составители, «имеет больше шансов на успех в обстановке социального беспокойства».

Якобы от имени Народного единства раздавались фальшивые анкеты, в которых представителей средних слоев общества — города и деревни — спрашивали о количестве спальных комнат в их доме, числе кроватей, домашней утвари и их готовности поделиться домом и имуществом с другими чилийцами.

Когда же люди поддались страху, их стали подстрекать к созданию органов самозащиты в масштабе улицы, квартала, района. Причем часто эту работу проводили военные в отставке, что, с одной стороны, обеспечивало высокий уровень полувоенной организации, а с другой — придавало мерам по самозащите военный и «патриотический» оттенок. «Сантьяго в осаде!», «Миристы осаждают богатые кварталы» — такие заголовки публиковались вместе с планами гражданских поселений и военных районов, якобы «освобожденных», «спасенных» от «захва-

тов» МИР[4]. Детей привлекали к созданию систем связи, изобретались телефонные шифры, изготовлялись дудки и свистки с заранее обусловленным сигналом. Проводились настоящие оперативные маневры, усиливавшие ощущение страха и враждебности и подстрекавшие к заговорщической деятельности другие социальные объединения — профессиональные организации, коллегии специалистов, студенческие федерации, фашиствующих военных. Знания специалистов использовались для налаживания систем связи, строительства траншей и походных госпиталей. Создавалась тем самым обстановка массовой истерии. Эта кампания подкреплялась актами, которые должны были посеять панику, такими, как перебои в снабжении населения питьевой водой, длительные выключения света в фешенебельных кварталах и военных городках, радиопередачи, призывавшие «соблюдать спокойствие и не поддаваться провокациям экстремистов».

Меры по самообороне сопровождались возрастающим числом актов открытой агрессии: террористическими покушениями (между июнем 1972 и февралем 1973 г. имело место 105 опасных попыток покушений и было убито 17 активистов Народного единства); забастовками транспортников, торговцев и лиц свободных профессий; забастовками оставшейся в наследство от империализма администрации на медных рудниках и движениями «солидарности» буржуазии с этими забастовщиками; захватами отдельных учебных заведений, находившихся под влиянием реакционных сил; «кастрюльными концертами» и манифестациями, митингами, реакционными шествиями; передачами радиостанций, контролировавшихся буржуазией, с нападками на правительство; сооружением баррикад и организацией беспорядков в богатых кварталах, в центральных районах столицы и других городов и т. п.

Вместе с тем нельзя не отметить, что, несмотря на все усилия империализма, сознательные отряды рабочего класса не участвовали в антиправительственных акциях.

ВСЯ ЭТА КЛЕВЕТНИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДИСТСКАЯ

[4] «Левое революционное движение» — ультралевая организация, проводившая многочисленные акции, направленные против осуществления программы Народного единства, и стремившаяся создать некую параллельную законному правительству «власть».

КАМПАНИЯ, раздуваемая реакцией, объединила в единое целое страх, ненависть, иллюзии относительно некоего неопределенного «демократического выхода», который позволил бы «перестроить Чили», и подталкивала к свержению президента Альенде. Так, рекламные объявления гласили: «Чилийка, мы не можем ждать до 1976 года, потому что в последующие четыре года коммунизм полностью установит диктатуру голода. Надо срочно заменить марксистское правительство».

Реакционная пропаганда, стремясь исказить представление о тех, кто стоял у власти, раздувала слухи о внутренних разногласиях в Народном единстве и правительстве, пыталась изобразить правительство Альенде угнетателем народа. С этой целью использовались все провокационные выходки ультралевых, в частности МИР. Газета «Меркурио» ни разу не опубликовала интервью какого-либо деятеля правительства, зато многократно предоставляла целые полозы высшим руководителям МИР, которые выступали с нападками не на реакцию, а на правительственные мероприятия, с особой яростью — на коммунистическую партию.

Пытаясь противопоставить народ правительству, реакция широко пропагандировала несостоятельные экономические требования ультралевых, их призывы создавать «революционный полюс», противостоящий правительству. Когда стремились доказать, будто страна в результате деятельности правительства движется к анархии, президента Альенде представляли идущим на поводу у ультралевых; когда же правительство обвиняли в тоталитаризме, на Народное единство переносили все отрицательные характеристики МИР.

Рекомендации военного ведомства США дают ясное представление, каким образом империализм планирует подрыв единства народных сил: «Если нельзя нападать прямо, пользуются намеками. Ищут повод усилить трения и попытаться вызвать проявления разобщения... поощрять разногласия и внутренние конфликты, возбуждать недоверие и подозрения».

С другой стороны, реакционная пропаганда постоянно стремилась дискредитировать людей, находившихся у власти, по-своему толковала их личные качества, не стеснялась прибегать к грубым оскорблениям в адрес прези-

дента Альенде, идти на прямой шантаж, использовать фототрюки и т. д. Причем и данный аспект психологической войны был экспортирован империализмом янки.

Психологическая война, ее практические результаты оказали прямое воздействие на вооруженные силы и окружающий их гражданский «санитарный кордон». Перебои в снабжении продовольствием и экономический хаос, кампания террора, разжигаемого в буржуазных кварталах и в поселениях военных и карабинеров, создание органов «самообороны», атмосфера нестабильности, психологическое манипулирование семьей — все это усиливало брожение в среде военных и их гражданского окружения. Такие факторы, как институционная война в парламенте, судебных и контрольно-ревизионных органах, массированные атаки реакционной пропаганды, «доказательства» незаконности правительства, обвинение его в «анархии» в одних случаях и в «тоталитаризме» в других, оказывали на вооруженные силы значительное отрицательное влияние. Все это дополнялось действиями реакционных политиков и жен фашиствующих военных в казармах, прибегавших к организации «психологических покушений» на патриотически настроенных военных, обвинявших их в отсутствии мужества, и т. п. В целях «психологического давления» на вооруженные силы использовались и провокационные действия ультралевых, в частности МИР, с его необузданным хвастовством.

Главную задачу этих действий империализм видел, как уже отмечалось, в том, чтобы отколоть вооруженные силы от народного правительства, изолировать преданных конституции и патриотически настроенных командующих от их частей и офицерского корпуса, подстрекая при этом военных к совершению государственного переворота.

БОРЬБА ПРОТИВ ИМПЕРИАЛИЗМА, мировой революционный процесс в целом характеризуется непрерывным поступательным движением. Развитие социалистических стран, усиление их мощи, растущее влияние их международной политики привлекают внимание все более широких слоев населения капиталистических и развивающихся стран. Влияние социалистических идей, действенность революционизирующего примера реально существующего социализма особенно возрастают на фоне глубокого кризиса, затронувшего всю систему капитализма. В безуспешных и

отчаянных попытках найти выход из этого кризиса, преодолеть его империализм и силы, стоящие на страже интересов международных монополий, прибегают к последнему козырю – фашизму. Не ставя целью углубляться в дебри фашистской идеологии, мы все же хотели бы в связи с анализируемыми вопросами обратить внимание на ряд моментов, которые чилийский опыт четко выявил.

«Непременным условием» всех психологических манипуляций реакции было искажение реальной действительности, представлений о ней. Это способствовало тому, чтобы определенные слои населения поверили выдумкам империализма. Словом, как рекомендуют его эксперты по «психологическим операциям», надо было «создать ощущение вероятности и поддерживать его», не рассматривая «вероятность» как синоним правды; не нужна, да и нецелесообразна, утверждают они, полная правда, полезнее модифицировать определенные факты «в зависимости от публики-объекта». Однако психологическая война и террор отнюдь не сводились лишь к более изощренному манипулированию «людьми-объектами», чье сознание уже было соответствующим образом подготовлено десятилетиями антикоммунистических инъекций. Чилийская социальная система и сама динамика процесса 1970–1973 гг. привели к возникновению такой ситуации, при которой политика террора (как и вся предшествовавшая политика антикоммунизма) постепенно трансформировалась в широких слоях буржуазии, в том числе в некоторых кругах мелкой буржуазии, в **форму идеологии,** в достаточной степени последовательной и систематизированной.

Господствовавшая прежде каста в силу классовых причин не могла иметь прогрессивную идеологию, а вместе с тем она уже не могла использовать в качестве средства мобилизации масс изживший себя, переживающий кризис демократизм буржуазно-либерального толка. В результате этот идеологический вакуум заполнила «политика иррационального», она стала фактором организации и мобилизации масс, что привело к возникновению отвратительных контуров чилийского фашизма. Именно в силу иррациональности фашистская идеология дает возможность произвольно формировать стереотипы общественного сознания. Фашистское государство начинает выступать как выражение «воли» нации; классовые конфликты подменяются кон-

фликтами между нациями, которые в с свою очередь рассматриваются в качестве живых организмов со своей психологией и темпераментом, с определенным предназначением, унаследованным от предков; общество организуется не на основе определяющей роли объективного положения людей в системе общественного производства, а на основе таких «жизненно важных органических структур», как цехи, корпорации, семья и государство.

Хотя расовые концепции четко не прослеживаются в идеологии чилийского фашизма (возможно, вследствие его зависимого характера), тем не менее все указанные выше моменты просматриваются в теоретических и политических выступлениях идеологов чилийской реакции. В чилийской действительности сложились условия, породившие эти концепции, а империализм с помощью своих экспертов в области террора и психологических манипуляций приспособил их для своих целей. Империализм, таким образом, не только внес решающий вклад в разработку стратегии и тактики деятельности реакционных сил, но и подготовил теоретическую приправу социальной психологии фашизма.

ЧИЛИЙСКИЙ ОПЫТ свидетельствует, на наш взгляд, что в периоды социальных потрясений в число важнейших выдвигается такой субъективный фактор, как «состояние духа» возбужденных масс, — тот фактор, которому реакция придала стратегическую значимость. Империализм в своих действиях по «дестабилизации» опирался не на идейно-научные представления массового общественного сознания, а прямо воздействовал на эмоции масс. Тем самым он как бы блокировал путь осознания массами своих интересов, что, несомненно, привело бы значительную их часть на сторону народного правительства.

Опыт показывает, что революционный пролетариат не может не опираться на идеологические элементы общественного сознания, адекватные научному познанию общественных законов; социальная психология масс получает тем самым рациональную основу; в свою очередь революционный пыл подкрепляет идеологическую убежденность радикализованных масс. Империализму в таком случае и остается лишь воздействовать на иррациональные чувства, и построенная на них идеология неизбежно будет глубоко иррациональной, разрушительной, антиисторической.

Все это, однако, для народного движения является уро-

ком: мы не смогли дать врагу бой в области социальной психологии, а также не использовали ее для мобилизации наших собственных революционных сил. Для нас стало более очевидным, сколь важно при анализе конкретных ситуаций иметь в виду элементы социальной психологии масс. Классики марксизма-ленинизма постоянно указывали на эти факторы как составную часть научной политики. Каждый их анализ содержит точные характеристики настроений масс как определяющего фактора соотношения сил в данный момент. Напомним слова Ленина: «...Мы не удержали бы власти ни физически, ни политически (если бы поднялись на восстание. – Р. Р.). Физически, несмотря на то, что Питер был моментами в наших руках, ибо *драться*, *умирать* за обладание Питером наши же рабочие и солдаты тогда не стали бы: не было такого «озверения», такой кипучей ненависти *и к* Керенским *и к* Церетели – Черновым, не были еще наши люди закалены опытом преследований большевиков при участии эсеров и меньшевиков»[5].

В нашем же случае мы не сумели в достаточной мере оценить энергию масс, священную классовую ненависть пролетариата против империализма и фашизма.

Трудная школа антифашистской борьбы еще более укрепляет коммунистическую закалку нашей партии, оказывает прямое влияние на социальную психологию нашего народа, повышая его революционное сознание. Однако это школа, пройти которую мы никому не желаем. Чилийский народ предпочел бы другой путь, но в нем закипает жгучая ненависть против фашизма, ненависть людей, готовых собственной жизнью заплатить за свободу.

От теоретиков террора и психологической войны не ускользает тот факт, что народ не утратил своего политического здравомыслия и непокорного критического духа и что обуявший было некоторых страх медленно, но неумолимо преобразуется в неудержимую классовую ненависть. Отсюда страх фашизма перед народом, отсюда кровавые облавы на революционеров, политика геноцида и концлагерей.

Народ не мстителен. Он сумеет, в частности, отличить своих врагов от тех, кто был обманут или из-за трусости не остановил руку убийцы – для них самым строгим судом будет суд собственной совести. Но, как сказал тов. Луис

[5] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 244.

Корвалан, «убийцы и палачи из ДИНА, Пиночет и его клика, у которых руки обагрены кровью народа, должны быть наказаны по заслугам»[6]

Наша сила – в организованности, уме и боевом духе народа, который сумеет быть достойным истории и проявит необходимую решимость. Он сумеет использовать все формы борьбы против врагов, чтобы положить конец черной ночи фашизма и открыть новые горизонты, о которых говорил президент Альенде.

[6] «Правда» 5 января 1977 года.

РОЛЬ И ХАРАКТЕР ВНЕШНИХ ФАКТОРОВ

Мануэль КАНТЕРО,
член Политкомиссии ЦК Компартии Чили

ЗАДАЧИ, КОТОРЫЕ ПОСТАВИЛО и стремилось выполнить правительство Народного единства в области внешней политики, сочетали в себе богатейшие традиции борьбы за независимость и требования народов нашего времени. Вот почему они были одновременно глубоко патриотическими и последовательно антиимпериалистическими.

Ставя цель достичь политической и экономической самостоятельности Чили, народное правительство решило — и в значительной степени осуществило свои намерения — развить отношения сотрудничества и дружбы с социалистическими странами. Вместе с тем оно расширило контакты с другими странами мира на основе уважения прав на самоопределение и в соответствии с интересами чилийского народа. Ярко выраженная антиимпериалистическая направленность внешнеполитической деятельности народного правительства стала основой развития его взаимоотношений с неприсоединившимися странами, укрепления уз дружбы и солидарности с зависимыми и колониальными народами, особенно с теми, кто ведет борьбу за свое освобождение. Народное правительство решительно выступило в защиту принципа невмешательства, против любых попыток дискриминации, давления или установления блокады со стороны империалистических государств. Оно повело активную и последовательную борьбу за укрепление мира.

Выдвинутые в основной программе правительства Народного единства принципы национального и социального освобождения, борьбы против монополий и латифундий, являющихся главной причиной отсталости и нищеты трудящихся масс, полностью отражали их стремления к неза-

висимости и укреплению могущества страны. Политику народного правительства, которая была органически связана с действиями всех прогрессивных сил, прокладывающих на международной арене путь к разрядке, миру, национальной независимости и социальному прогрессу, горячо поддержали народы мира. Встреча президента Альенде с президентом Аргентины Лануссом означала удар по империалистической политике «идеологических границ». Посещения президентом Альенде Перу, Мексики, Венесуэлы, Колумбии, Эквадора, Кубы, Алжира, Советского Союза были выражением глубокой дружбы, искренности и стремления к сотрудничеству. Присутствие президента Альенде на Генеральной Ассамблее ООН в декабре 1972 г. и оказанный ему там прием, а также широкий отклик на его выступление символизировали размах и действенность внешней политики правительства Народного единства.

Таким образом, народное правительство, продолжая лучшие традиции борьбы за независимость и демократию, сложившиеся на протяжении истории чилийской нации, подняло на качественно новый, более высокий уровень, отвечающий национальным интересам, отношения Чили с другими странами мира в области политики, экономики, культуры. Никогда ранее наша стана не была так тесно, гармонично и достойно связана со всем миром. Важнейшие шаги, предпринятые для реализации этой политики, укрепили национальную независимость Чили, создав более благоприятную почву для глубоких политических, экономических и социальных преобразований.

Народное правительство пришло к власти и начало осуществлять первые преобразования в условиях, сложившихся в результате нового соотношения сил на международной арене. Существование и укрепление могущества социалистических стран, притягательная сила и растущее воздействие идей социализма на народы, находящиеся на самых различных уровнях развития; внешняя политика Советского Союза, особенно активная на протяжении последних десятилетий и способствующая укреплению мира; пример социалистической Кубы, свидетельствующий об исторической возможности подобной победы и подобных преобразований на всем континенте; растущий размах и многообразие антиимпериалистических движений в Латинской Америке; подъем движения за независимость в сохра-

няющихся еще колониях; великая роль рабочего класса Европы и все возрастающее влияние коммунистов на его борьбу; наконец, рост демократического движения в самой цитадели империализма, США – все эти факты, отражающие новое положение в мире, оказали положительное воздействие на события в Чили, способствуя победе народа, углублению революционного процесса, усилению его международной значимости.

Развитие революционного процесса в Чили было бы немыслимо, если бы в мире не существовало таких могучих сил, борющихся за мир и разрядку. С другой стороны, действенные чувства симпатии, дружбы и надежды, вызванные событиями в Чили, были бы немыслимы, если бы определяющую роль на данном этапе жизни человечества беспрепятственно играл империализм.

Верные принципам пролетарского интернационализма, СССР и большинство других стран социализма оказали Чили решающую помощь в проведении преобразований в различных сферах общественной жизни, главным образом в экономике. Чилийский народ реально ощущал и высоко ценил эту помощь. Люди видели, как советский флот помогал увеличивать добычу богатых белками продуктов, как поднимался уровень технологических процессов в медедобывающей промышленности, как началось серийное строительство дешевых домов, как возникали агроиндустриальные комплексы при осуществлении аграрной реформы, как готовились новые кадры. Куба проявила свою братскую, искреннюю солидарность, оказав нам помощь в области экономики, дипломатии, культуры, в решении социальных вопросов. Народное правительство получило также большую поддержку от ряда неприсоединившихся стран, таких, например, как Мексика. Это явилось отражением общих объективных интересов народов во все возрастающей борьбе против империализма, за мир и социальный прогресс.

Таким образом, в Чили был заложен фундамент для уверенного роста благосостояния страны и ее народа, основанного на труде, на реальной возможности покончить с экономической и технологической зависимостью от империализма, при солидарной помощи прогрессивных сил. Вот почему империализм решил вынести смертный приговор чилийскому опыту.

С КАЖДЫМ ДНЕМ СТАНОВИТСЯ ВСЕ БОЛЕЕ ОЧЕВИДНЫМ, что именно взаимодействие империализма с внутренней реакцией наряду с недостаточной активностью народного движения привело к насильственной и резкой приостановке революционного процесса. Именно империализм разработал план систематических контрреволюционных действий против правительства Народного единства, навербовав агентуру и следя за выполнением этого плана. Это он разработал стратегию, определил этапы и наметил формы борьбы, используя в качестве практического исполнителя своих террористических замыслов ЦРУ.

Деятельность империализма развивалась в рамках единой стратегии одновременно во многих направлениях, под централизованным руководством, располагавшим практически неограниченными средствами. Эти факты были подтверждены в докладе сенатской комиссии США, возглавлявшейся Фрэнком Черчем, расследовавшей деятельность ЦРУ в Чили в период, когда у власти было правительство Народного единства. В разработке и конкретизации политики, направленной против народного правительства, активное участие приняли Совет национальной безопасности и его подкомитет – «комитет 40», который координировал деятельность департаментов Белого дома, разведывательных органов, Пентагона, госдепартамента и вооруженных сил (председателем комитета был Генри Киссинджер, а каждый шаг этой организации предпринимался с ведома и при прямом одобрении президента Ричарда Никсона). Часть этого разрушительного механизма была разоблачена еще Сальвадором Альенде в связи с опубликованием секретных документов «ИТТ», среди которых были точные планы мероприятий, имевших целью не допустить его вступления на пост президента республики в 1970 году.

Действия империализма против народного правительства планомерно подготавливались в течение ряда лет. В 1965 г., например, страна была потрясена, когда компартия публично разоблачила истинные цели плана социальных исследований, известного под названием «плана Камелот», который должен был осуществляться чилийскими университетами совместно с Пентагоном и «Американ сэсайти юниверсити», с тем чтобы выяснить революционный потенциал страны (и затем, несомненно, принять соответствующие контрмеры). Империализм применял все эти годы самые

различные средства: в качестве информационного центра и для проникновения в массы использовал «корпус мира»; для проникновения в чилийское профдвижение и его раскола прибегал к помощи американских профсоюзных объединений; он финансировал значительную часть исследований, проводившихся в университетах страны, и т. д. В самом «комитете 40» чилийская тема появилась на столе задолго до победы Сальвадора Альенде на президентских выборах. Этот факт вскрывает истинный смысл постоянных усилий буржуазных пропагандистов представить дело так, что якобы действия империализма были ответом на меры, принятые против его интересов народным правительством. Как констатируется в упоминавшемся докладе Черча, уже в «комитете 303» — предшественнике «комитета 40» — рассматривался вопрос о практических действиях, которые бы помешали возможной победе народа на президентских выборах.

Одной из таких мер, наиболее результативной, было проникновение в ряды вооруженных сил, для чего использовались самые различные пути. В рамках реакционной стратегии «безопасности полушария», при систематической антикоммунистической обработке военных и подготовке кадров по борьбе с «подрывной» деятельностью делалось все для того, чтобы использовать армию непосредственно в интересах империализма.

В 1952 г. правительство национального предательства, возглавляемое Гонсалесом Виделой, подписало с США двусторонний пакт о взаимной обороне, и таким образом наша страна была включена в программу американской военной помощи. Вскоре после этого, и особенно после победы кубинской революции, большая часть средств, выделенных по этой программе, была направлена на подготовку чилийских вооруженных сил для борьбы против «восстаний», т. е. для борьбы против собственного народа. Чили была одной из латиноамериканских стран, получивших наибольшую «помощь» как суммарно, так и в расчете на душу населения. С 1950 по 1968 г. 2064 чилийских военных прошли подготовку в США и 549 — на базах в зоне Панамского канала. Согласно официальным американским документам, в 1968 г. подготовка чилийских военных в Панаме была усилена, и эта тенденция сохранилась в 1970—1973 годах. В то же время увеличилась продажа им

военного снаряжения. В упоминавшемся докладе Черча констатируется, что в июле 1069 г. «филиал ЦРУ в Сантьяго запросил и получил разрешение от главного штаба на осуществление секретной программы создания разведывательной сети в вооруженных силах Чили для организации заговора с целью переворота. Программа осуществлялась в течение четырех лет и включала в себя создание агентуры во всех трех видах вооруженных сил Чили. Она охватывала командиров частей, лейтенантов, отставных генералов, офицеров административной службы и рядовых... В конце 1971 и начале 1972 г. ЦРУ активизировало осуществление своей программы военного проникновения... В докладах секретных служб о планировании переворота отмечалось два наиболее вероятных кульминационных периода: один — в последнюю неделю июня 1973 г. (для «танкового удара». — Прим. автора) и второй — в конце августа и первые две недели сентября»[1].

Империализм систематически финансировал политических деятелей, реакционные органы печати, а также профсоюзные и студенческие организации на всем континенте. «Комитет 40», говорится в докладе Черча, выделил большие суммы для поддержания средств массовой информации, которыми располагала оппозиция, и ведения жесткой пропагандистской кампании. Такая «помощь» была оказана под тем надуманным предлогом, будто при народном правительстве свобода печати в Чили находилась под угрозой. В том же плане действовала межамериканская ассоциация печати, в которой господствующую роль играют наиболее реакционные средства массовой информации континента. Согласно документам ЦРУ, показывается далее в докладе Черча, эти усилия сыграли значительную роль в подготовке соответствующей обстановки для осуществления военного переворота 1973 года[2].

Добиться поражения народного правительства стало для империализма первостепенной задачей. Значение, которое этому придавалось, определялось не просто защитой его экономических интересов в Чили: империализм стремился прежде всего помешать распространению на другие страны

[1] Informe de la Comisión Church. «Boletín Informativo». Comité Chileno de Solidaridad — La Habana — Cuba, No. 84, 1976, pág. 10, 12.
[2] Там же.

развивающегося революционного опыта Чили, особенно его влияния на будущее Латинской Америки. Об этой озабоченности правительства и разведывательных служб США совершенно ясно свидетельствует меморандум, подготовленный ЦРУ через несколько дней после победы Сальвадора Альенде на президентских выборах.

«Что касается угрозы интересам США, – указывается в данном документе, – мы пришли к заключению: 1. У Соединенных Штатов нет жизненно важных национальных интересов в Чили. Тем не менее были бы ощутимые экономические потери. 2. Мировое равновесие военных сил не было бы значительно нарушено из-за появления правительства Альенде. 3. Победа Альенде, однако, означала бы значительные политические и психологические потери: а) сплоченность полушария оказалась бы под угрозой в результате вызова, брошенного в адрес ОАГ появлением правительства Альенде, и реакции, вызванной в других странах... б) победа Альенде представляла бы собой определенное психологическое поражение для Соединенных Штатов и решительный психологический успех для марксистской идеологии»[3]. Международный резонанс такого революционного процесса, как чилийский, «подстегивал» действия империализма, ибо этот процесс показывал реальную возможность прихода народа к власти мирным путем и развивался по пути структурных преобразований посредством глубоких изменений в буржуазном государственном аппарате.

ВМЕСТЕ С ТЕМ, ПРЕСЛЕДУЯ ЭТУ ГЛАВНУЮ ЦЕЛЬ, империализм, разумеется, яростно защищал интересы крупных межнациональных компаний в Чили. В 1970 г. Чили была зависимой страной, в значительной степени монотоварным экспортером. Весомый процент импорта товаров, особенно имеющих важное стратегическое значение, приходился на США. Финансовая система Чили являлась придатком финансовой системы США. Традиционный дефицит торгового и платежного балансов нашей страны покрывался за счет внешнего долга и усиленного, неограниченного притока иностранного капитала. Он в решающей степени присутствовал в основных отраслях экономики. В шестидесятые годы им-

[3] Informe de la Comisión Church. «Boletín Informativo». Comité Chileno de Solidaridad – La Habana – Cuba, No. 85, 1976, pág. 6.

периализм широко распространил свои интересы на наиболее динамично развивающиеся отрасли промышленности. Причем монополии США одновременно сохранили свои традиционно сильные позиции в горнорудной промышленности. В 1968 г. иностранный капитал контролировал более одной шестой части вложенного капитала в обрабатывающей промышленности. Из ста крупнейших предприятий в 61 участвовал иностранный капитал, а в 40 такое участие означало полный контроль[4].

Страна была источником высоких прибылей для иностранных вкладчиков. Выступая в день национализации крупнейших предприятий меднорудной промышленности, президент Альенде подчеркивал, что прибыли, полученные здесь компаниями США с 1930 по 1970 г., составили 1 млрд. 576 млн. долларов, в то время как сумма не возвращенных в страну средств (из экспортируемых ценностей) за тот же период достигла 2 млрд. 673 млн. долларов, причем первоначальные капиталовложения исчислялись в 50—80 млн. долларов[5].

Прибыли других многонациональных компаний, таких, например, как «ИТТ», которая сыграла столь активную роль в организации переворота, также неуклонно росли. Более того, как установила комиссия по расследованию деятельности этого концерна в Чили, к моменту победы народного правительства многонациональные компании готовились проникнуть во многие отрасли национальной экономики, например в целлюлозно-бумажную промышленность, производство электронного и электрического оборудования, медеобрабатывающую промышленность, производство автомобильных шин, селитряную промышленность и даже в строительство экономичных жилых домов и соляную промышленность[6].

Понятно, что империализм стремился любыми способами воспрепятствовать проводимым в стране преобразованиям, и прежде всего не допустить распространения на другие страны «доктрины Альенде».

Распространение среди зависимых государств чилийско-

[4] Boletín Mensual Banco Central de Chile, No. 518, abril de 1971.
[5] S. Allende. Discursos. La Habana, Editorial de Ciencias Sociales, 1975, pág. 131.
[6] «Principios» No. 146, julio—agosto 1972, pág. 51.

го опыта национализации крупнейших медных рудников могло иметь для межнациональных монополий весьма серьезные последствия. Империализм понимал, что в случае закрепления ее результатов этот опыт получил бы широкий резонанс не только в Чили. Более того, в условиях, когда империализм пытается воспрепятствовать национализации основных богатств зависимых государств, а народы и правительства стран Азии, Африки и Латинской Америки оказывают его происка все более настойчивый отпор, это обстоятельство могло стать решающим.

Национализация иностранных капиталовложений в странах «третьего мира» — сильный удар по межнациональным монополиям и еще более для них ощутимый, когда национализация проводится не только с учетом стоимости контролируемых в настоящее время инвестиций, но и с учетом доходов, полученных в прошлом сверх уровня, который можно считать нормальным. Таким образом, «доктрина Альенде», в основе которой был именно этот принцип, подрывала сам фундамент деятельности империалистического капитала. По конституционной реформе, единогласно одобренной парламентом и узаконившей национализацию крупнейших медных рудников страны, президент республики получал исключительное право принимать решение о полном или частичном удержании излишков прибыли при исчислении генеральным контролером компенсации иностранным компаниям (имея в виду прибыль, которую филиалы североамериканских монополий в Чили присваивали ежегодно, начиная с мая 1955 года). Президент Альенде полномочен был также определять тот уровень, сверх которого прибыли этих филиалов рассматривались бы как превышающие норму. Таким путем страна получала возможность вернуть себе часть огромного дохода, присваиваемого монополиями США в течение 15 лет.

Вложенный в Чили капитал североамериканских монополий был в несколько раз меньше прибылей, переведенных ими в США. Более того, и «Анаконда компани», и «Кеннекотт коппер корпорейшн» (монополии США, эксплуатировавшие основные месторождения чилийской меди) получили от своих филиалов в Чили такие прибыли, которые намного превышали сумму прибылей, полученных ими во всех других странах мира, с которыми они поддерживали деловые отношения. Например, один из филиалов «Ана-

конды» получал в нашей стране с 1955 по 1970 г. в среднем 21,5 проц. прибыли ежегодно сверх сметной суммы, в то время как доходы «Анаконды» в других странах достигали лишь 3,6 проц. в год. Еще большую прибыль за то же время получал филиал «Кеннекотт» – в среднем 52,8 проц., а в отдельные годы – 100 и даже более 200 проц., как это было в 1969 г.; при этом прибыль ее филиалов в других странах составила в среднем менее 10 проц. в год. Президент Альенде отмечал: «Прибыли отдельных национализированных предприятий за последние 15 лет достигли таких колоссальных размеров, что после введения умеренных ограничений на прибыль – 12 проц. годовых – с них были удержаны значительные суммы»[7]. Таким образом, после вычета этой суммы из компенсации «Анаконда» и «Кеннекотт» стали должниками Чили.

Чтобы избежать распространения чилийского опыта на другие зависимые страны, североамериканские монополии и правительство США развернули гигантскую кампанию нажима на Чили. «Анаконда» наложила эмбарго на чилийское имущество в США. В свою очередь «Кеннекотт» наложила арест на партии чилийской меди и на вырученные от ее продажи деньги во Франции, Голландии, Швеции. Речь шла о том, чтобы, отрезав Чили от притока валютных поступлений, – а именно это означала для нашей страны медь – и нарушив весь процесс сбыта меди за рубежом, задушить Чили в тисках финансовой блокады.

«Очевидно, – писал в те дни «Тайм», – наступление «Кеннекотт» может затормозить в будущем сбыт меди тем клиентам, которые не пожелают подвергаться риску судебных тяжб и возможных дорогостоящих задержек в поставках». Борьба развертывалась наподобие военной операции. «Хозяева «Кеннекотт», – продолжал тот же «Тайм», – полны решимости поддерживать накаленную обстановку вокруг Чили. Манхеттенский оффис генерального советника Пирса Маккрери, руководящего кампанией, походит на военный штаб. Его письменный стол завален сводками об отплытии судов, на стене висит большая карта их рейсов... В это время он следит за перемещением по крайней мере 6 судов, которые направляются в Европу с грузом меди

[7] S. Allende. Discursos, pág. 536.

на борту. В порты их назначения будут направлены агенты компании, которые вручат им повестки в суд»[8].

Было ясно, что в этом наступлении участвовали не только национализированные монополии, чьи интересы были затронуты непосредственно. Правительство США попыталось поставить в качестве условия для пересмотра внешнего долга Чили выплату американским монополиям компенсации, что шло вразрез с конституционными нормами, в соответствии с которыми была проведена национализация. Этим же условием Вашингтон пытался оговорить получение Чили кредитов в таких международных финансовых организациях, как Международный банк реконструкции и развития и Международный валютный фонд.

Конкретный пример такого наступления империализма против национализации запасов меди и «доктрины Альенде» в принципе не представляет ничего удивительного: когда интересы под угрозой, их всегда защищают до последнего. Чтобы противостоять этому наступлению, естественно, требовалось проводить внешнюю политику нового типа — как с точки зрения дальнейшего внешнеполитического курса страны, так и в отношении отвечающего национальным интересам управления внешней торговлей и валютными запасами Чили. Все это, разумеется, было непосредственно связано с осуществлявшимися в то время структурными преобразованиями, при которых становилась возможной независимая внешняя политика.

С национализацией запасов меди, железа и селитры большая часть экспорта страны перешла в руки государственных предприятий. В 1971 г. они осуществили примерно 84 проц. всех экспортных поставок Чили. По программе экспорта 1973 г., которая успешно выполнялась, эта цифра должна была возрасти до 93 процентов. Если говорить об импорте, то в 1971 г. государственные предприятия осуществляли 55 проц. всех импортных поставок, в 1973 г. этот показатель возрос до 76 процентов. Главенствующая роль государства во внешнеторговых операциях имела важное значение для дальнейшего развития в этом секторе начальных форм планирования, выравнивания деформированной структуры чилийской внешней торговли (сокращения в ней

[8] «Time», November 6, 1972.

доли США, развития торговых отношений с другими странами), а также для сопротивления агрессивной политике империализма.

Национализация добычи меди позволила также сделать решающий шаг в области централизованного государственного управления валютными запасами, чему способствовала и национализация банков; до этого значительная часть валютных запасов циркулировала по заграничным счетам «Анаконды» и «Кеннекотт». Таким образом Чили удалось продвинуться далеко вперед в деле централизации руководства внешней торговлей и всеми валютными операциями. В стране стала складываться не существовавшая прежде государственная структура внешней торговли. В целом политика правительства Народного единства позволяла, таким образом, развертывать международные отношения на новой основе.

ЕСЛИ ИМПЕРИАЛИЗМУ УДАЛОСЬ в конечном итоге столь эффективно и в столь широких масштабах организовать контрреволюционные действия против народного движения в Чили, то потому, что меры, принятые революционными силами и их союзниками, были недостаточно решительными. По существу речь шла о явной недооценке главного врага из-за недостаточного теоретического и практического понимания роли и опасности империализма. Этот просчет связан с недостаточно глубоким знанием основных черт структуры чилийского общества. Он объясняется в основном переоценкой некоторых особенностей чилийского общества, когда, с одной стороны, гипертрофированно представлялись возможности революционных преобразований с опорой на сомнительную законность, а с другой — бытовало мнение, что рабочий класс способен собственными силами, без чьей-либо помощи обеспечить успешный ход революционного процесса. В конечном итоге существование и роль этих ошибочных взглядов были связаны с недооценкой всей важности опоры революционных сил на народные массы.

Отрицательную роль сыграло и предвзятое отношение некоторых кругов к тому, что решение экономических проблем имеет важнейшее значение в борьбе за власть, а также к тому, какую значимость приобретает в такой момент помощь социалистических стран. На практике это создавало условия для подрывной деятельности империализма

и олигархии, особенно в сфере экономики, и дальнейшего влияния результатов «дестабилизации» на все области жизни народа[9].

Политика «дестабилизации», которую систематически проводил империализм, опиралась на точное знание структуры чилийской экономики, а также ее ограниченных возможностей, являвшихся результатом ее традиционной и сильной зависимости. Когда Ричард Никсон заявил, что надо заставить завыть чилийскую экономику, это не было простой фразой. Узы зависимости были очень крепкими, и разорвать их было трудным и сложным делом. Достаточно сказать, что в период с 1955 по 1970 г. 37 проц. импорта страны приходилось на США, причем этот показатель доходил примерно до 50 проц., когда дело касалось капиталоемкого оборудования. Цифры не дают еще точного представления о том, что означало решение не допустить, чтобы хоть один болт или гайка попали в Чили. Чтобы представить себе все последствия такого решения, необходимо иметь в виду качественный анализ этого импорта и принять во внимание его трудно заменимый во многих случаях характер. Оборудование для предприятий меднорудной промышленности более чем на 90 проц. импортировалось из США; 87 проц. импорта запасных частей для нефтяной промышленности также приходилось на США; то же положение сложилось в горнодобывающей отрасли.

Традиционная зависимость особенно остро ощущалась в области финансов. Практически все краткосрочные финансовые операции страны были подчинены крупным американским банковским учреждениям. Долгосрочные кредиты страна также получала в основном или от правительства США, или от международных кредитно-финансовых организаций, где США пользуются особенно значительным, а во многих случаях решающим влиянием. Ясно, что получение кредитов обусловливалось интересами и целями империализма в Чили.

В рамках политики «дестабилизации» американские банки прекратили большую часть операций по краткосрочному финансированию. Если, по некоторым подсчетам, объем краткосрочных кредитов до 4 сентября 1970 г. превышал

[9] См. об этом статью О. Мильяса. «Проблемы мира и социализма» № 11, 1975, стр. 60.

300 млн. долларов, то вскоре он упал до 32 млн. долларов. Правительство США и большинство международных кредитных организаций, где влияние этой страны является решающим, фактически прекратили выдачу каких-либо кредитов Чили. В области торговли политика «дестабилизации» привела к растущим трудностям в отношении импорта товаров – их сложно было получить из других стран. К этому добавилось эмбарго и другие подобные действия, о которых мы уже упоминали, направленные против экспорта чилийских товаров.

Экономическая блокада нанесла большой ущерб. Несомненно, проблемы, возникшие в результате операций по «дестабилизации», облегчили деятельность путчистов и позволили им опереться в своих планах на поддержку определенных слоев населения. Тем не менее блокада в основном была сорвана. Этот факт имеет важное значение, потому что показывает, какими возможностями в современных международных условиях располагают такие страны, как Чили, для проведения независимой политики и борьбы против агрессивных экономических планов империализма. Характерно, что география внешней торговли нашей страны постепенно была изменена в корне. Объем импорта из США значительно сократился. Поставки сырья, запчастей и оборудования были обеспечены с других рынков. Экспорт также развивался нормально, за исключением периодов действия эмбарго, наложенного компанией «Кеннекотт». Была перестроена система краткосрочного финансирования на основе соглашений с банками социалистических стран, ряда стран Латинской Америки и капиталистической Европы.

Провал экономической блокады показал, как об этом свидетельствует революционный процесс в ряде стран, особенно опыт кубинской революции, что в наше время монополии США не всесильны. Страна, решившая пойти по самостоятельному пути, разорвав путы зависимости, может рассчитывать – в результате изменения соотношения сил в мире – на поддержку со многих сторон. Во-первых, она может рассчитывать на поддержку социалистических стран. Пример Чили показал также большие возможности расширения экономических связей с латиноамериканскими странами. Эти возможности до настоящего времени в немалой степени лежат под спудом, поскольку латиноамериканские

страны экономически связаны главным образом с США. Стало ясно также, что осуществимы экономические отношения и с некоторыми странами империалистического лагеря в силу существующих в нем противоречий. Отношения Чили с рядом развитых капиталистических стран развивались нормально, в некоторых случаях даже расширились.

В ПЕРИОД ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВИТЕЛЬСТВА НАРОДНОГО ЕДИНСТВА международная солидарность проявлялась в бесчисленных формах – от разоблачения таких империалистических махинаций, как эмбарго на чилийскую медь в иностранных портах, до создания «Музея солидарности», которому подарили свои произведения многие художники с мировым именем.

Размах международной солидарности с чилийским народом после фашистского переворота неотделим от того международного значения, какое приобрело народное правительство Чили. Это признание самых широких кругов было достигнуто без уступок в принципиальных вопросах. Наоборот, оно является результатом проведения правительством Сальвадора Альенде последовательной международной политики.

Народное единство – широкий политический и социальный союз – выковалось, завоевало власть в Чили и осуществило глубокие преобразования, постоянно расширяя свои отношения с СССР и не делая никаких уступок антисоветизму.

Существование народного правительства в Чили и его успехи вдохновляли народы, борющиеся за независимость и социальный прогресс. Чилийский опыт еще раз убеждал на практике, что, хотя империализм прибегает к самым жестоким формам блокады и саботажа, которые, бесспорно, вызывают трудности, это не является непреодолимым препятствием, когда сливаются воедино сознание и усилия народа с солидарной помощью всех прогрессивных и демократических сил.

НЕВООРУЖЕННЫЙ ПУТЬ РЕВОЛЮЦИИ: КАК ОН СЛОЖИЛСЯ В НАШЕЙ СТРАНЕ

Луис КОРВАЛАН,
Генеральный секретарь Компартии Чили

В СЛЕД ЗА КУБИНСКОЙ РЕВОЛЮЦИЕЙ, приведшей народ к власти, одиннадцать лет спустя свершил революцию чилийский народ, завоевав часть политической власти. В течение трех лет правительство Народного единства удерживало эти позиции, осуществив основные структурные преобразования, присущие антиимпериалистической, антиолигархической революции и направленные на достижение социалистических целей. Совершенные в этот период изменения вызвали интерес во всем мире. Особенно привлекало внимание то обстоятельство, что развитие революции пошло по мирному пути, который мы, чилийские коммунисты, предпочитаем называть невооруженным (так как на практике, в конечном итоге, он не столь уж мирен). Этот интерес возрос еще и потому, что правительство, возглавляемое президентом Альенде, было создано народным движением, в котором участвовало несколько партий и различные демократические течения, объединившиеся вокруг общей программы.

Еще Маркс предсказал возможность революции, развивающейся по мирному пути. Известно также, что в 1917 г. большевики, руководимые Лениным, дважды ставили вопрос о мирном развитии революции и действовали в соответствии с этим. Ленин уделял большое внимание данному вопросу, хотя считал эту возможность для условий того времени крайне редкой. Современное международное коммунистическое движение, в силу сложившихся ныне новых условий, расценивает ее как более вероятную в наше время. В Чили, с победой блока Народного единства на президентских выборах 1970 г., эта возможность стала реальностью. Если в ходе некоторых других революций,

развивавшихся по мирному пути, этот процесс был кратковременным или происходил в специфических условиях, сразу после разгрома фашизма, то в нашей стране тезис о реальности такого развития подтвержден трехгодичным опытом.

Чилийская революция потерпела временное поражение. Но такой ее исход не опровергает предположения, что в других странах, может быть, даже и в Чили, рабочии класс и его союзники смогут завоевать политическую власть и осуществить революцию невооруженным путем.

Вот почему революционеры многих стран внимательно изучают чилийский опыт. Что же касается нас, то мы считаем своим долгом сделать существенные выводы из всего развития революционного процесса, которому мы успешно способствовали в течение длительного периода, и проанализировать причины поражения.

*

ЧИЛИЙСКИЙ НАРОД добился части государственной власти, завоевав пост президента республики, а не «прочное большинство в парламенте», как, скажем, предусматривало в своем Заявлении Совещание представителей коммунистических и рабочих партий 1960 г., формулируя тезис о мирном пути революции. Полностью убежденные в значимости и актуальности содержания того Заявления, мы напоминаем о нем только для того, чтобы подчеркнуть разнообразие и богатство реальной действительности в сравнении с любыми, даже по существу своему правильными тезисами, чтобы подчеркнуть многообразие форм, способов и методов революции, о котором в свое время говорил еще Ленин, раскрывая широту учения Маркса.

Однако главное содержание нашего опыта состоит в другом. Он подтверждает, что рабочий класс может совершить революцию, идя любым путем, но при условии, если он способствует развитию классовой борьбы, сосредотачивает огонь на главных врагах, содействует ускорению назревших в обществе перемен и тем самым объединяет вокруг себя большинство народа, создавая соотношение сил, позволяющее ему победить реакцию, связать ей руки.

Пленум Центрального Комитета нашей партии, состоявшийся в августе 1977 г., пришел к выводу: **чилийский опыт**

свидетельствует, что вопрос «кто — кого» зависит прежде всего от того, кто кого изолирует от масс, кто в конечном счете будет сильнее — рабочий класс и его союзники или реакция и ее союзники. Все проблемы чилийской революции, как решенные ею, так и не решенные, были связаны с этим вопросом.

Первый шаг на пути к власти — завоевание поста президента республики — был сделан рабочим классом и его союзниками, блоком Народного единства после победы на выборах 1970 г., на которых они получили большинство голосов, но лишь относительное большинство. Действительно, Сальвадор Альенде победил, получив 36,3 проц. голосов, т. е. в процентном отношении больше всех из трех участвовавших в этой борьбе кандидатов. Такой результат сам по себе не решал вопроса о занятии президентского поста. Во-первых, при той ситуации, когда ни одному из кандидатов не удалось добиться абсолютного большинства, окончательное решение должен был выносить парламент. Во-вторых, — и это главное — результат в 36,3 проц. показывал, что рабочему классу и его союзникам необходимо завоевать на свою сторону новые социальные слои, расширить рамки союзов для достижения такого соотношения сил, которое позволило бы занять пост президента республики и начать преобразования, предусмотренные программой Народного единства. Необходимость таких шагов проявилась как настоятельная, когда стали очевидными планы империализма и чилийской реакции, направленные на то, чтобы воспрепятствовать Сальвадору Альенде вступить на пост главы государства.

Все партии Народного единства это поняли и, исходя из этого, начали действовать. Трудящиеся, народные массы вышли на улицу. Повсюду пытались установить контакты и взаимопонимание с теми демократическими кругами, которые, хотя и не проголосовали за Сальвадора Альенде, были однако склонны признать его победу, руководствуясь при этом различными соображениями: одни придерживались традиции поддерживать того, кто получил наибольшее число голосов, другие испытывали страх перед народом, который не собирался уступать своей победы, третьим — их было большинство, — оказалась близка программа Народного единства, и они предпочитали Сальвадора Альенде кандидату правых сил, занимавшему второе место по числу

полученных голосов. Таким образом, относительное большинство на практике превратилось в абсолютное. Соотношение сил сложилось в пользу Народного единства, помешав изолированным правым элементам задушить революцию в ее колыбели. Их вылазки в этот период потерпели провал в военном отношении прежде всего потому, что правые силы были разгромлены в политическом отношении.

В докладе на нашем августовском пленуме говорится: «Успехи, достигнутые в течение 60 решающих дней, начиная с президентских выборов и до вступления Альенде на пост президента республики, а также успехи, достигнутые в течение всего начального периода, длившегося примерно год, с одной стороны, были результатом широкой общенациональной поддержки первоочередных целей, намеченных народным движением, мобилизации масс на достижение этих целей, единства и сплоченности, продемонстрированных в этот период Народным единством в главном, а, с другой стороны, были результатом того, что Народное единство искало и нашло объективно необходимые соглашения и компромиссы с другими силами».[1)] Такие соглашения были достигнуты с христианскими демократами. Первым из них стал пакт о конституционных гарантиях. Позднее было заключено соглашение о конституционной реформе, касающейся национализации крупных медных рудников.

Как внутри страны, так и за ее пределами находились представители левых сил, которые, занимая догматические и даже антикоммунистические позиции, отрицали любую возможность победы чилийского народа невооруженным путем. Были и такие, кто расценивал одержанную победу как просчет правых сил, которые на выборах 1970 г. в отличие от президентских выборов 1964 г. выдвинули своего кандидата. Истина же в том, что народная победа 1970 г. явилась результатом продолжительной и напряженной политической битвы за единство рабочего класса, за взаимопонимание между социалистами и коммунистами, за объединение народных партий и совместные действия самых широких демократических кругов. Вместе с тем эта победа явилась результатом политической и идеологической борьбы против «левых» и правых тенденций внутри народного

[1] Partido Comunista de Chile. Boletín del Exterior. N° 26, noviembre—diciembre 1977, págs. 20 y 21.

движения, итогом правильного понимания и определения характера чилийской революции и ее этапов, точного обозначения программных целей, выявления основных врагов, главных и второстепенных противоречий в чилийском обществе.

Изменение соотношения сил в пользу Народного единства, происшедшее после избрания Сальвадора Альенде, во многом связано с этой продолжительной и напряженной борьбой, в результате которой произошло не только объединение самых широких слоев народа вокруг Народного единства, но и наметилось его сближение с другими общественными и политическими силами. Во время кампании президентских выборов христианские демократы выступали наряду с Народным единством за достижение таких важных целей, как национализация крупных медных рудников и завершение аграрной реформы. Многие члены ХДП, учитывая собственный опыт, считали также необходимым углубление преобразований и устами своего кандидата Радомиро Томича даже заявляли, что капитализм не способен решить проблемы страны. В таких условиях после выборов стало возможным достижение соглашений между христианскими демократами и Народным единством, установление взаимопонимания между самыми широкими демократическими кругами — в итоге соотношение сил изменилось в пользу народа.

Рабочий класс и народ Чили напрягли свои силы, развили творческую инициативу, они самоотверженно боролись за успех народного правительства и осуществление его программы. Трудящиеся, молодежь, женщины, деятели искусств показали образцы героизма на работе, в организации новых порядков, в распределении продуктов, в которых ощущалась нехватка, в битве против любых вылазок реакции. Революция еще раз показала, что она высвобождает много творческой энергии и что народ во имя лучшего будущего способен на подвиги. Миллионы чилийцев работали в этом направлении до конца.

Хорошо известно, что революция несет в себе опасность контрреволюции, и она бывает развязана, когда революционеры теряют инициативу, когда революция топчется на месте, переходит к обороне и когда, в конечном итоге, соотношение сил сменяется в пользу ее врагов. В Чили это произошло после периода подъема народного движения и

крупных демократических преобразований, периода успехов и удач, в течение которого политика народного правительства пользовалась значительной поддержкой масс. На изменение ситуации оказали влияние различные факторы. Некоторые из них – такие, как непомерно высокие цены на импортируемые товары и значительное снижение цен на экспортируемые, – находились вне контроля правительства и Народного единства. Эти факторы и особенно планы врага, продолжавшего делать свое дело, были объективно довлеющими. Однако, несомненно, для нас, революционеров, важно сосредоточить свой анализ на выявлении глубоких реальных причин поражения народа, на изучении собственных наших ошибок, позволивших империализму и реакции осуществить свои планы.

В рядах Народного единства объединялись и продолжают объединяться различные по своей социальной сущности силы, имеющие различную идеологию – марксисты, рационалисты, христиане. Это было и продолжает оставаться позитивным фактом, отражающим широту союза, созданного вокруг рабочего класса. В единстве такой коалиции заключалась сила народа. Но для того, чтобы единство было прочным, оно должно основываться на общей программе, а также иметь единое и правильное политическое руководство. Причем это руководство наиболее прочно, если рабочий класс играет в нем роль гегемона. Пока осуществлялось такое руководство и пока велась решительная борьба за выполнение программы, все шло в целом хорошо. Когда же эти требования стали соблюдаться половинчато, дела начали разваливаться.

Среди нас, участников народного движения, согласие было не во всем. По мере того, как революция сталкивалась с трудностями, все более необходимым становилось единство планов и действий. Однако именно в такие моменты разногласия обострялись. Внутри Народного единства расхождения в отношении ряда проблем увеличивались, что ставило под угрозу проведение в жизнь политики объединения всего народа вокруг рабочего класса. Таким образом, подрывалась реальная сила процесса. Так постепенно становилась расплывчатой программа. Вместо того, чтобы использовать все наличные силы народного движения для нанесения решительных ударов по империализму, монополиям и помещичьей олигархии, стали

вести борьбу также и против средних слоев, часть которых на начальном этапе была завоевана на нашу сторону, а другая часть – нейтрализована. Реакция смогла перейти в наступление, когда – в значительной степени из-за ошибок в политическом руководстве – она получила возможность выйти из изоляции, образовав фронт с этими средними слоями и распространив свое влияние даже на отдельные группы рабочих. Не все поняли, что сила правительства и Народного единства заключалась в том, что они имели свою программу – стратегическую основу правильного политического руководства. Когда эта правильная линия взяла верх, народ нашел силы для изоляции и разгрома своих врагов. Когда же отступления от программы на деле превратились во вторую программу, различия во взглядах в отношении главных вопросов в значительной степени сковали деятельность Народного единства и правительства. И тогда положение стало быстро ухудшаться, пока не завершилось переворотом.

По нашему мнению, борьба за революцию, со дня президентских выборов 1970 г. и до последнего момента существования народного правительства, стала борьбой за изменение соотношения сил в пользу народа. Необходимо отметить: когда мы говорим о благоприятном соотношении сил, мы не имеем в виду завоевание большинства вообще, а говорим прежде всего о большинстве активном. Стремление завоевать большинство важно всегда, однако, очевидно, что само по себе это большинство еще недостаточно, а вместе с тем в определенные моменты его может временно и не быть. Поэтому понятие благоприятного соотношения сил является более богатым и сложным. Наряду с другими факторами, оно учитывает боевой дух, уровень организации, способность масс к мобилизации, однородность взглядов внутри коалиции и как особый включает в себя военный компонент.

Конечно, сложившийся исход нашей революции не был фатально неизбежным. Не обязательно, чтобы разногласия, которые, очевидно, имеются в любой коалиции, преобладали. Их можно преодолеть, для чего необходимо, наряду с правильной программой и правильным политическим руководством, постоянное участие масс, так как революция в конечном счете – это их детище.

В условиях Чили основной вопрос революции – завое-

вание всей полноты власти – зависел от способности Народного единства изолировать врага и создать превосходство в силах, которое позволило бы перейти от завоевания поста президента республики к овладению всем государственным аппаратом и последовательному глубокому преобразованию всех его институтов.

Реакция пытается представить революционную цель завоевания народом всей полноты власти как зловещую, как тоталитарное, антидемократическое устремление. А дело обстоит как раз наоборот: ставя такую задачу, мы, революционеры, действуем во имя самых благородных, демократических целей. В буржуазном государстве такие важные его составные части, как суды, вооруженные силы, органы прокуратуры, решающие рычаги экономического руководства находятся вне реального демократического контроля, народ не участвует в их формировании и деятельности. Речь, таким образом, идет о том, чтобы обеспечить рабочему классу и народу доступ во все органы и институты государства и чтобы в конечном итоге они перешли в руки народа. Речь идет не о каком-либо особом изощренном плане заговорщиков, как пытается представить дело реакция, а об использовании народом демократических форм, методов и путей, избранных и поддерживаемых им же. Можно сказать, что завоевание всей полноты власти является единственно подлинной материализацией идеи демократии, афористично выраженной Линкольном: «Правительство народа, во имя народа и для народа».

В Чили оказалось возможным изолировать врага и превзойти его в силах для того, чтобы решить ряд революционных задач: национализировать крупные медные рудники, крупные монополистические предприятия и банки, провести аграрную реформу, установить контроль почти над всей внешней торговлей. Но такого превосходства не было достигнуто при постановке революционных задач завоевания всей полноты власти, и главным образом потому, что большинство народа связывало свои надежды скорее с тем, в чьих руках находится правительство, нежели с тем, в чьих руках вся власть.

Широкие народные массы не осознавали необходимости завоевать всю полноту власти, что объяснялось недостатком в политическом воспитании масс на протяжении многих лет, и мы, коммунисты, несем за это особую ответствен-

ность. В итоге мы не располагали соответствующей активной силой, способной мобилизоваться для полного решения этого вопроса. Когда мы предлагали, скажем, создать народные трибуналы, что представляло собой ограниченную меру, но по сути своей служило бы частичной демократизации судебного аппарата, или когда мы намеревались создать единую общенациональную систему образования, что способствовало бы ее демократизации, враг использовал отсутствие у масс ясного представления о необходимых институционных преобразованиях – в результате мы вынуждены были отступить и отказаться от этих инициатив. Намерение, вдохновляющее на эти инициативы, было похвальным, однако, большинство должно было осознать их суть, чтобы они стали реальностью. В той конкретной обстановке было ошибкой выдвигать задачи, которые разъединяли бы фронт поддержки правительства. Последующие события со всей ясностью продемонстрировали массам классовый характер парламента, судебной власти и военных учреждений. Однако соотношение сил к тому времени значительно ухудшилось, что не позволило предпринять плодотворные усилия, – хотя большинство уже сознавало их необходимость – для решения проблемы власти (включая, конечно, демократизацию военных учреждений, внутри которых имелись сторонники перемен, хотя их было и немного).

Рабочий класс и другие передовые силы стремились создать государство нового типа. Возникли некоторые новые формы власти: на предприятиях, перешедших в руки государства, были созданы административные, производственные комитеты и комитеты бдительности; профсоюзы объединились в промышленные пояса; потребители организовали советы по снабжению и контролю за ценами. Однако эти зародыши новой власти – а такой опыт очень ценен – не получили необходимого развития. В это время в результате эскалации деятельности реакции изменился ход развития обстановки. Ослабляли реальную народную власть и способствовали маневрам врага действия ультралевых, которые пытались преобразовать возникшие организации в альтернативную по отношению к правительству президента Альенде власть.

Между тем успешная деятельность народного правительства была чрезвычайно важна для развития революцион-

ного процесса. Необходимо было показать, что нарождавшийся строй широко открывает двери для развития производительных сил, экономического роста, лучшего распределения национального дохода, повышения жизненного уровня народа, т. е. для прогресса страны и социальной справедливости. Подтверждением тому стало использование на полную мощность промышленных предприятий, а на этой основе — рост производства, увеличение доходов трудящихся, мелких и средних предпринимателей, торговцев. Однако наступил момент, когда решающее значение приобрело повышение производительности труда. Трудящиеся, руководствуясь линией нашей партии, осуществили немало ценных инициатив и приложили много усилий, чтобы выиграть битву за производство на перешедших в руки государства предприятиях, а также в деревне. Полная победа правительства Народного единства в решении экономических проблем способствовала бы еще более широкому и прочному, чем вначале, привлечению на его сторону большинства населения страны. Это в свою очередь в огромной степени содействовало бы успешному решению проблем, связанных с завоеванием всей полноты власти. Однако реакционный саботаж на производстве, политика дестабилизации, проводимая империализмом США, а также пренебрежительное отношение к экономическим задачам и отсутствие подлинного руководства экономикой в конечном итоге перевесили чашу весов не в нашу сторону.

Так в Чили обстояло дело с вопросом о власти.

*

ЧИЛИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ показывает, что независимо от пути, по которому развивается данный процесс, решающими факторами являются гегемония рабочего класса и ведущая роль его авангарда.

Гегемония рабочего класса завоевывается в борьбе и признается другими классами и социальными слоями лишь тогда, когда существует на деле. А это достигается в том случае, если рабочий класс проводит последовательную политику союзов и одерживает успехи в этой области.

В борьбе за создание благоприятного для революции соотношения сил одним из главных условий стало завоевание на нашу сторону мелкой буржуазии, средних слоев, а

также полупролетариев. Численность и значение этих социальных сил в такой стране, как Чили, велики. Они далеко не однородны. К ним в первую очередь относятся крестьяне, а также обедневшие слои населения, мелкие торговцы и предприниматели, ремесленники, лица свободных профессий, интеллигенция, студенчество и т. д. Сюда включаются и лица наемного труда, не относящиеся к пролетариату. В период революционных изменений с предельной остротой проявляется тенденция этих слоев к колебаниям между позициями пролетариата и реакции. Часть их на протяжении всего революционного процесса в Чили была на стороне народного движения. Однако шла постоянная борьба за то, чтобы завоевать на ту или иную сторону большинство этих слоев. От определенной поддержки правительства или нейтрального отношения к нему, – что имело место вначале – в последний период они в большинстве своем перешли на сторону контрреволюции. Это послужило поводом сделать обобщающий вывод, что такой негативный сдвиг неизбежен. Утверждалось, что как только промежуточные слои видят реальную возможность коренных изменений, большинство их переходит на сторону реакции, чтобы защитить свои «относительные привилегии». Стало быть, Народное единство и не должно было стремиться к большему по сравнению с уже достигнутым, ограничиваясь поддержкой меньшей части этих слоев.

Такой вывод неправилен. Очевидно, что условия жизни большинства крестьян, а также людей, вынужденных мигрировать из деревни в город (такой процесс был особенно интенсивным в Чили) и существующих благодаря случайному заработку, условия жизни других прослоек населения сходны с условиями жизни пролетариата, а порой и хуже. Только выступая вместе с рабочим классом, эти слои могут занять подобающее место в обществе и иметь лучшие перспективы. Окончательное решение их проблем возможно лишь при победе рабочего класса. Следовательно, всегда существует возможность союза и взаимопонимания с ними.

У мелкой буржуазии есть определенные противоречия с рабочим классом. Однако нет ни малейшего сомнения в том, что она, в свою очередь, является жертвой политики монополий и концентрации капитала в руках финансовой олигархии. Противоречия между мелкой буржуазией и крупным капиталом имеют тенденцию к углублению, и поэтому воз-

растают возможности ее взаимопонимания с пролетариатом. Речь идет о том, чтобы настойчиво добиваться такого взаимопонимания.

В ходе чилийской революции это должно было достигаться путем строгого соблюдения программы, которая учитывала интересы промежуточных слоев и указывала направление главных ударов народных сил – против империализма и олигархии. И в первый период функционирования народного правительства, когда оно действовало согласно программе, настроенность этих слоев была позитивной по отношению к революции. Установить взаимопонимание – значило в политическом плане найти пути согласия между Народным единством и христианской демократией, ряды которой в значительной мере пополнялись за счет средних слоев, тем более, что такая политика способствовала и сплочению самого рабочего класса, среди которого христианские демократы имели и продолжают иметь немалое влияние. Пролетарская линия, направленная на создание широких союзов, на наш взгляд, не только не способствует усилению буржуазного влияния на рабочий класс, а наоборот, освобождает его от такого влияния.

Для успешной реализации этой линии нужна терпеливая работа пролетариата и его организаций с учетом всей сложности проблемы, а также способности империализма и реакции «перетягивать» данные слои на свою сторону.

Вместе с тем действия ультралевых, направленные против мелких и средних собственников, действия, против которых не все Народное единство вело борьбу, имели негативный отклик – гораздо больший, чем само число таких акций и реальный вес их подстрекателей. Сказалось то, что в Народном единстве не было однозначного понимания характера данного этапа революции, некоторые считали, что речь шла уже о непосредственно социалистической революции. При этом они не сознавали, что и в ходе социалистической революции необходимо проводить такую политику в отношении средних слоев, которая позволила бы им вносить свой вклад в развитие процесса. Эта политика должна быть широкой, гибкой и вместе с тем твердой. Ее важно проводить, сочетая материальную заинтересованность этих слоев с убеждением и вместе с тем с усилением борьбы народа, направленной на устранение колебаний мелкой буржуазии.

Тот факт, что мы открыто провозглашаем наши социали-

стические цели, сам по себе не ограничивает возможности союзов рабочего класса. В современную эпоху, в условиях государственно-монополистического капитализма, который сегодня находит проявление даже в неразвитых странах, усиливаются противоречия между империализмом и этими странами, между финансовыми олигархиями и народами. Вопрос в том, чтобы вскрыть эти противоречия и использовать их, как это делал Ленин в условиях русского общества того времени. Для этого необходимы поиски формул широкого взаимопонимания, попытки завоевать на сторону социализма средние слои, учитывая их законные требования, обеспечивая им такой уровень доходов и развивая такие формы их участия в жизни нового общества, благодаря которым они сделают свой выбор в пользу этого общества.

В подготовку победы 1970 г. и утверждение правительства президента Альенде внесли свой вклад все партии Народного единства. Это бесспорно. Но бесспорно и то, что Коммунистическая партия была главным творцом чилийской революции. Именно она увидела возможность создать народное правительство невооруженным путем, разработала практические меры для осуществления этой альтернативы — в этом ее несомненная заслуга. На протяжении многих лет наша партия неустанно вела борьбу за сплочение вокруг рабочего класса антиимпериалистических и антиолигархических сил, учитывая неотложность и необходимость назревших в чилийском обществе преобразований. Компартия правильно определила характер революции и политику союзов. Она пришла к выводу, что мирный путь не исключает некоторые формы насилия (такие, как захват земельных участков в деревне крестьянами, а на городских окраинах — жителями поселков), что прежде всего необходимо единство и постоянная, активная мобилизация масс. В борьбе за проведение этой линии, правильность которой подтвердилась на практике, компартия постоянно выступала против левого сектантства, ставившего под сомнение ее политику и не принимавшего тактику широких союзов, выступала против правых, стоявших на позициях соглашательства с врагом.

Компартия добилась очень большого влияния на широкие круги рабочего класса, особенно на промышленный пролетариат, шахтеров, а также строителей. В последние годы ее

влияние быстро распространялось на деревню, прежде всего на сельскохозяйственных рабочих. Она была очень сильна среди молодежи: самой крупной в стране политической организацией молодежи была коммунистическая. Наше влияние было весьма значительно в университетских кругах, среди деятелей культуры (хотя существенно меньше среди других средних слоев). С организационной точки зрения компартия стала самой многочисленной: к моменту переворота в ее рядах насчитывалось 195 тыс. человек с различным уровнем политической подготовки, а в рядах коммунистической молодежи – 87 тысяч. Мы представляли собой мощную силу, способную при достижении взаимопонимания с союзниками привести в движение широкие массы. Партия сознавала, что в революционном процессе под массами понимаются уже не только сотни тысяч людей, а миллионы. И их возможно было поднять прежде всего во имя решения крупных проблем страны, которое уже назрело с точки зрения сознания масс. Однако возможности компартии мобилизовать народ сужались в тех случаях и в тех вопросах, когда не удавалось добиться взаимопонимания с другими силами; в результате она мобилизовывала лишь те слои, которые находились под самым непосредственным ее влиянием.

В период деятельности народного правительства наблюдалось сильное политическое расслоение. Вес политических партий в жизни страны был весьма значителен. Их решениями руководствовались в своих действиях не только члены данных партий, но и основная часть тех кругов, на которые они оказывали влияние. С точки зрения оценки наших возможностей показателен тот факт, что во время выборов на каждого члена нашей партии пришлось меньшее число голосов по сравнению с другими партиями (немногим более двух голосов на каждого члена партии или ее молодежной организации). Поэтому компартия считала, что она выполняет свою миссию авангарда не только путем укрепления своих рядов, не только расширяя свое непосредственное влияние на массы, но вместе с тем и находя пути взаимопонимания с социалистами и другими партиями Народного единства. Мы продолжаем и будем продолжать поиски единства со всеми демократическими и антифашистскими (включая нефашистские) силами, – хотя уже произошли и предвидятся изменения, – добиваясь в первую

очередь взаимопонимания с социалистической партией и со всеми другими партиями Народного единства.

В СУЩЕСТВОВАВШЕЙ ОБСТАНОВКЕ не все зависело от нас. Наши возможности выполнять руководящую роль были объективно ограничены. Не всегда мы могли стать признанным авангардом рабочего класса и народа в целом.

Как учит ленинизм, твердая линия партии, ее несгибаемая воля — особенно в решающие моменты — также являются факторами, влияющими на настроение масс. И здесь у нас были некоторые слабости. Например, мы не все сделали для защиты кабинета, возглавлявшегося генералом Пратсом. Его отставка была спровоцирована в марте 1973 г., именно в тот момент, когда реакция взяла прямой курс на государственный переворот, и народному правительству необходимо было продолжать опираться на те круги вооруженных сил, которые готовы были продолжать с ним сотрудничать. В специфической обстановке, преобладавшей в ходе чилийского революционного процесса, недостаточно было лишь несгибаемой решимости партии, дабы с честью выйти из той или иной критической ситуации. Инициатива и революционная решимость имеют существенное, а иногда жизненно важное значение, однако лишь в преломлении к объективным, конкретным условиям. Иначе существует опасность скатиться к волюнтаризму, стремлению выдать желаемое за действительное, и даже к авантюре.

Какие бы специфические черты ни были присущи чилийской революции — а их действительно немало, как и в любой революции, — в свете этого опыта ни один основополагающий тезис марксизма-ленинизма не может быть поставлен под сомнение. Напротив, наш опыт их подтверждает. Из глубокого и детального анализа чилийского процесса в целом вытекает, что общие закономерности революции остаются в силе. Достигнутые нами успехи тесно связаны скорее с учетом этих закономерностей, а наши неудачи — с их недооценкой, нежели с удачами и просчетами в определении специфических черт, которые, конечно, нельзя и недооценивать. И это понятно. Вместе с тем несерьезно было бы, например, утверждать, что падение правительства Народного единства связано с тем, что не были учтены те или иные закономерности. Простая констатация того, что мы не решили вопроса о завоевании всей полноты власти, что мы своевременно не перешли на вооруженный путь и другие

подобные утверждения вне учета сложившейся тогда обстановки, реальных препятствий и трудностей, то есть без объективного рассмотрения процесса в целом также отнюдь не являются научным объяснением. Еще раз вспомним ленинские слова о том, что истина всегда конкретна.

Августовский пленум ЦК Компартии вскрыл наши действительные ошибки и упущения, выделив прежде всего два из них. Во-первых, партия хорошо разработала свою политическую линию на весь период, который привел к частичному завоеванию власти, и на первый период деятельности народного правительства. Однако теперь стало ясно, что недостаточно четко была разработана наша линия на завоевание всей полноты власти и перехода от одного этапа революции к другому, что позволяло бы действительно прийти к социализму. Во-вторых, мы не разработали соответствующей военной политики. С 1963 г. партия занялась военной подготовкой своих членов и прилагала усилия для того, чтобы приобрести некоторое количество оружия в целях защиты правительства, которое, как мы были уверены, народ создаст. Но этого оказалось недостаточно, ибо наша деятельность в данном направлении не сопровождалась главным — а именно проведением постоянной и длительной работы по пропаганде правильного отношения народного движения к военным. Это было необходимо, чтобы развеять в среде военных неверные, навеянные клеветой представления о рабочем классе и Народном единстве, чтобы идеи марксизма доходили до сознания людей без искажений. Следует признать, что враг, напротив, постоянно действовал внутри вооруженных сил.

На ошибках учатся. Наша партия, так же как и другие партии Народного единства, уже усвоила много уроков. Анализ еще не завершен, он продолжается, и все еще предстоит извлекать уроки и систематизировать их. Народ и рабочий класс Чили учатся и будут учиться, усваивая этот опыт, а также опыт других партий и народов, опыт борьбы и революционную теорию.

Некоторые вещи уже стали ясными. В Народном единстве, заслуга которого, помимо прочего, — в том, что оно вынесло испытание поражением, не претерпев раскола, в настоящее время сложилось более ясное и устоявшееся представление о характере революции, о необходимости различать этапы, не отгораживая их один от другого какой-

то стеной, о необходимости развивать политику широких союзов, объединять все антифашистские и нефашистские силы, включая христианских демократов и демократические круги вооруженных сил – все это во имя того, чтобы свергнуть диктатуру, создать новую демократию, сформировать народное гражданско-военное правительство и вновь пойти по пути преобразований в направлении социализма.

В настоящее время чилийский народ еще тверже убеждается в том, что свобода не существует как явление надклассовое. Он боролся за нее еще со времен войн арауканов против испанских конкистадоров. Рабочий класс, поставив перед собой цель не только собственного освобождения, но и освобождения всего общества, ведет последовательную борьбу за то, чтобы добиться свободы для огромного большинства, а в конечном итоге – для всех. Но нельзя сказать, что в течение трехлетнего периода деятельности народного правительства эта основная проблема решалась во всем правильно. Наше правительство представляло собой крупное завоевание на пути демократизации страны, оно расширило свободы для народа, предоставило трудящимся такие права и возможности, которых у них никогда раньше не было, например, возможность управлять предприятиями, где они работают. Во всем этом несомненная заслуга народного правительства. Однако оно допустило серьезную ошибку, позволив силам контрреволюции пользоваться почти неограниченной свободой с тем, чтобы в итоге покончить со свободой.

Народное единство было и остается сторонником плюралистского режима, признающего гарантии и для оппозиции, если она придерживается рамок законов, суверенно принятых народом согласно нормам правового государства. В этом отношении мы, чилийские коммунисты, занимаем твердую позицию. Мы – сторонники такого понимания политического плюрализма, при котором нет места фашизму, режиму, являющемуся синонимом преступлений и противоречащему свободе. Как было сказано на нашем пленуме, мы считаем, что революция должна предоставить бóльшую свободу народу, а не его врагам. Этому пониманию научил нас собственный тяжелый опыт.

И последний вопрос. Чилийская революция в течение длительного времени развивалась по невооруженному пути не только в результате усилий нашего народа, но также

благодаря новым международным условиям, изменениям в соотношении сил на мировой арене. До недавнего прошлого не все правильно оценивали историческое значение Октябрьской революции, роль СССР и стран социалистического содружества, их политики мирного сосуществования. У сторонников решительных действий иногда появлялись признаки антисоветизма и рождались неправильные концепции; политика разрядки, например, по мнению некоторых людей, тормозила борьбу народов. Теперь произошла значительная эволюция во взглядах. Убедили факты. Мы не только в прошлом, но и сейчас продолжаем пользоваться неоценимой поддержкой СССР и социалистического мира. Движение солидарности с народом Чили развернулось на всех континентах, в нем участвуют широкие демократические силы. Однако, несомненно, самыми последовательными являются социалистические страны, за прискорбным исключением Китая. С другой стороны, за годы, связанные с жестокими репрессиями в Чили, в мире произошли такие важные события, как победа народов Вьетнама и Анголы, свержение фашистской диктатуры в Португалии и крушение колониальной португальской империи, падение диктатуры в Греции и развал франкизма в Испании. Все это дало возможность не только части, но и всему народу Чили осознать значение Советского Союза и социалистических стран, значение пролетарского интернационализма и международной солидарности. Эти события убедили чилийские народные массы в том, что мир развивается в направлении прогресса, а не регресса.

На этом и, разумеется, в первую очередь на собственной борьбе основывается уверенность народа Чили в его победе. Наш народ разгромит фашизм, создаст новый демократический строй и вновь станет на путь, ведущий к социализму, на порог которого ему удалось вступить при президенте Альенде.

Книга подписана в печать 22 декабря 1977 года

Цена 60 копеек

Международное издательство
«МИР И СОЦИАЛИЗМ»